84 3/77

12940.
3

843/77

ЧЕЛОВѢКЪ

ВЪ

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ

АКАДЕМИКА К. БЭРА.

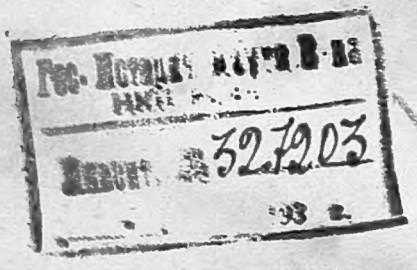
(Изъ сочиненія «РУССКАЯ ФАУНА» Ю. Симашко).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Апрѣля 25 дня 1851 года.

Цензоръ: *А. Крыловъ.*



Печатано въ Типографіи К. Вингебера.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано*	*Должно быть.*
5	— 16 —	Nasua	Nasica
14	— 7 —	соединятся	соединяется
15	— 2 сверху	двумъ	двумя
21	— 17 снизу	закырываетъ	закрываетъ
24	— 6 сверху	мометъ	можетъ
26	— 12 —	личнаго	личной
27	— 10 —	лобъ выше;	лобъ дѣлается выше;
—	— 13 —	части	часто
30	— 1 —	невры	нервы
31	— 5 сверху	Такъ	Также и
41	— 5 снизу	филисофіи	филосоѳіи
51	— 7 —	которое	котораго
57	— 8 —	признакахъ	признаковъ
61	— 12 снизу	Африки	Египта
63	— 15 сверху	въ 1800	около 1800
64	— 3 снизу	Въ Новомъ свѣтѣ вовсе нѣтъ	Въ сѣвер. Америкѣ вовсе не было
72 } 73 }	Выноска помѣщенная на стр. 73 относится къ стр. 72, и на оборотъ помѣщенная на 72 относится къ стр. 73.		
76	— 10 снизу	паро-	народовъ
80	— 14 сверху	lme	palme
84	— 9 —	Америки	Африки
98	— 6 снизу	Австрійскими	Авсралійскими
189	— 12 —	обоимъ	обѣимъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. *Особенности человѣка и признаки отличающіе его отъ животныхъ* 1. — a) По своему тѣлесному устройству, человѣкъ принадлежитъ къ классу животныхъ млекопитающихъ 1. b) Тѣлесныя признаки отличающіе человѣка отъ прочихъ млекопитающихъ 3 — въ умственномъ отношеніи человѣка нельзя даже и сравнивать съ животными; по своему уму, онъ принадлежитъ къ другому міру: тѣлесныя особенности служатъ основаніемъ для развитія его духовнаго начала 3. Тѣлесные признаки, отличающіе человѣка отъ прочихъ млекопитающихъ суть: частью *несущественные* 4, — частью *существенные* 6.

Къ послѣднимъ относятся:

1) Вертикальное положеніе 7, съ которымъ связаны:

a) Положеніе затылочнаго отверстія 7; — b) Видъ позвоночнаго столба и груди 8; — c) Форма таза и бедряной кости и сила мускуловъ сѣдалищныхъ и составляющихъ икры 10. — d) Строеніе стопы приспособленной къ хожденію, бѣганію и т. д. 13; — e) Строеніе руки, какъ самаго совершеннаго орудія 18.

2) Органъ произведенія сочлененныхъ звуковъ, какъ средство удовлетворяющее стремленію выражать мысли 21.

3) Форма человѣческой головы есть форма особенная, по вертикальному положенію лица и по величинѣ черепной полости (личной уголъ и пересѣченіе вертикальною плоскостью 24). Это происходитъ отъ сильнаго развитія мозга и особенно полушарій большаго мозга 27; мозгъ представляетъ не только большую массу, но и высшую организацію 27. — Высшее развитіе мозга есть основная особенность человѣка, отъ которой происходятъ всѣ другія существенныя: короткость лица, подвижность голосоваго органа и вертикальное хожденіе 34. — Высокое развитіе мозга само есть выраженіе его духовнаго начала 41. — Тѣло всякаго животнаго есть результатъ извѣстныхъ жизненныхъ процессовъ, которые можно назвать выраженіемъ идеи творенія 46. — Самая общая идея творенія есть по видимому облагороженіе и усовершенствованіе человѣческаго рода 50.

II. *Различіе людей между собою въ тѣлесномъ отношеніи* 53. — Единичныя уклоненія отъ нормальнаго развитія 53. — Наслѣдственныя или народныя отличія 54. — Породы 55. — Всѣ люди составляютъ одинъ видъ 57. — На основаніи историческихъ данныхъ нельзя рѣшить, наслѣдственны-ли или первоначальны отличія 58. — Выводы Естественной Исторіи противорѣчатъ этому предположенію 64. — Наблюденія надъ домашними животными и законы распространенія по землѣ различныхъ животныхъ противорѣчатъ тому мнѣнію, что люди произошли на землѣ въ различныхъ мѣстахъ 70. — Поэтому отличія людей должно разсматривать какъ слѣдствіе различныхъ внѣшнихъ условій 72. — Думали даже найти одинъ первоначальный коренной языкъ, отъ котораго произошли всѣ другіе 75. — Какой видъ имѣли первоначальные люди? Черепа находимые въ древнихъ гробницахъ 81. — Нѣкоторыя доказательства постепеннаго измѣненія человѣческаго рода, почерпнутыя изъ Исторіи 83. — Сводъ замѣчаній о происхожденіи отличія между людьми 92. — Раздѣленіе людей на народы или группы 94, и въ особенности Блуменбахово дѣленіе 95. — Какія отличительныя свойства людей наиболѣе замѣтны? цвѣтъ кожи 101; — цвѣтъ и качество волосъ 106; — величина и форма всего тѣла 109; — черепъ и лице 110. — Различіе языковъ; такъ какъ изученіе языковъ только еще началось 121, то должно раздѣлить народы на группы, принимая въ расчетъ и тѣлесное устройство людей и состояніе ихъ образованности 132.

III. *Обозрѣніе группъ народовъ населяющихъ земной шаръ* 1). Негритосъ или Меланійцы 133. — 2) Океанійцы или Полинезійцы 137. — 3) Американцы 144. — 4) Негры 161. — 5) Народы восточной Азіи 170. — 6) Народы западные или совершенствующіеся 190. — Симитическіе народы 191. Индо-европейскіе народы — 215. Заключеніе 230.

Человѣкъ, по устройству своего тѣла, принадлежитъ къ млекопитающимъ животнымъ.

Сколько бы ни превосходилъ человѣкъ другихъ животныхъ въ духовномъ отношеніи, но, по устройству своего тѣла, онъ сходствуетъ съ тѣми изъ нихъ, которыхъ мы называемъ млекопитающими. Онъ дышетъ, подобно имъ, легкими, точно также устроенными и висящими свободно въ грудномъ ящикѣ. Полость этого ящика отдѣляется отъ брюшной посредствомъ мускульной и слѣдовательно подвижной преграды такъ-же, какъ и у млекопитающихъ. Онъ рождается матерью въ состояніи младенца, уже способнаго къ движенію, и тогда питается молокомъ, получаемымъ изъ ея сосцевъ, точно такъ-же какъ и млекопитающія животныя.

Изъ млекопитающихъ животныхъ нѣкоторыя, въ устройствѣ своего тѣла, имѣютъ болѣе сходства съ человѣкомъ, нежели другія.

Наиболѣе отъ него отличаются разумѣется китообразныя, или такія млекопитающія, которыя проводятъ всю свою жизнь въ водѣ, потому-что конечности ихъ, по своему устройству, вовсе не допускаютъ хожденія по твердой землѣ. Хотя не въ такой степени, однако еще весьма отличны отъ человѣка всѣ настоящія четвероногія животныя, то есть такія, которыя ступаютъ по землѣ на 4-хъ одинаково устроенныхъ ногахъ. Всѣ они, будутъ ли пальцы ихъ одѣты на концахъ копытами, или вооружены когтями, имѣютъ только ступни, но не имѣютъ ручныхъ кистей. Кистью мы называемъ послѣднее отдѣленіе конечности, такъ устроенное, что одинъ палецъ, всегда самый внутренній, двигается отдѣльно отъ прочихъ и

можетъ быть имъ противопоставленъ. Если мы теперь бросимъ взглядъ на всѣхъ млекопитающихъ животныхъ, то найдемъ между сумчатками родъ, который дѣйствительно имѣетъ двѣ кисти, это родъ Двуутробки (Didelphis) или американскія сумчатки. Однако же кисти у нихъ находятся на заднихъ конечностяхъ, между тѣмъ какъ человѣкъ на своихъ нижнихъ конечностяхъ, которыя, если-бы онъ ходилъ на четырехъ ногахъ, были-бы задними, имѣетъ только ступни, но не кисти. Такъ-же и въ другихъ отношеніяхъ американскія сумчатки не имѣютъ никакого сходства съ человѣкомъ. Они имѣютъ длинное, острое рыло и многочисленные острые зубы, очень широкую и выдающуюся ушную раковину, весьма длинный хвостъ и т. д. Напротивъ, другое большое семейство, или отрядъ млекопитающихъ, которыхъ всѣхъ въ общежитіи называютъ обезьянами, представляетъ весьма замѣтное сходство съ человѣкомъ. Сходство это такъ велико, что во всѣ времена и всѣми было замѣчено, даже безъ всякихъ научныхъ изслѣдованій. Но ученыя изслѣдованія показали, что разница гораздо болѣе, чѣмъ можно-бы подумать при поверхностномъ взглядѣ. Такъ обезьяны имѣютъ на всѣхъ четырехъ конечностяхъ кисти и потому этотъ отрядъ называется *четырерукими*. Между четырерукими однако опять только нѣкоторыя имѣютъ бо̀льшое сходство съ человѣкомъ, потому-что другія имѣютъ длинный хвостъ, каковы всѣ американскія и многія обезьяны стараго свѣта. Многія изъ послѣднихъ имѣютъ, кромѣ того, еще твердыя мозоли на сѣдалищахъ; у другихъ, какъ у павіановъ, лицовытянуто въ длинное рыло и болѣе похоже на собачье, чемъ на лицо человѣка. Поэтому-то только немногіе виды обезьянъ дѣйствительно похожи на человѣка; но и у этихъ нижняя часть заднихъ конечностей не можетъ быть сравнена съ широкою ступнею человѣка, но представляетъ ручную кисть. Обезьяны организованы не для вертикальнаго хожденія, но для лазанія по деревьямъ, на которыхъ они поэтому и живутъ по бо̀льшой части.

Когда же они принуждены ходить по землѣ, то ступаютъ всѣми членами, хотя при сидѣніи они добровольно держатъ туловище прямо. На однихъ заднихъ кистяхъ они могутъ держаться только не свободно. Причину этого мы разсмотримъ ближе въ послѣдствіи. Этихъ животныхъ мы будемъ называть *полустоячими*[*]) (halb aufrecten). Здѣсь мы приводимъ главное отличіе человѣка, что бы при слѣдующемъ полномъ сравненіи легко было всегда отличать однимъ словомъ четырерукихъ и четвероногихъ. Послѣдніе, какъ длинные полустолчіе звѣри могутъ быть во многихъ отношеніяхъ сходны съ человѣкомъ.

У одного человѣка верхнія или переднія конечности оканчиваются кистями, а нижнія въ тоже время ступнями. Это отличаетъ его и въ физическомъ отношеніи отъ всѣхъ другихъ животныхъ. По этому онъ составляетъ особенный отрядъ: *двурукихъ* (см. табл. 1 сист.). Какъ ни удаляется человѣкъ отъ другихъ животныхъ этимъ признакомъ, какъ высоко онъ ни стоитъ надъ ними, что мы подробнѣе скоро увидимъ, но все таки онъ по устройству своего тѣла остается млекопитающимъ животнымъ и составляетъ по этому предметъ зоологіи.

О тѣлесномъ отличіи человѣка отъ остальныхъ млекопитающихъ.

Различіе человѣка и другихъ животныхъ въ духовномъ отношеніи такъ велико, что даже трудно вполнѣ дать объ немъ точное понятіе. Мы встрѣчаемъ въ другихъ животныхъ только едва замѣтные слѣды тѣхъ духовныхъ способностей, которыя, въ большей или меньшей степени, находятся у всѣхъ людей. Поэтому-то съ полною справедливостью можно сказать, что хотя человѣкъ по своему тѣлу есть животное, но по своей духовной натурѣ прина-

(*) Трудно найти слово для выраженія этого понятія. Полустоячими живот. мы будемъ называть тѣхъ, которыя при движеніяхъ держатъ спину въ положеніи среднемъ между вертикальнымъ и горизонтальнымъ, т. е. наклонно.

лежитъ другому разряду существъ: къ существамъ духовнымъ; всегда и на всѣхъ степеняхъ образованія онъ имѣетъ сознаніе другаго существа высшаго, нежели онъ самъ. Эти разсужденія впрочемъ не относятся уже къ зоологіи, къ которой мы теперь возвратимся. Здѣсь мы хотимъ показать только тѣлесное различіе человѣка и другихъ животныхъ, въ бо́льшей связи чѣмъ обыкновенно это излагается въ общихъ анатомико-физіологическихъ трактатахъ о устройствѣ и жизни животныхъ. Наше намѣреніе таково, чтобы тѣмъ доказать, что *человѣкъ стоитъ въ головѣ творенія, что его физическое устройство гармонируетъ съ его духовными способностями, и* что онъ *по своей организаціи можетъ и долженъ развивать свои умственныя способности.* Отличія человѣка отъ остальныхъ млекопитающихъ весьма многочисленны. Однако частью эти различія единичны, такъ что недостатокъ одного подобнаго отличія не имѣетъ вліянія на натуру человѣка; такія отличія называемъ мы *несущественными.* Такое несущественное отличіе представляетъ, напримѣръ то, что человѣкъ имѣетъ выдающіяся внизъ ушныя мочки (сережки), а другіе звѣри ихъ не имѣютъ. У обезьянъ еще находится мягкая часть, которую мы также называемъ мочкою, но она уже не направлена внизъ, хотя вся ушная раковина походитъ на человѣческую. Сходство между человѣкомъ и обезьянами мы находимъ преимущественно въ лицѣ. У другихъ животныхъ вытягивается ушная раковина въ большую трубку, а мочки у нихъ нѣтъ вовсе.

Форма толстой, на двѣ длинныя несовершенно отдѣльныя лопасти, раздѣленной печени, составляетъ такъ-же принадлежность почти одного человѣка, потому-что такая печень встрѣчается только у не многихъ обезьянъ. Тоже можно сказать о тонкомъ червеобразномъ отросткѣ весьма короткой слѣпой кишки человѣка, который встрѣчается только у самыхъ близкихъ къ человѣку обезьянъ. У другихъ-же животныхъ отростка нѣтъ, какъ говорятъ обыкновенно. Въ сущности однакожъ

длинная и толстая слѣпая кишка, бо́льшей части травоядныхъ животныхъ, есть тотъ же червеобразный отростокъ; разница только та, что у человѣка онъ остается, съ самаго начала, мало развитымъ и какъ бы излишнимъ, между тѣмъ какъ у травоядныхъ животныхъ онъ дѣлается весьма большимъ.

Такъ-же и выдающійся въ видѣ крышки носъ можно принять какъ особенность человѣческаго лица. У другихъ млекопитающихъ носъ выдается на лицѣ очень мало. Если же это и бываетъ, то онъ вытягивается впередъ въ видѣ трубки и образуетъ то, что называется хоботомъ; хоботъ же есть ничто иное, какъ удлиненіе нижней части человѣческаго носа. Обезьяны, которыя столь похожи на человѣка, имѣютъ носъ очень плоскій; только одна обезьяна которую называютъ длинноносою: (Simia Nasica L. или Semnopithecus rostratus), имѣетъ носъ который у основанія подымается въ видѣ крышки, а на концѣ вытягивается въ хоботъ. Такимъ образомъ носъ этой обезьяны соединяетъ въ себѣ характеры человѣческаго носа и хобота звѣрей.

Такъ же и глаза человѣка отличаются отъ глазъ звѣрей во многихъ отношеніяхъ, даже и въ размѣрахъ. Такъ, маленькая складка, находящаяся въ углу человѣческаго глаза у другихъ животныхъ гораздо больше(называется3-е вѣко, или мерцательная перепонка) и содержитъ, у настоящихъ четвероногихъ, внутри себя особенный хрящикъ. Далѣе, радужная перепонка и зрачекъ у человѣка гораздо менѣе, сравнительно съ величиною всего яблока, чѣмъ у другихъ животныхъ; отъ этого у человѣка сквозь разрѣзъ вѣкъ видно болѣе бѣлковой оболочки, чѣмъ у животныхъ.

Въ концѣ этого обзора несущественныхъ отличій мы показали и такія особенности человѣка, которыя вѣроятно зависятъ отъ высшей его природы. Я ихъ поставилъ между несущественными отличіями только потому, что еще не въ состояніи ясно доказать связь съ высшимъ развитіемъ человѣческаго моз-

га, хотя въ самомъ дѣлѣ я въ этомъ не сомнѣваюсь. Мы безсознательно чувствуемъ, что взглядъ человѣческихъ глазъ облагороживается тѣмъ, что въ нихъ видно много бѣлковой оболочки, и что, напротивъ, малое развитіе этой послѣдней, въ глазахъ животныхъ, даетъ имъ выраженіе дикости. Это обстоятельство уже давно замѣчено художниками, которые рисуютъ у ангеловъ радужину даже нѣсколько меньше чѣмъ у человѣка. Точно также мы чувствуемъ, что лицо, въ которомъ верхняя часть носа мало выдается, какъ напр. у негровъ и калмыковъ, имѣетъ въ себѣ что-то неблагородное; между тѣмъ какъ лицо съ высоко, рѣзко выдающимся хребтомъ носа намъ обыкновенно кажется умнымъ. Говорятъ что Наполеонъ для важныхъ должностей выбиралъ, преимущественно, людей съ большимъ носомъ, составивъ себѣ правило что такіе люди рѣдко бываютъ глупы. Въ сущности ясно, что выдающаяся форма носа человѣка зависитъ отъ того, что верхнечелюстныя кости у него болѣе скрыты подъ собственно черепомъ, чѣмъ у всякаго другаго млекопитающаго. Мы скоро постараемся доказать, что это положеніе челюстей, отодвинутыхъ назадъ, зависитъ отъ высшаго развитія человѣческаго мозга.

Однако бо̀льшая часть признаковъ о̀тличающихъ человѣка отъ другихъ млекопитающихъ зависитъ совершенно явственно отъ *существенныхъ или главныхъ* отличій; эти многочисленные признаки служатъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ главныя отличія, или лучше сказать: если человѣкъ, по мысли Создателя, долженъ отличаться отъ другихъ животныхъ, извѣстными главными характерами, то эти дѣлаютъ необходимымъ для него множество другихъ меньшихъ отличій. Такъ, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ характеровъ человѣка, котораго нѣтъ даже у орангутанговъ, есть его широкія ступни. Ступни такимъ образомъ устроенныя явственно назначены для того, чтобы дать возможность твердо ходить и стоять только на 2-хъ ногахъ.

Главныя отличія человѣка, какъ мнѣ кажется, приво-

дятся къ тремъ: 1) вертикальное положеніе тѣла при хожденіи и стояніи, 2) большое развитіе мозга, и въ особенности той его части, которую называютъ полушаріями и 3) большая и свободнѣйшая подвижность частей, служащихъ къ произношенію буквъ при разговорѣ.

Мы разсмотримъ эти отличія каждое отдѣльно.

1) *Человѣкъ* назначенъ, *по своей организаціи*, къ вертикальному положенію при стояніи и хожденіи, и, притомъ изъ всѣхъ животныхъ *одинъ только онъ можетъ стоять прямо*. Съ этимъ назначеніемъ гармонируетъ то, что его затылочное отверстіе, чрезъ которое хребетной мозгъ переходитъ въ головной, находится почти посрединѣ нижней-поверхности черепа. У обезьяны оно лежитъ въ серединѣ между нижнею и заднею плоскостью; у настоящихъ же четвероногихъ оно лежитъ совершенно на задней поверхности. Вслѣдствіе этого положенія у четвероногихъ черепъ можетъ составлять не верхній, но передній конецъ хребетнаго столба. Чтобы его поддерживать четвероногое животное нуждается въ гораздо сильнѣйшихъ затылочныхъ мускулахъ, чѣмъ человѣкъ. При весьма тяжелой головѣ, какъ напр. у быка, у лошади и подобныхъ имъ животныхъ, одни эти мускулы, можетъ быть, не имѣли-бы силы поддерживать ее довольно долгое время, если-бы природа не протянула у нихъ кромѣ того чрезвычайно крѣпкой, толстой, широкой связки, называемой затылочною, между затылочною костью и остистыми отростками шейнымъ и первыхъ спинныхъ позвонковъ. Затылочная связка, которой у человѣка находятся только слѣды, выдерживаетъ уже по своей упругости, безъ всякаго усилія животнаго, большую часть тяжести головы. Чтобы доставить этой связкѣ, равно какъ и сильнымъ затылочнымъ мускуламъ, твердую и обширную точку прикрѣпленія, у четвероногихъ задніе шейные и особенно передніе спинные позвонки имѣютъ весьма большіе остистые отростки. У обезьянъ голова поднирается нѣсколько болѣе, однако и у нихъ она перевѣшивается

значительно напередъ, и только у одного человѣка центръ тяжести головы подпирается почти совершенно; т. е. голова покоится посредствомъ 2-хъ сочленовныхъ бугорковъ (лежащихъ съ обоихъ боковъ передней половины затылочнаго отверстія) на 2-хъ сочленовныхъ углубленіяхъ атласа, или перваго шейнаго позвонка. Прямая вертикальная линія, проведенная чрезъ центръ тяжести всей головы, при обыкновенномъ ея положеніи, идетъ только немного кпереди отъ линіи, проведенной чрезъ средины обоихъ сочленовныхъ отростковъ затылочной кости.

Въ слѣдствіе этого вся тяжесть головы, при вертикальномъ положеніи тѣла, поддерживается почти однимъ позвоночнымъ столбомъ, при самомъ маломъ напряженіи затылочныхъ мускуловъ. Что голова въ самомъ дѣлѣ такъ прикрѣплена, въ этомъ можетъ убѣдить даже просто взглядъ на кучера, которой, сидя на козлахъ, старается преодолѣть сонъ. Въ то мгновеніе когда онъ уже засыпаетъ прекращается дѣятельность произвольныхъ мускуловъ, и голова обыкновенно склоняется кпереди. Но, если, въ это мгновеніе, верхняя часть тѣла отклонена, хотя весьма не много, назадъ, тогда и голова закидывается назадъ; доказательство что центръ тяжести головы падаетъ уже позади линіи подпоры.

Если-бы позвоночный столбъ несостоялъ изъ отдѣльныхъ одинъ надъ другимъ лежащихъ позвонковъ, съ находящимися между ними межпозвоночными связками, тогда не нужно было бы вовсе никакого почти усилія, чтобы поддерживать голову, если только туловище приведено въ вертикальное положеніе и держится прямо. Но позвонки, для того чтобы удерживаться одинъ на другомъ, требуютъ сами усилія мускуловъ, потому-что между ними лежатъ межпозвоночные хрящи. Эти послѣдніе дѣйствуютъ какъ сжимаемыя упругія подушки. Они могутъ сжиматься, для того чтобы туловище, а на немъ и голова могли различнымъ образомъ гнуться, а упруги они для того, чтобы выдерживать тяжесть лежащихъ на

нихъ частей. Что поворачиваніе головы въ стороны, вмѣстѣ съ атласомъ, объусловливается особенно устроеннымъ сочлененіемъ (См. стр. 299), это уже прежде было сказано. Эта поворотливость головы у человѣка гораздо совершеннѣе чѣмъ у четвероногихъ, потому-что зубовидный отростокъ у него гораздо длиннѣе и тоньше. Многія обезьяны въ этомъ отношеніи приближаются къ человѣку, однако и у нихъ остальныя кости туловища гораздо менѣе способны къ вертикальному положенію, по своему устройству, чѣмъ у человѣка. Устройство даже самаго позвоночнаго столба у человѣка гораздо больше приспособлено къ вертикальному хожденію, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ; во-первыхъ *стержень* (*) позвоночнаго столба у человѣка болѣе чѣмъ у другихъ животныхъ углубленъ внутрь туловища, такъ что, поэтому, тяжесть туловища и въ особенности груди распредѣляется болѣе равномѣрно, именно ребра идутъ широкими дугами сперва назадъ, а потомъ уже съ стороны и впередъ. Отъ этого весь грудной ящикъ лежитъ не впереди позвоночнаго столба, но самая широкая часть его лежитъ по обѣимъ сторонамъ подлѣ стержня его. Легко замѣтить большое различіе, если сравнить на скелетѣ грудной ящикъ человѣка съ такимъ же большаго четвероногаго. У послѣдняго онъ весьма узокъ; позвоночный столбъ лежитъ совершенно надъ грудянымъ ящикомъ; ребра вовсе не загибаются вверхъ и мало наружу; къ грудной кости онъ съуженъ какъ клинъ, для того чтобы тяжесть внутреннихъ органовъ поддерживалась равномѣрно костями. Если теперь поставить прямо такое животное, то вся тяжесть груднаго ящика лежитъ впереди позвоночнаго столба; поэтому-то собаки, которыхъ заставляютъ плясать на заднихъ ногахъ, должны отгибать туловище нѣсколько назадъ, чтобы тяжесть его лучше подпиралась задними ногами. Даже у полустоячихъ обезьянъ, у

(*) Стержнемъ мы называемъ совокупность всѣхъ тѣлъ позвонковъ, соединенныхъ межпозвоночными хрящами и составляющихъ основу всего хребетнаго столба.

которыхъ грудь довольно широка, стержень позвоночнаго столба все еще гораздо менѣе вдается во внутрь груднаго ящика чѣмъ у человѣка. Только немногія обезьяны каковы шимпанзе, орангутангъ и гиббоны имѣютъ, какъ человѣкъ, широкую грудную кость, у другихъ обезьянъ такъ-же, какъ и у четвероногихъ, грудная кость состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ узкихъ косточекъ, числомъ столько-же, сколько находится промежутковъ между ребрами.

Далѣе замѣчательно, что у человѣка позвонки начиная сверху внизъ увеличиваются. У четвероногихъ часто передніе спинные позвонки болѣе заднихъ, и такъ-же первый шейный позвонокъ обыкновенно бываетъ весьма великъ.

Позвоночный столбъ человѣка представляетъ двойной изгибъ гораздо болѣе чѣмъ у какого нибуть другаго животнаго. Онъ изогнутъ сначала въ шеѣ напередъ, потомъ въ спинѣ назадъ, въ поясницѣ опять напередъ и въ тазу опять назадъ. Извѣстно что устойчивость упругихъ тѣлъ увеличивается когда они бываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ изогнутыя, а какъ тяжесть туловище поддерживается упругустью межпозвоночныхъ хрящей, то весь позвоночный столбъ можно разсматривать какъ упругое тѣло; Изъ этого видно, что устойчивость его увеличивается двойнымъ изгибомъ. Направленный впередъ изгибъ между послѣдними поясничными позвонками и крестцовою костью, который у обезьянъ мало развитъ, у четвероногихъ уже совершенно несуществуетъ. Присутствіе этого изгиба важно, потому-что стержень позвоночнаго столба, который поддерживаетъ тяжесть всего туловища, стоитъ прямо надъ прямой линіей, которую можно провести отъ одной ветлужной впадины къ другой, а эта линія подпирается, при вертикальномъ положеніи тѣла, непосредственно ногами.

Чѣмъ болѣе мы въ этомъ разсматриваніи приближаемся къ нижнимъ частямъ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ до-

казательствъ необходимости вертикальнаго положенія. Тазъ человѣка едва имѣетъ сходство съ тазомъ другихъ животныхъ: онъ гораздо короче и толще. Значительно одна отъ другой расходящіяся, наклоненныя наружу подвздошныя кости поддерживаютъ часть тяжести нижней части брюха. Такъ какъ и нижняя часть таза весьма широка, то обѣ ветлужныя впадины лежатъ дальше одна отъ другой, чѣмъ у животныхъ, и, такимъ образомъ, туловище лучше подпирается.

Обѣ бедряныя кости должны поддерживать туловище; ихъ круглыя сочленовныя головки лежатъ въ обѣихъ ветлужныхъ впадинахъ, которыхъ хрящевые края обхватываютъ ихъ непроницаемо для воздуха. На этихъ круглыхъ сочленовныхъ головкахъ, установлено въ равновѣсіи туловище. Мускулы должны безпрестанно его поддерживать отъ наклоненія назадъ, или, къ чему оно имѣетъ гораздо болѣе стремленія, отъ паденія впередъ. Для того чтобы дѣлать достаточнымъ малѣйшее напряженіе этихъ мускуловъ, ветлужныя сочлененія, какъ мы уже видѣли, имѣютъ такое положеніе, что линія проведенная черезъ нихъ находится прямо подъ центромъ тяжести туловища, въ вертикальномъ его положеніи.

Бедряныя кости человѣка отличаются отъ такихъ же костей всѣхъ другихъ животныхъ; и эти различія обусловливаютъ съ одной стороны устойчивость его тѣла въ вертикальномъ положеніи, и съ другой дѣлаютъ движеніе на 4-хъ конечностяхъ чрезвычайно не удобнымъ и даже почти невозможнымъ. Такъ бедра у человѣка длиннѣе чѣмъ у всякаго другаго звѣря; эта длина прямо составляетъ препятствіе къ хожденію на 4-хъ конечностяхъ, потому-что колѣни при этомъ необходимо должны пригибаться къ землѣ. Верхняя сочленовная головка бедряной кости соединяется съ ея тѣломъ длинною шейкою и потому бедро отодвинуто въ сторону болѣе чѣмъ у всякаго другаго животнаго. Отъ этого происходитъ 1) что тѣла бедряныхъ костей въ верхнихъ ихъ половинахъ еще дальше отстоятъ

одно отъ другого, чѣмъ ихъ верхнія сочленовныя головки, а къ низу, обѣ бедряныя кости сближаются одна съ другой, такъ однако-же что колѣна не касаются одно другаго; 2) что такъ-же и мускулы, которые поддерживаютъ туловище, при прямомъ его положеніи, могутъ быть гораздо сильнѣе, потому-что имѣютъ удобнѣйшія для своего дѣйствія точки прикрѣпленія. Какъ сочлененія бедряныхъ костей въ вѣтлужныхъ впадинахъ (хотя эти послѣднія достаточно глубоки, чтобы сдѣлать труднымъ вывихъ), позволяютъ туловищу двигаться почти во всѣхъ направленіяхъ, то изъ этого слѣдуетъ, какъ мы сказали, что туловище на бедряныхъ костяхъ можетъ держаться въ прямомъ положніи только дѣятельностью мускуловъ. Если-бы тѣло бедряной кости находилось прямо подъ вѣтлужной впадиной, то тогда всѣ мускулы находящіеся между тазомъ и бедряной костью должны бы были прикрѣпляться подъ весьма острыми углами; но отъ того-что бедряныя кости раздвинуты въ стороны, эти углы значительно увеличиваются и мускулы могутъ дѣйствовать сильнѣе. Особенно выдается въ сторону большой вертелъ (trochanter major). Дѣйствительно на немъ и подъ нимъ прикрѣпляются сѣдалищные мускулы, которые должны удерживать тѣло въ прямомъ положеніи отъ наклоненія впередъ. У человѣка сѣдалищные мускулы также гораздо сильнѣе чѣмъ у всякаго другаго животнаго; даже человѣкоподобныя обезьяны значительно удаляются, въ этомъ отношеніи, отъ человѣка, хотя у нихъ сѣдалищные мускулы сильнѣе чѣмъ у большой части четвероногихъ. Нѣкоторыя, немногія изъ послѣднихъ, составляютъ исключеніе, потому что у нихъ эти мускулы, хотя не имѣютъ такой толщины, какъ у человѣка, однако сильнѣе чѣмъ обыкновенно; эта бо́льшая толщина обусловливается необыкновенною шириною костей. Къ такимъ животнымъ принадлежатъ напр. лошадь, и отъ этого-го она имѣетъ способность и наклонность мгновенно подниматься на дыбы, при чемъ сѣдалищные мускулы, въ продолженіи короткаго времени

поддерживаютъ все тѣло. Это же объясняетъ и наклонность лошади брыкаться задними ногами; въ самомъ дѣлѣ, при горизонтальномъ положеніи тѣла, сѣдалищные мускулы служатъ къ тому, чтобы оттягивать ноги къ зади. При силѣ своихъ сѣдалищныхъ мускуловъ лошадь чувствуетъ, что она можетъ сильно бить назадъ, и употребляетъ это средство для своей защиты.

Изъ другихъ мускуловъ, лежащихъ на бедрѣ, нѣкоторые у человѣка сильнѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ; именно тѣ, которые дѣйствуютъ при вертикальномъ положеніи, каковы мускулы разгибающіе колѣно; напротивъ другіе слабѣе. Такъ мускулъ тонкій бедра (M. *gracilis*) у человѣка представляетъ весьма тоненькій мускулъ, у четвероногихъ-же,—гдѣ онъ преимущественно служитъ къ тому, чтобы подвигать ногу впередъ, или, когда она утверждена, двигать впередъ тѣло,—этотъ мускулъ весьма силенъ.

Такъже и колѣнное сочлененіе у человѣка устроено иначе чѣмъ у обыкновенныхъ четвероногихъ; у послѣднихъ сочленяющіяся поверхности лежатъ косвенно, такъ что колѣно вовсе не можетъ быть выпрямляемо; даже обезьяны, когда стоятъ на двухъ ногахъ, имѣютъ колѣни нѣсколько согнутыя.

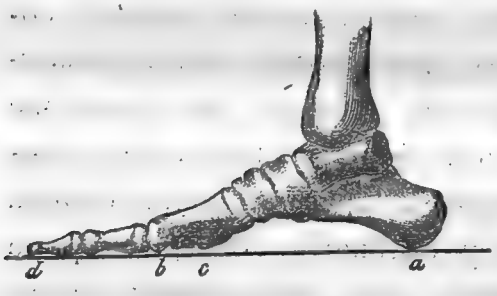
На голени опять, тѣ мускулы, которые образуютъ икру гораздо сильнѣе у человѣка, чѣмъ у другихъ животныхъ; даже можно сказать, что ни одно животное не имѣетъ такихъ толстыхъ икръ, какъ человѣкъ. Эти мускулы прикрѣпляющіеся частью къ бедрянной кости, а частью къ костямъ голени, книзу соединяются въ одно толстое сухожиліе, которое прикрѣпляется къ бугорку пяточной кости; они служатъ къ тому, чтобы поддерживать все тѣло, когда человѣкъ опирается на переднюю часть ступни, что происходитъ при всякомъ шагѣ когда человѣкъ выдвигаетъ впередъ одну ногу, приподымая пятку другой.

Однако наиболѣе различія представляетъ самая стопа; въ самомъ дѣлѣ ни у одного животнаго нѣтъ стопы, которая бы походила сколько нибудь на человѣческую,

даже и у обезьянъ заднія конечности оканчиваются ручными кистями; у обыкновенныхъ же четвероногихъ ступни по большей части гораздо уже чѣмъ у человѣка. Притомъ же бо́льшая часть этихъ животныхъ ступаютъ только на пальцы, или на пальцы и на переднюю часть ступни. Стопоходящія (plantigrada), которыя могутъ ступать касаясь земли всею подошвою, имѣютъ обыкновенно ступни нѣсколько шире; у одного рода изъ этихъ животныхъ, у медвѣдей, ступня по своей ширинѣ приближается къ человѣческой, такъ что медвѣди легко и охотно поднимаются на заднія лапы, однако и тутъ сходство весьма несовершенно; медвѣдь стоитъ на двухъ ногахъ не такъ крѣпко, а ходитъ всегда шатаясь, бѣгаетъ же онъ всегда на четырехъ ногахъ. Всего яснѣе можно видѣть какое движеніе для животнаго самое естественное, если заставить его бѣжать; спасаясь, обезьяна старается влѣзть куда нибудь; медвѣдь, который тоже можетъ лазить, убѣгаетъ на четверинкахъ, хотя для своей защиты онъ подымается охотно на заднія лапы. У одного человѣка задняя часть пяточной кости не только направлена прямо назадъ, между тѣмъ какъ у другихъ животныхъ она загнута вверхъ, но даже имѣетъ къ низу выдающійся округленный бугорокъ (фиг. 32 *a*), котораго нѣтъ у другихъ животныхъ. При этомъ направленіи мускулы икры дѣйствуютъ на него, посредствомъ крѣпкаго сухожилія (Ахиллова), подъ прямымъ угломъ; посредствомъ же выдающагося внизъ бугорка пяточной кости стопа твердо опирается на землю. Этого бугорка нѣтъ у медвѣдя, и потому нога его, хотя широка, но задняя ея часть не опирается твердо на землю. Вообще вся пятка съ предплюсномъ, которое съ нею соединятся твердо и неподвижно плотными связками, образуетъ плоскій сводъ, который я называю *сводомъ стопы* (Ф. 32. *abc*), чтобы отличить однимъ словомъ эту часть отъ подвижныхъ пальцевъ. Сводъ стопы опирается на землю тремя точками, и, какъ учитъ Механика, такимъ образомъ всякое тѣло подпирается всего прочнѣе; подпору ноги сзади образуетъ уже опи-

санный бугорокъ пяточной кости; спереди гдѣ стопа разширяется, она опирается на землю двумъ точками: снутри, кругловатымъ возвышеніемъ находящимся на плюсневой кости большаго пальца (которое называется у нѣмцевъ Fuss-Ballen), а снаружи не столь большимъ возвышеніемъ пятой плюсневой кости. Эти три возвышенія суть три подпирающія точки стопы; между двумя передними возвышеніями кости ноги нѣсколько вогнуты, но въ этомъ мѣстѣ лежитъ столько мягкихъ частей: клѣтчатки, жира покрытыхъ толстою кожею, что стопа въ этомъ мѣстѣ касается земли по всей своей ширинѣ. Между передними и заднею точками опоры стопы кости ноги образуютъ гораздо бо́льшій выгибъ, такъ что, хотя тутъ находится еще болѣе мягкихъ частей, но середина подошвы, когда стопа стоитъ на совершенно плоской и твердой поверхности, напр. на полу, не вполнѣ къ ней прилегаетъ; но за то нога тѣмъ лучше прилегаетъ къ небольшимъ неравностямъ земли.

Фиг. 32. (*).



Сводъ стопы есть подпирающая ее часть, которая прижимается къ землѣ тяжестью тѣла, и слѣд. подъ нимъ находится подпирающая поверхность. Эту послѣднюю можно увеличить, прижимая къ землѣ пальцы, что впрочемъ не можетъ имѣть мѣста безъ напряженія мускуловъ. Чтобы это было возможно, безъ большаго усилія мускуловъ, пальцы имѣютъ не большую длину. Если сравнить стопу человѣка со стопою другихъ животныхъ, то мы увидимъ, что только человѣкъ можетъ сто-

(*) *Фиг.* 32. Кости ноги человѣка, видимыя со внутренней стороны: *a* нижній бугорокъ пяточной кости; *b* передній конецъ внутренней плюсневой кости; *c* перед. кон. наружной плюсн. кости—, *a b c* неподвижный сводъ стопы; *d* конецъ большаго пальца.

ять на одной ногѣ; а какъ для вертикальнаго хожденія необходимо, чтобы тѣло поперемѣнно поддерживалось одной ногой, то изъ этого слѣдуетъ, что одинъ только человѣкъ можетъ ходить вертикально.

У всѣхъ четвероногихъ, безъ исключенія, задній отростокъ пяточной кости направленъ въ верхъ и неимѣетъ нижняго бугорка, притомъ стопа у большей части четвероногихъ весьма узка; но и тѣ животныя, у которыхъ она широка, могутъ упираться только на переднюю часть свода стопы; по этому хотя они и могутъ стоять нѣкоторое время на 2-хъ заднихъ ногахъ, но держаться на одной не могутъ, и когда ходятъ, на двухъ ногахъ, то переваливаются съ одной на другую; обыкновенно это называютъ плясками, но собственно это только качаніе.

Мнѣніе, что обезьяны способнѣе четвероногихъ къ вертикальному хожденію, есть только предразсудокъ. Справедливо что они по своей организаціи способны держать туловище въ вертикальномъ положеніи, почему охотно и сидятъ такъ, но ихъ заднія руки приспособлены къ лазанію и скаканію. Костяная основа задней кисти соединяется косвенно съ голенью, и по этому она весьма удобна чтобы обхватывать деревья; однако, по этому же самому, когда обезьяна ходитъ по ровной землѣ, она опирается на нее только наружнымъ краемъ свода стопы. Кромѣ того, эта часть стопы у обезьянъ гораздо короче и уже чѣмъ у человѣка, потому что внутренняя кость плюсна, которая у человѣка есть самая большая, здѣсь и мала и подвижна, отъ того и внутренній палецъ, который съ ней сочлененъ дѣлается большимъ пальцемъ, какъ въ рукѣ. Такимъ образомъ обезьяна, чтобы стоять надвухъ ногахъ, должна опираться на землю внутреннею стороною большаго пальца, котораго мускулы, касаясь земли, представляютъ тогда третью точку подпоры свода стопы. По этому они легко могутъ стоять вертикально и пробѣгать на двухъ ногахъ не большія пространства, при чемъ мускулы дѣйствуютъ только кратковременно; однако они не мо-

гутъ стоять болѣе продолжительное время и долго ходить, не опираясь на палку или не подпираясь другимъ образомъ. Пальцы ихъ задней кисти гораздо длиннѣе и уже, чѣмъ пальцы ноги у человѣка; отъ того-то опираясь этими длинными пальцами и большимъ пальцемъ на землю, или на другое твердое тѣла, они могутъ дѣлать прыжки гораздо больше чѣмъ человѣкъ; однимъ прыжкомъ обезьяна можетъ достать такую вѣтвь, которая совершенно недоступна для человѣка. По этому-то заднія конечности обезьянъ приспособлены къ лазанію и скаканію. Человѣкъ, имѣя широкую стопу съ тремя выдающимися точками ея свода, можетъ держаться на одной ногѣ гораздо долѣе, чѣмъ это нужно для твердости въ походкѣ; кромѣ того на двухъ ногахъ человѣкъ можетъ стоять такъ долго, что, въ этомъ отношеніи, ни одно млекопитающее животное не можетъ съ ними сравняться; ни одно не можетъ стоять такъ долго на 2-хъ ногахъ. Ширина таза, описанная выше форма щекъ бедряныхъ костей, длина и ширина ступней,—все это увеличиваетъ подпирающую плоскость, которая поддерживаетъ центръ тяжести туловища. У четвероногихъ эта подпирающая плоскость всегда гораздо уже чѣмъ у человѣка. Не большое разстояніе между ногами ихъ и малая величина частей косающихся земли, дѣлаютъ для нихъ необходимымъ хожденіе на 4-хъ ногахъ; чтобы такимъ образомъ длина подпирающей плоскости тѣла вознаграждала ея малую ширину. Приложенные рисунки дѣла-

Фиг. 33.

Подпирающая плоскость человѣка.

Подпирающ. плоскость лошади.

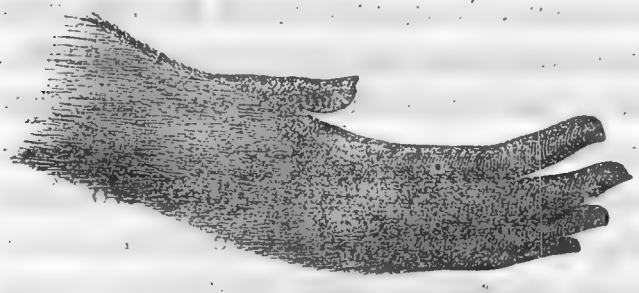
ютъ это понятнымъ, и при томъ всякой знаетъ, что когда напр. собака стоитъ на 2-хъ ногахъ, то довольно небольшаго толчка, чтобы заставить ее опять стать на 4 ноги. Хотя собака, стоящая на заднихъ лапахъ, съ усиліемъ старается раздвинуть ихъ и тѣмъ увеличить подпирающую плоскость, но центръ тяжести ея тѣла легко выходитъ изъ своего положенія надъ нею. Незначительный толчекъ не можетъ заставить человѣка потерять равновѣсіе; кромѣ того, если онъ ожидаетъ того, то всегда можетъ увеличить подпирающую плоскость, раздвинувъ ноги въ стороны, если толчекъ боковой, или спереди кзади, если толчекъ спереди. Такимъ образомъ человѣкъ можетъ выдержать очень значительный ударъ не падая.

Послѣ всего сказаннаао нельзя сомнѣваться, что *человѣкъ есть единственное млекопитающее назначенное самой природой къ вертикальному хожденію;* едва можно понять какъ могли, нѣкоторые писатели, имѣть странное мнѣніе будто человѣкъ, по природѣ своей предназначенъ къ хожденію на четырехъ ногахъ, и, только однажды пріобрѣтенная привычка, сохраняющаяся въ слѣдствіе подраженія, заставляетъ его ходитъ на 2-хъ ногахъ, что будто-бы и произвело множество болѣзней. Конечно дѣти въ первое время своей жизни употребляютъ для поступательнаго движенія всѣ 4 конечночти. Но это происходитъ только отого, что кости пятки (ossa tarsi) еще недостаточно окостенѣли и не могутъ доставитъ ногамъ твердой подпоры. Стоитъ только взглянуть на ползающихъ дѣтей, чтобы увидѣть, что колѣни у нихъ лежатъ на землѣ и что вообще ноги имъ болѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ. Они съ большимъ трудомъ могутъ поддерживать перевѣшивающуюся напередъ голову, а отдыхая выпрямляютъ туловище, чтобы ее поддерживать. Такимъ образомъ видно, что дѣтямъ только недостаточное развитіе нижнихъ конечностей мѣшаетъ двигаться, поддерживая туловище въ вертикальномъ положеніи.

Съ вертикальнымъ хожденіемъ находится въ связи и

устройство руки. Какъ поддерживаніе и поступательное движеніе тѣла принадлежатъ исключительно нижнимъ конечностямъ, то верхнія совершенно освобождены отъ этого отправленія. Это составляетъ главную особенность человѣка. Неговоря уже о четвероногихъ, которыя должны опираться при хожденіи на переднія конечности, но и четырерукія также употребляютъ свои переднія руки для того, чтобы лазить или бѣгать, или же для того, чтобы поддерживать туловище когда ходятъ выпрямивъ его. Такимъ образомъ и они употребляютъ переднія конечности при всякомъ продолжительномъ поступательномъ движеніи, и поэтому руки ихъ гораздо менѣе похожи на человѣческія, нежели обыкновенно думаютъ; вся кисть у обезьянъ уже и длиннѣе человѣческой, въ особенности 4 пальца гораздо длиннѣе и тоньше; такіе пальцы удобнѣе обхватываютъ вѣтви и ихъ можно назвать суставчатыми крючьями. Большой палецъ также тоньше, но притомъ и значительно короче человѣческаго,—у многихъ обезьянъ онъ даже едва замѣтенъ; по этому онъ гораздо менѣе способенъ противополагаться другимъ пальцамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда между ними находится тѣло значительнаго объема, какъ напр. древесная вѣтвь, потому-что другія пальцы при этомъ должны сильно загибаться, чтобы концы ихъ достигли конца большаго. Поэтому обезьяны съ трудомъ могутъ держать карандаши и перья, которые мы легко держимъ. Хотя было бы смѣшно думать, что рука дана человѣку для того только чтобы онъ могъ водить легко и долго перомъ и карандашомъ, однако неоспоримо, что если человѣкъ выдумалъ эти орудія, то только потому что нашелъ свою руку способною владѣть ими. Однако, ска-

Фиг. 54.



Рука орангутанга.

званнымъ, я хотѣлъ только дать замѣтить какъ разнообразно употребленіе кисти руки человѣка. Каждый отдѣльный палецъ, особенно же ладонь, гораздо мягче чѣмъ у обезьянъ и потому гораздо удобнѣе для осязанія, и для обхватыванія предметовъ различной формы. Въ приложенной фигурѣ (стр. 407) представлена рука орангутанга и можно легко видѣть, что она для этого гораздо менѣе удобна чѣмъ человѣческая. Иногда пріучали орангутанговъ ѣсть ложкой; я къ сожалѣнію никогда такихъ не видалъ, но думаю, что они могутъ держать ложку только захватывая ее 4-мя пальцами, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти. Рука человѣка, освобожденная отъ отправленія мѣстоперемѣщенія, сдѣлалась для человѣка прирожденнымъ и весьма сложнымъ орудіемъ, которымъ онъ управляетъ дѣйствіемъ одной своей воли; этимъ орудіемъ онъ себѣ сдѣлалъ всѣ другія, которыми пользуется въ общественной жизни. Изъ сказаннаго однако нельзя заключать чтобы изобрѣтеніе различныхъ инструментовъ имѣло причиною одно совершенство устройства человѣческой руки; на это имѣло вліяніе еще и нѣчто другое. Обезьяны своими руками могутъ владѣть многими инструментами и орудіями человѣка; ихъ пріучаютъ ѣсть ложками, пить изъ стакановъ, носить горшки, откупоривать бутылки и наливать вино въ стаканъ, даже бывали обезьяны, которыя безъ всякаго ученья покрывались одѣялами и простынями (*), умѣли употреблять палку

(*) Молодой орангутангъ, скелетъ котораго хранится въ моемъ кабинетѣ, былъ купленъ на Малаккѣ медикомъ сопутствующимъ одной изъ нашихъ морскихъ экспедицій на сѣверъ. Для предохраненія Старика (такъ называли это животное, по его морщинистой физіономіи) отъ холода, ему сшили мужское платье. Въ первое время Старикъ не охотно давалъ одѣвать себя, но въ послѣдствіи, когда въ Августѣ приблизились къ Камчаткѣ и стало холодно, онъ не только любилъ чтобы его одѣвали, но самъ выучился застегивать пуговицы и т. п. Когда ему предоставляли самому одѣваться онъ часто куртку напяливалъ на ноги, а панталоны на руки, или надѣвалъ, то или другое, задомъ напередъ и т. п. *Прим. Ред.*

вмѣсто рычага, чтобы подымать тяжести. Но несмотря на все это, еще ни одна обезьяна не сдѣлала сама какого-либо простаго инструмента. Конечно обезьяна сламываетъ съ дерева сучья и бросаетъ ихъ, или бьетъ ими своего врага, но никогда не хранитъ ихъ для будущаго, недѣлаетъ изъ нихъ искуственнаго употребленія.

2.) Человѣкъ даромъ слова такъ возвышается надъ другими животными, что даже раждается вопросъ: нѣтъ ли у него, для произношенія словъ, органовъ совершенно особенныхъ, какихъ нѣтъ у другихъ звѣрей? Этаго нѣтъ, но тѣже самые органы у него, только устроены иначе. Мягкія и подвижныя части, служащія для сочлененія звуковъ, у человѣка гораздо тоньше и подвижнѣе, чѣмъ у другихъ звѣрей.

Китообразныя такъ удаляются отъ человѣка что ихъ едва можно сравнивать; гортань представляетъ длинную пирамиду, выдающуюся далеко въ носовой каналъ; она имѣетъ повидимому одно только отправленіе: проводить воздухъ, нужный для дыханія, чрезъ глотку, часто наполненную пищею и водою. Для этой же цѣли небная занавѣска закырываетъ гортань въ видѣ толстой поперечной перегородки и почти въ горизонтальномъ направленіи; языкъ и губы имѣютъ видъ толстыхъ и почти неподвижныхъ жирныхъ подушекъ, и, въ самомъ дѣлѣ, китообразныя не издаютъ никакаго звука, кромѣ глухаго стона. У четвероногихъ гортань устроена весьма разнообразно, иногда съ 2-мя, иногда съ 4-мя голосовыми связками, которыя иногда весьма толсты а иногда тонки и перепончаты; и потому они издаютъ значительно разнообразные звуки. Однако измѣнять эти звуки четвероногія способны очень мало. Уже самая гортань не лежитъ такъ прямо подъ небною занавѣскою и не такъ подвижна, какъ у человѣка; отъ того самое малое ея движеніе не можетъ заставить звучащую струю воздуха проходить по волѣ животнаго или черезъ носъ, или черезъ ротъ.

Точно такъ-же и языкъ жив. уступаетъ человѣческому въ подвижности, потому что спереди онъ прикрѣпленъ къ

длинной челюсти, а съ зади къ язычной кости, которая сама не виситъ, какъ у человѣка, на тонкой связкѣ, но укрѣплена на черепѣ посредствомъ костей ; когда только передняя часть языка весьма подвижна, какъ напр, у собакъ, тогда животное употребляетъ его, какъ подвижную ложку для того чтобы пить. Губы толстыя съ малоотдѣльными мускулами далеко не имѣютъ подвижности человѣческихъ. Четырерукія имѣютъ уже губы гораздо лучше устроенныя; они покрыты у нихъ кожею болѣе тонкою, лежатъ на менѣе длинныхъ челюстяхъ, содержатъ болѣе раздѣльные мускулы и имѣютъ болѣе подвижности; языкъ ихъ имѣетъ болѣе короткую плоскость прикрѣпленія и язычная кость виситъ на тонкой связкѣ. Небная занавѣска тонѣе и насединѣ ея виситъ язычекъ (uvula) котораго нѣтъ у четвероногихъ, и на который, можетъ быть, могутъ, какъ у человѣка, налегать ножки небной занавѣски. — Хотя гортань по своимъ хрящамъ и связкамъ обыкновенно весьма похожа на человѣческую, однако у весьма многихъ обезьянъ, даже у орангутанга имѣетъ прибавочные мѣшки, находящіеся въ сообщеніи съ ея полостью. У Ревуна (Mycetes) такой мѣшокъ заключается въ разширенной въ видѣ барабана язычной кости, и даетъ голосу ихъ необыкновенную звонкость. Обыкновенно принимаютъ что присутствіе этихъ мѣшковъ лишаетъ обезьянъ возможности говорить (потому что звучащій воздухъ въ нихъ теряется). Я признаюсь что немогу вполнѣ раздѣлять этого мнѣнія, потому-что, повидимому, животное можетъ, по своей волѣ, недопускать воздуха входить въ этотъ мѣшокъ, и притомъ у нѣкоторыхъ обезьянъ его во все нѣтъ; кромѣ того, всѣ они имѣютъ голосъ, и имъ нужно бы только модифицировать звуки этаго голоса посредствомъ языка, губъ и небной занавѣски. Однако всѣ эти части у человѣка гораздо выгоднѣе устроены; языкъ его прикрѣпленный на плоскости короткой и притомъ утвержденной на мягкихъ частяхъ, какъ на подушкѣ, можетъ во всѣхъ направленіяхъ утол-

щаться и сплющиваться; такимъ образомъ онъ можетъ то останавливать струю звучащаго воздуха, то образовать для нея проходъ разнообразной формы. Губы человѣка гораздо подвижнѣе и мягче, особенно ихъ утолщенные края. Однако, и губы обезьянъ имѣютъ значительную подвижность, что доказываютъ гримасы, которыя многія изъ нихъ имѣютъ привычку дѣлать. Безъ сомнѣнія необходимо имѣть возможность сближать тонкія губы одну съ другой, для того чтобы измѣнять голосъ для произнесенія согласныхъ: б, п, м,. То, что сказано о рукахъ, обезьянъ, что они могли бы многое дѣлать, несмотря на несовершенство этихъ органовъ, если бы только имѣли къ тому внутреннее побужденіе, тоже самое можно сказать и о ихъ органѣ звука; точно такъ же можно сказать что они могли бы, до извѣстной степени, сочетать звуки, хотя и не съ такимъ совершенствомъ, какъ человѣкъ. По этому они могли бы изобрѣсти свой обезьяній языкъ, если бы только имѣли необходимыя для того духовныя способности.

Однако неимѣютъ ли многіе звѣри своего языка, котораго мы только не понимаемъ? спросятъ нѣкоторые читатели. Разумѣется они имѣютъ способность выражать свое внутреннее состояніе отчасти жестами, а отчасти голосомъ; голосъ же имѣютъ по крайней мѣрѣ всѣ позвоночныя животныя, снабженныя легкими и кромѣ того многія насѣкомыя. Этотъ голосъ измѣняется, смотря по господствующимъ ощущеніямъ. Это есть самое обыкновенное явленіе у многихъ; но у животныхъ высшей организаціи этотъ голосъ измѣняется явственно для выраженія желаній. Когда станутъ запирать собаку она вѣроятно будетъ лаять; но разъ запертая, и видя себя одну, она вѣроятно начнетъ выть, если только не была приучена къ повиновенію; такимъ образомъ она хочетъ призвать кого-нибудь чтобы ее выпустили. Собака лаетъ когда замѣтитъ что нибудь не обыкновенное, но она тоже лаетъ и для того чтобы обратить на себя вниманіе другихъ. Все это суть звуки, которые выходятъ непо-

средственно изъ гортани, и тоже можно сказать о звукахъ всѣхъ животныхъ имѣющихъ легкія; эти звуки неизмѣняются подвижными частями рта и глотки, или, какъ обыкновенно говорятъ, не сочленяются. Части рта четвероногихъ устроены явственно неудобно для этого; но четырерукія, можетъ быть, были бы къ этому способны, если бы не недоставало у нихъ внутренняго побужденія.

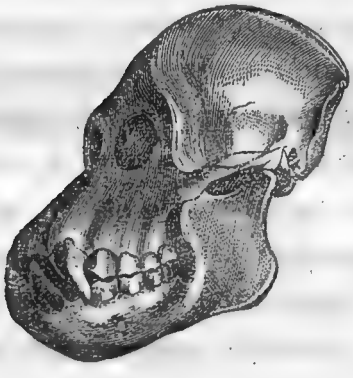
Бо́льшая часть звуковъ производимыхъ звѣрями, суть нечто иное, какъ звучныя тѣлодвиженія т. е. движенія производимыя безсознательно голосовымъ органомъ, и потому производящія звукъ, такъ напримѣръ крикъ, рыданія, плачь и т. д. у человѣка. Мы хотимъ сказать, что это суть непосредственныя выраженія внутренняго состоянія, а потому мы можемъ понимать такія выраженія только чувствомъ, а не умомъ; неслужитъ ли это доказательствомъ, что звѣри неимѣютъ настоящаго языка? Я конечно знаю, что многія собаки выучиваются понимать своего хозяйна, когда тотъ имъ даетъ извѣстныя приказанія; но тутъ собаки понимаютъ не слова, но тонъ голоса, которымъ они произносятся и сопровождающія ихъ тѣлодвиженія.

3) Голова человѣческая представляетъ многія особенности, по которымъ человѣкъ отличается отъ прочихъ млекопитающихъ, и въ тоже время сходствуетъ съ ними. *Короткость* и, почти *вертикальное положеніе лица* показаны уже въ описаніи скелета, точно такъже какъ и *раннее сростаніе междучелюстныхъ костей* съ верхнечелюстными. Сростеніе это конечно зависитъ только отъ короткости лица, слѣдствіе чего составляетъ вѣроятно и то, что подбородокъ выдается впередъ; другое слѣдствіе этой короткости лица, которое особенно ясно видно на зубномъ краѣ челюстей, составляетъ почти *вертикальное положеніе рѣзцовъ;* у негровъ хотя эти зубы и стоятъ замѣтно косвенно (потому что у нихъ, сравнительно съ европейцами, края челюстей болѣе выдаются впередъ) однако они наклонены впередъ далеко не такъ, какъ у б. ч. четверono-

гихъ. Отъ этого то происходитъ выдающаяся форма подбородка свойственная б. ч. человѣческихъ племянъ; у большей части звѣрей подбородокъ напротивъ отодвинутъ назадъ, потому-что зубные края челюстей должны далеко выдаваться впередъ, чтобы облегчить схватываніе пищи. У человѣка зубной край такъ отодвинутъ назадъ, что подбородокъ лежитъ впереди его; только у негровъ онъ лежитъ нѣсколько къ зади, но и у нихъ не всегда, и притомъ гораздо менѣе чѣмъ даже у четырерукихъ.

Еще замѣтнѣе у человѣка значительная величина и выпуклость черепа отъ которой зависитъ ибольшая величина личнаго угла (См. стр.290): у человѣка этотъ уголъ гораздо болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Личной уголъ у европейцевъ бываетъ обыкновенно въ 80° иногда и еще болѣе; у негровъ и австралійцевъ эта величина уменьшается до 75° и даже до 72°. Ни у одного другаго млекопитающаго личной уголъ неприближается по величинѣ къ человѣческому; приписывали орангутангу личной уголъ въ 65°, но нынѣ доказано что въ такомъ случаѣ измѣряли его у весьма молодыхъ недѣлимыхъ, которыя еще не потеряли своихъ молочныхъ зубовъ; а извѣстно, что у этихъ животныхъ, челюсти значительно удлиняются, когда прорѣзываются постоянные зубы и которые впослѣдствіи дѣлаются весьма большими. Въ лейденскомъ музеѣ головы совершенно взрослыхъ орнагутанговъ имѣютъ, посвидѣтельству Темминга, личной уголъ въ 35—37°; въ отношеніи этого угла гораздо болѣе приближаются къ человѣку другія обезьяны, особенно же нѣкоторыя американскія, у которыхъ онъ доходятъ до 60°. У павіановъ величина его уменьшается уже до 30, у мопсовъ онъ имѣетъ 35°; у другихъ, собакъ даже еще менѣе, а у лошади только 23°. Однако

Фиг. 35.



Черепъ взросл. органгутанга.

личной уголъ представляетъ весьма несовершенную мѣру отношенія лица къ черепу, когда сравниваютъ звѣрей съ человѣкомъ, или ихъ между собою; потому что личная часть головы ихъ у всѣхъ развита весьма различно. У дельфиновъ напр. челюсти очень длинны, носъ отодвинутъ назадъ, а лобъ возвышается подъ весьма значительнымъ угломъ надъ переднимъ отверстіемъ костянаго носоваго канала; у зайцевъ и лошадей наоборотъ, носъ весьма высокъ, а лобъ нисколько надъ нимъ не возвышается. Такихъ измѣненій Камперовъ личной уголъ вовсе не выражаетъ, а показываетъ только возвышеніе лба надъ дномъ носоваго канала. Какъ далеко лобъ простирается назадъ, этого личнаго уголъ не можетъ выразить. Кювье предложилъ другую мѣру: разрѣзывать черепъ въ вертикальномъ направленіи, и сравнивать плоскость разрѣза полости заключающей мозгъ съ плоскостью разрѣза лица, безъ нижней челюсти; у человѣка плоскость разрѣза полости черепа (все равно что полости заключающей мозгъ) около 4 разъ болѣе чѣмъ плоскость разрѣза лица; у американскихъ обезьянъ только въ 2 раза болѣе; у павіановъ и у бо́льшей части хищныхъ, обѣ плоскости разрѣза почти ровны одна другой; у грызуновъ разрѣзъ лица бываетъ часто въ двое болѣе, у лошади же онъ въ 4 раза болѣе чѣмъ разрѣзъ полости черепа. Хотя эта мѣра показываетъ весьма близко взаимное отношеніе обѣихъ частей, однако, представляя измѣреніе только одной плоскости, она не можетъ дать понятія о различной ширинѣ полости черепа. Но даже, если бы полость черепа и лицо имѣли, относительно одинаковую ширину, то и въ этомъ случаѣ можно было бы найти ихъ настоящее взаимное отношеніе только тогда, когда бы брали не квадраты найденныхъ чиселъ, а сравнивали между собой ихъ кубы, какъ числа, выражающія всю массу мозга. Такъ напр. найдено что у человѣка разрѣзъ полости черепа относится къ разрѣзу лица какъ 4: 1, а у лошади напротивъ какъ $\frac{1}{4}$: 1; не надо думать, чтобы у человѣка полость черепа была въ 16 разъ болѣе лица, на-

противъ она скорѣе будетъ болѣе въ 64 раза, если бы объ мозговыя полости имѣли сравнительно одинаковую ширину.

Величина черепной полости человѣка есть слѣдствіе объема и развитія его мозга; полость черепа въ первое время зародышной жизни совершенно перепончата и принимаетъ, по крайней мѣрѣ на внутренней своей поверхности, совершенно форму мозга. Даже когда черепъ сдѣлался уже костянымъ, мозгъ имѣетъ еще значительное вліяніе на постепенно развивающуюся его полость; у дѣтей, которыхъ умственныя способности рано развиваютъ, лобъ выше; это еще было замѣчено когда дѣти совершенно дикихъ народовъ, съ ранняго возраста попадаютъ къ европейцамъ и живутъ между ними. Всѣ извилины на поверхности мозга и всѣ сосуды наружной его оболочки отпечатываются на внутренней поверхности черепныхъ костей, а это доказываетъ что мозгъ всегда плотно къ ней прилегаетъ. У человѣка наружная поверхность костяной оболочки мозга довольно близка къ внутренней (за исключеніемъ затылочныхъ сочленовныхъ бугорковъ, и частей сосѣднихъ съ бровями, гдѣ находятся лобныя пазухи), такъ что, по наружной формѣ черепа, можно заключить о формѣ лежащаго во внутренней его полости мозга. У звѣрей это возможно въ гораздо меньшей степени, потому что у нихъ лобныя пазухи части распространяются весьма далеко. Это особенно справедливо въ отношеніи всѣхъ копытныхъ животныхъ; такъ напр. у быковъ лобныя пазухи распространяются въ рога, а у слоновъ даже до затылочнаго отверстія.

Мозгъ человѣка весьма великъ; только у не многихъ звѣрей огромной величины масса его безъусловно больше чѣмъ у человѣка; таковъ мозгъ слона и различныхъ видовъ китовъ. Мозгъ взрослаго мущины вѣситъ, по многократнымъ взвѣшиваніямъ Тидемана 46 — 47 унціи медицинскаго вѣса, или 3 фунта 37 золотн. 48 долей русскаго; вѣсъ же мозга взрослой женщины составляетъ среднимъ числомъ $42\frac{1}{2}$ унціи медицинскаго вѣсу, или 28 золотниками легче.

Эти числа суть среднія, выведенныя изъ многихъ взвѣшиваній; вѣсъ мозга каждаго недѣлимаго въ извѣстной степени болѣе или менѣе этого средняго вѣса. Самый тяжелый мозгъ, какой до сихъ поръ только находили, принадлежалъ знаменитому естествоиспытателю Кювье; онъ вѣсилъ 4 фунта, 11 унц., 4 драхмы, 36 гран. медицинскаго вѣса, или почти 4 фунта 36 золотниковъ русскаго вѣса. Мозгъ въ $3\frac{1}{2}$ Ф. русскаго вѣса уже довольно рѣдко встрѣчается, — круглымъ числомъ у одного человѣка изъ 7; такъ же и мозгъ менѣе 3-хъ русскихъ фунтовъ у здоровыхъ людей рѣдокъ; одинъ Англичанинъ Sims, который тоже взвѣшивалъ мозгъ у многихъ людей, нашелъ у одного здороваго субъекта мозгъ, который вѣсилъ только 2 Ф. 40 золотн. русскаго вѣса. У людей сумашедшихъ отъ рожденія встрѣчалось, что мозгъ вѣсилъ только не много болѣе и даже менѣе 2Ф. русскаго вѣса. Такимъ образомъ найдено, что вѣсъ мозга здороваго человѣка колеблется между 2 Ф. 40 зол. и 4 Ф. 36 зол. русскаго вѣса. Мозги слоновъ, которые досихъ поръ были взвѣшиваемы имѣли отъ 9 Ф. до 10 Ф. русскаго вѣса. Мозгъ гренландскаго кита пролежавшій долго въ спирту вѣсилъ $4\frac{3}{4}$ Ф.; но какъ спиртъ извлекъ изъ него много водянистыхъ частей, то свѣжій онъ могъ вѣсить около 8 Ф. Если принять въ разчетъ отношеніе мозга ко всей массѣ тѣла, тогда эти колоссы животнаго царства являются намъ далеко ниже человѣка. У слона напр. вѣсъ мозга составляетъ $\frac{1}{500}$ часть вѣса всего тѣла, а у взрослаго человѣка около $\frac{1}{42}$. Вообще нашли, что чѣмъ животное болѣе отлично отъ человѣка, тѣмъ менѣе отношеніе массы мозга къ массѣ тѣла; но однако есть животныя, у которыхъ это отношеніе болѣе чѣмъ у человѣка; таковы многія американскія обезъяны, воробьи, Fringillae и другія маленькія птички. Тутъ является другой законъ природы состоящій въ томъ, что у малыхъ животныхъ мозгъ сравнительно болѣе, чѣмъ у большихъ, сходной съ ними организаціи; точно такъ же какъ и молодыя животныя имѣютъ, сравнительно, мозга болѣе, чѣмъ старыя. Нѣко-

торые примѣры сдѣлаютъ явственнѣе это различіе отношеній. У осетра (Stör) мозгъ составляетъ $\frac{1}{45000}$ у тунцовъ (Thunfisch) $\frac{1}{37500}$ всего тѣла, у карпа же $\frac{1}{560}$. У одной большой морской черепахи отношеніе массы мозга къ массѣ всего тѣла было найдено въ $\frac{1}{5700}$. У ужа (Coluber natrix) въ $\frac{1}{800}$, у лягушки $\frac{1}{172}$. Между птицами: у гуся $\frac{1}{360}$, у голубя $\frac{1}{90}$, у воробья $\frac{1}{28}$, у канарейки и у чижика $\frac{1}{14}$. Между млекопитающими животными отношеніе мозга къ массѣ тѣла таково: у верблюда $\frac{1}{1075}$, у Буйвола $\frac{1}{1000}$, у быка $\frac{1}{900}$, у овцы $\frac{1}{350}$, у слона $\frac{1}{500}$, у лошади $\frac{1}{700}$, у сабаки отъ $\frac{1}{300}$ до $\frac{1}{80}$. Изъ этого, нѣсколько пестраго ряда чиселъ, видно, что по одному отношенію мозга къ тѣлу вовсе нельзя непосредственно судить о бо́льшемъ духовномъ, или высшемъ въ другомъ отношеніи, развитіи животнаго; потому-что, хотя съ одной стороны, высшая организиція животнаго сопровождается бо́льшею массою мозга, но съ другой, у животныхъ одинакой организаціи величина мозга измѣняется гораздо менѣе, чѣмъ величина тѣла. Такъ у нѣкоторыхъ большихъ собакъ отношеніе мозга къ тѣлу есть $\frac{1}{300}$; тогда какъ у другихъ, меньшихъ собакъ оно только въ $\frac{1}{50}$, однако по этому послѣднія еще не въ 6 разъ умнѣе первыхъ, и это только доказываетъ что въ одномъ видѣ животныхъ мозгъ измѣняется менѣе, чѣмъ остальныя части тѣла. Даже въ одномъ и томъ же недѣлимомъ этотъ законъ выражается еще замѣтнѣе; дитя рождается уже съ большимъ мозгомъ, который еще увеличивается весьма замѣтно въ первые три года жизни, но далеко не въ такой степени, какъ остальныя части тѣла; скоро, однако, увеличеніе массы мозга дѣлается весьма малымъ, между тѣмъ какъ остальное тѣло растетъ еще весьма значительно. Тидеманъ, который дѣлалъ много изслѣдованій относительно величины человѣческаго мозга, думаетъ, что мозгъ достигаетъ совершенной величины на 7-мъ или 8-мъ году жизни; можетъ быть это преувеличено, но, во всякомъ случаѣ, съ этого времени увеличеніе массы мозга едва замѣтно.

Такимъ образомъ мозгъ человѣка ни безъусловно, ни

относительно массѣ тѣла не есть наибольшій въ животномъ царствѣ, какъ думали это древніе; однако у человѣка изъ всѣхъ животныхъ онъ *самый совершенный* какъ 1) по отношенію его массы къ остальнымъ частямъ нервной системы, такъ и 2) по своему внутреннему развитію.

Мозгъ есть центральная часть нервной системы, гдѣ сосредоточивается вся ея центростремительная дѣятельность, и изъ которой опять исходитъ вся ея центробѣжная, обусловливающая движенія и т. п. Образовать представленія и соединять ихъ между собою способенъ, кажется, исключительно одинъ мозгъ. Только въ настоящее время, многочисленныя измѣренія Земмеринга и Тидемана, показали, что масса спиннаго мозга и нервовъ, у человѣка, гораздо менѣе, сравнительно съ головнымъ мозгомъ, чѣмъ у другихъ животныхъ; хребетной мозгъ у человѣка не наполняетъ совершенно костянаго канала, въ которомъ заключается, но между стѣнками этого канала и поверхностью мозга остается значительный промежутокъ. Притомъ, хребетной мозгъ такъ коротокъ, что оканчивается уже въ 1-мъ (или 2-мъ) поясничномъ позвонкѣ. У млекопитающихъ, которыя имѣютъ длинный хвостъ, хребетной мозгъ проходитъ далеко и въ этотъ хвостъ; у животныхъ съ хвостомъ весьма коротким, или вовсе безхвостыхъ, онъ проходитъ покрайней мѣрѣ въ крестцовой каналъ. Однако есть нѣкоторыя млекопитающія, даже рыбы, у которыхъ онъ еще короче; у ежа, между нашими туземными млекопитающими, и у новоголандскаго трубконоса (Echidna) хребетной мозгъ не достигаетъ послѣднихъ спинныхъ позвонковъ. Такая незначительная длина хребетнаго мозга находится, можетъ быть, въ связи со пособностью, этихъ животныхъ, свертываться въ клубокъ. Однако у нихъ масса хребетнаго мозга не мала; потому-что хотя онъ коротокъ, но зато весьма толстъ. Тоже самое, и еще съ бо́льшимъ правомъ, можно сказать о весьма короткомъ хребетномъ мозгѣ, такъ называемой, луны рыбы (Orthagoriscus Mola).

Такъ какъ всѣ нервы у человѣка, сравнительно съ го-

ловнымъ мозгомъ, гораздо тоньше чѣмъ у звѣрей, то, уже по этому, головной мозгъ человѣка есть *точнѣйшая центральная* часть нервной системы, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ.

Такъ, по внутренней своей организаціи, мозгъ у человѣка развитъ совершеннѣе, чѣмъ у всякаго другаго животнаго. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, надо болѣе углубиться въ сравнительную анатомію и исторію развитія. Мозгъ, у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, въ раннюю эпоху зародышной жизни, состоитъ изъ пяти лежащихъ одинъ позади другаго пузырьковъ; изъ нихъ, чрезъ постепенное развитіе (измѣненій котораго мы не можемъ здѣсь изложить подробнѣе), образуются различныя части мозга. Изъ самаго задняго пузырька образуется продолговатый мозгъ; изъ слѣдующаго мозжечекъ; изъ третьяго, или средняго происходитъ четырехолміе; изъ слѣдующаго за нимъ пузырька образуются зрительные бугорки и примыкающія къ нимъ шишкобразныя железы (gl. pinealis); изъ самаго же передняго пузырька, который уже съ начала раздѣляется долевымъ углубленіемъ на два лежащіе одинъ подлѣ другаго, образуется весь остальной большой мозгъ. У рыбъ и въ развитомъ состояніи, можно еще узнать эту первоначальную форму, потому-что различные отдѣлы мозга лежатъ въ одной линіи, и, кромѣ того, еще потому-что, здѣсь 2 пары пузырьковъ вмѣстѣ представляютъ большой мозгъ человѣка. У обыкновенныхъ костистыхъ рыбъ самая передняя пара пузырьковъ бываетъ чрезвычайно мала. Разсматривая рядъ животныхъ, въ той мѣрѣ, какъ они приближаются къ человѣку мы видимъ что эта пара дѣлается постепенно больше. У многихъ хрящеватыхъ рыбъ она уже болѣе другихъ частей, хотя не покрываетъ ни одной изъ нихъ; у пресмыкающихся пузырьки передней пары еще больше и уже покрываютъ зрительные бугорки; у птицъ они еще больше, такъ что уже принимаютъ въ себѣ, почти вполнѣ, зрительные бугорки, а заднею своею частью они переходятъ за четырехол-

міе, отодвигая его выпуклости книзу и въ стороны; но полушарія еще не имѣютъ извилинъ, и части свода ихъ весьма тонки, т. е. собственно полушарія весьма малы; напротивъ, лежащія подъ ними, ножки мозга, полосатыя тѣла и зрительные бугорки весьма велики. У млекопитающихъ полушарія бываютъ толще и поверхность ихъ представляетъ, болѣе или менѣе, извилистыя углубленія. Углубленія эти происходятъ отъ того, что полость черепа слишкомъ мала, сравнительно съ объемомъ полушарій, и потому они должны образовать складки, чтобы въ ней помѣститься. Полушарія такъ захватываютъ въ себя зрительные бугорки, что послѣдніе считаются обыкновенно частью большаго мозга. Однако, если у животнаго, у котораго весьма мало, или вовсе нѣтъ, извилинъ на большомъ мозгѣ, приподнять полушарія сзади, тогда видно что они только обхватываютъ кругомъ четырехолміе, и, напротивъ того, соединены съ полосатыми тѣлами. У грызуновъ четырехолміе только отчасти прикрыто полушаріями; у копытныхъ и хищныхъ животныхъ полушарія уже болѣе развиты, какъ въ томъ отношеніи, что извилины на нихъ глубже и многочисленнѣе, такъ и потому что совершенно покрываютъ четырехолмія; но мозжечекъ остается еще совершенно непокрытымъ. У четырерукихъ извилины еще гораздо глубже и многочисленнѣе, и задними своими лопостями б. или м. покрываютъ мозжечекъ.

У человѣка, наконецъ, извороты самые глубокіе и многочисленные, полушарія покрываютъ вполнѣ мозжечекъ и даже нѣсколько выдаются надъ нимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они разширяются болѣе и въ стороны, такъ что мозгъ, который еще у обезьянъ имѣетъ яйцеобразную форму, у человѣка приближается болѣе къ шаровидной. Кромѣ того, полушарія лежатъ почти перпендикулярно къ хребетному мозгу и къ *основной части* (такъ называютъ переходъ отъ хребетнаго мозга, черезъ продолговатый и мозговыя ножки, къ полушаріямъ). Несправедливо однако говорятъ, особенно въ популярныхъ сочиненіяхъ, что

у человѣка мозжечекъ развитъ менѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ. Напротивъ, полушарія его явственно болѣе, и особенно шире у человѣка, чѣмъ и другихъ животныхъ; хотя конечно они не въ такой степени, какъ большой мозгъ, превосходятъ, въ своемъ развитіи, полушарія мозжечка другихъ животныхъ. Изъ пяти отдѣловъ, изъ которыхъ состоитъ всякій мозгъ, продолговатый мозгъ наименѣе развитъ; величина его у человѣка не составляетъ $\frac{1}{4}$ того, что видно напр. у быка, хотя у этого животнаго весь мозгъ гораздо менѣе человѣческаго.—Послѣ продолговатаго мозга, по степени развитія, слѣдуютъ четырехолмія, которыя сравнительно съ нимъ довольно развиты, въ отношеніи же къ другимъ частямъ весьма мало; точто также и зрительные бугорки значительно велики сравнительно съ предъидущими частями, но малы если ихъ сравнивать съ послѣдующими. Соединенная съ четырехолміями (*) шишкообразная железа у человѣка менѣе и содержитъ маленькія твердыя тѣла, названныя пескомъ, которыхъ не находятъ у обезьянъ. Болѣе развитъ мозжечекъ, особенно же его полушарія, а еще болѣе собственно (или большой) мозгъ и также преимущественно его сводъ, или полушарія и все что къ нимъ относится, особенно же мозолистое тѣло (corpus callosum).

Въ этомъ мы находимъ существенную особенность, отличающую человѣка отъ другихъ животныхъ; она состоитъ въ *особенно сильномъ развитіи полушарій большаго мозга.* Эта часть даетъ всему мозгу шарообразную форму, потому-что заключаетъ, или, покрайней мѣрѣ, покрываетъ, всѣ другія; отъ этой же части зависитъ и выпуклость черепа; это-же, по моему мнѣнію, обусловливаетъ короткость лица. Мы въ самомъ дѣлѣ замѣчаемъ, что чѣмъ болѣе развитъ большой мозгъ, особенно его полушарія, тѣмъ короче лицо; въ этомъ можно убѣдиться разсматри-

(*) Тидеманнъ въ своихъ измѣреніяхъ дошелъ до того результата, что четырехолмія у человѣка вовсе не малы, но это произошло отъ того, что онъ, за масштабъ сравненія, бралъ ширину продолговатаго мозга.

вая и сравнивая между собой позвоночныхъ животныхъ, начиная отъ рыбы до человѣка (*). Короткостію лица обусловливается положеніе зубовъ и выдающаяся форма подбородка; отъ этого же зависятъ, кажется, и тѣ преимущества человѣка, которыя мы описали подъ № 2, при органахъ служащихъ для произношенія словъ. Въ самомъ дѣлѣ, при короткости лица, губы становятся вертикальными и дѣлаются подвижнѣе; языкъ получаетъ болѣе короткое прикрѣпленіе, небная занавѣска получаетъ вертикальное положеніе надъ гортанью; такимъ образомъ, бо́льшая способность человѣка сочленять звуки, кажется, составляетъ слѣдствіе высшаго развитія его мозга.

Однако, я не колеблюсь, вертикальное стояніе человѣка и всѣ особенности, которыя дѣлаютъ его къ тому способнымъ, и которыя мы обозрѣли въ № 1, я не колеблюсь отнести все это высшему развитію мозга. Разсматривая общее устройство тѣхъ животныхъ у которыхъ мозгъ состоитъ еще изъ ряда маленькихъ, почти ровныхъ отдѣловъ, — имянно рыбъ,—мы находимъ что у

(*) Я знаю одно только семейство, которое, по видимому, составляетъ уклоненіе отъ этого правила: Это китообразныя, и между ними особенно Дельфины; у нихъ мозгъ развитъ весьма значительно; онъ не только весьма великъ, что впрочемъ частью зависитъ отъ большой величины внутреннихъ частей (полосатыхъ тѣлъ, зрительныхъ бугорковъ и четырехолмій), но, кромѣ того, и полушарія представляютъ довольно высокую степень развитія, потому что имѣютъ много извилинъ; не смотря на то, что у этихъ звѣрей носъ очень укороченъ, челюсти ихъ очень длинны. Этотъ мозгъ однако отличается отъ мозга другихъ млекопитающихъ особенно значительною шириною; но, при этой ширинѣ, онъ весьма коротокъ. Уже по этому развитіе полушарій не таково, какъ кажется съ перваго взгляда. Кромѣ того, необыкновенная ширина большаго мозга, и у другихъ млекопитающихъ, связана съ короткостью конечностей, туловища и челюстей, которыя представляютъ конечности головы. Тутъ должно быть естественное отношеніе, котораго мы теперь еще не знаемъ.

нихъ головной мозгъ составляетъ горизонтальное продолженіе, горизонтально-же лежащаго хребетнаго мозга. Согласно съ этимъ устроенъ и скелетъ; голова есть горизонтальное продолженіе горизонтальнаго хребетнаго столба; рыба, впрочемъ, можетъ, съ помощью плавниковъ, принять вертикальное положеніе; однако это бываетъ весьма рѣдко и всегда на одинъ только мигъ, но она вовсе не можетъ поднять головы, сохраняя горизонтальное положеніе туловища. Между пресмыкающимися, лягушечныя (лягушки и саламандры) имѣютъ, безъ сомнѣнія, мозгъ наименѣе развитый, и голова этихъ животныхъ почти совершенно еще не подвижна. Однако лягушки, въ покойномъ положеніи, держатъ голову уже выше, чѣмъ остальное туловище, нѣсколько приподымая, для того, переднюю часть тѣла. Другія пресмыкающіяся, у которыхъ различныя части мозга уже болѣе сближены, имѣютъ шею болѣе подвижную, и держатъ голову обыкновенно выше чѣмъ туловище, которое при этомъ сохраняетъ горизонтальное положеніе. Переходя къ птицамъ, мы видимъ, что какъ мозгъ, такъ и видъ всего тѣла значительно измѣняются; понятно—мозгъ значительно стягивается: большой мозгъ такъ придвинутъ къ малому, что четырехолміе, которое имѣетъ значительную окружность, не находитъ мѣста, чтобы выдаваться въ верхъ, но отодвигается къ низу и въ стороны; однако самыя полушарія развиты менѣе чѣмъ у млекопитающихъ, именно они имѣютъ мало извилинъ и весьма тонки. По этому-то маса ихъ весьма не велика, и величина большаго мозга зависитъ не отъ полушарій, а отъ полосатыхъ тѣлъ и отъ зрительныхъ бугорковъ. Всѣ птицы имѣютъ не только весьма подвижную, но и весьма длинную шею, и притомъ нетолько сравнительно съ пресмыкающимися, но даже и съ млекопитающими; туловище у нихъ не совершенно горизонтально и не совершенно вертикально, но имѣетъ положеніе полувыпрямленное. Переходя къ млекопитающимъ, мы видимъ, что у настоящихъ четвероногихъ туловище ус-

троено для горизонтальнаго положенія; однако хотя у нихъ шея не столько подвижна, но голову они держатъ всегда выше туловища (*); поэтому головной и хребетной мозгъ не лежатъ въ одной горизонтальной плоскости. Полушарія какъ мозга, такъ и мозжечка развиты гораздо болѣе чѣмъ у птицъ; однако весь мозгъ не представляетъ такого сосредоточенія, именно основная часть, т. е. часть, соединяющая большой мозгъ съ продолговатымъ, вытянута въ длину болѣе чѣмъ у птицъ. Однако у тѣхъ животныхъ, у которыхъ полушарія большаго мозга развиты до такой степени, что частью покрываютъ мозжечекъ, именно у четырерукихъ, тамъ и основная часть укорочена и большое затылочное отверстіе приближается болѣе къ переди; отъ этого шейная часть спиннаго мозга получаетъ положеніе болѣе подъ головой, и, такимъ образомъ, все тѣло приспособляется къ болѣе выпрямленному положенію. Наконецъ у человѣка полушарія большаго мозга дѣлаются выпуклыми во всѣ стороны; они вполнѣ покрываютъ мозжечекъ, основная часть совершенно коротка, и затылочное отверстіе отодвинуто къ срединѣ нижней плоскости черепа; все туловище (именно всѣ его кости и прикрѣпленые къ нимъ мускулы) устроено вполнѣ для вертикальнаго положенія. Такимъ образомъ я смотрѣлъ на необходимость вертикальнаго положенія, какъ на слѣдствіе стянутости мозга и необыкновенно большой выпуклости полушарій.

Такимъ образомъ въ нервной системѣ мы видимъ особенность отличающую тѣло человѣка отъ тѣла другихъ животныхъ. Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что всѣ части въ человѣкѣ представляютъ высшую степень совершенства. Кости у него не такъ крѣпки, какъ у лошади; мускулы не такъ сильны, какъ у льва; первая мо-

(*) Только китообразныя представляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе: голова у нихъ составляетъ совершенно переднюю часть туловища, и тѣло неподвижно.

жетъ лучше обращать въ молочко траву, второй лучше переваривать кости,—нежели человѣкъ, въ своихъ пищеварительныхъ органахъ, занимая въ этомъ отношеніи средину между травоядными и исключительно плотоядными животными. Но всѣ эти органы суть только средства существованія и дѣятельности для нервной системы, въ которой проявляются слѣды психической жизни животныхъ. Уже въ своихъ органахъ чувствъ, человѣкъ имѣетъ много преимуществъ, хотя и нельзя сказать, чтобы всѣ его чувства были весьма тонки: носъ хищныхъ звѣрей гораздо лучше обоняетъ всѣ испаренія животныхъ тѣлъ какъ мертвыхъ, такъ и живыхъ. Эта тонкость чутья плотоядныхъ звѣрей происходитъ, по видимому, отъ многочисленности изворотовъ носовыхъ раковинъ; напротивъ, животныя съ сильно развитыми лобными и челюстными пазухами, каковы копытныя, узнаютъ чутьемъ испаренія воды гораздо въ большемъ отдаленіи, нежели люди—даже дикіе. Однако языкъ только у не многихъ звѣрей можетъ сравниться съ человѣческимъ въ чувствительности; я такъже не сомнѣваюсь, что слухъ у человѣка гораздо тоньше, чѣмъ у другихъ звѣрей, за исключеніемъ, можетъ быть, летучихъ мышей. Конечно у всѣхъ звѣрей наружное ухо больше, а у большей части и подвижнѣе человѣческаго, кромѣ того многія животныя, особенно грызуны пугаются даже довольно тихихъ звуковъ. Однако многія животныя не такъ часто обманывались бы различными звукоподраженіями, еслибы лучше различали звуки. Зрѣніе человѣка такъже весьма совершенно, если сравнивать съ животными человѣка всегда живущаго въ тѣсномъ со прикосновеніи съ природой. Большая часть млекопитающихъ, а можетъ быть и всѣ, гораздо болѣе близоруки чѣмъ человѣкъ; мы такъ привыкли къ этой близорукости, что даже удивляемся когда гусь, котораго хотимъ подстеречь, вдругъ улетаетъ, какъ будто прямо стоящій человѣкъ не есть предметъ значительной величины. Охотникъ называетъ зоркимъ такое животное, которое можетъ замѣтить человѣка

наразстояніи ружейнаго выстрѣла, а между тѣмъ человѣкъ долженъ быть очень близорукимъ, чтобы не замѣтить другаго человѣка на такомъ же разстояніи. Однако многимъ животнымъ, чтобы ясно видѣть, нужно гораздо менѣе свѣта нежели человѣку. Наконецъ осязаніе у человѣка, вовсѣхъ отношеніяхъ, гораздо совершеннѣе чѣмъ у животныхъ.

Изъ всѣхъ звѣрей безхвостыя обезьяны стараго свѣта наиболѣе похожи на человѣка; но и между этими обезьянами гиббоны (Hylobates) рѣзко отличаются отъ человѣка своими сѣдалищными мозолями и весьма длинными руками; остаются только орангутангъ (1 или 2 вида) и шимпанзе. Орангутанги живутъ въ Азіи, и въ зрѣломъ возрастѣ бываютъ весьма дики; въ отношеніи тѣлеснаго устройства, они легко отличаются отъ человѣка своими руками, которыя такъ длинны, что когда животное стоитъвыпрямившись на двухъ ногахъ, то пальцы рукъ доходятъ почти до пятокъ. Личной уголъ у взрослыхъ бываетъ въ 35°—37°. *Шимпанзе* имѣетъ личной уголъ еще острѣе (въ 30°) и руки его, хотя короче чѣмъ у орангутанга, но гораздо длиннѣе человѣческихъ. Многія американскія обезьяны имѣютъ личной уголъ очень близко подходящій къ человѣческому. Но, въ тоже время, они имѣютъ весьма длинный хвостъ. Такимъ образомъ, человѣкъ гораздо болѣе отличается отъ другихъ животныхъ, нежели обыкновенно думаютъ.

Что касается до короткости основной части, несомнѣваюсь, что всякому читателю покажется весьма натуральнымъ и основательнымъ не соглашаться съ моимъ мнѣніемъ; могутъ думать, что если затылочное отверстіе находится посрединѣ основанія черепа, то необходимо, чтобы основная часть лежала подъ полушаріями большаго мозга; кромѣ того, можно сказать: если такъ устроено, что всѣ позвонки лежатъ одинъ надъ другимъ, а послѣдній изъ нихъ надъ крестцовою костью, которая сама укрѣплена между тазовыми (а эти уже поддерживаются нижними конечностями), то хребетной мозгъ необходимо долженъ

приходиться подъ головнымъ. Однако, разсуждая такимъ образомъ, надо допустить, что видъ мягкой массы мозга, зависитъ отъ вида твердой его костяной оболочки; но въ этомъ то и состоитъ ошибка, потому-что нервная система имѣетъ гораздо болѣе вліянія на кости, нежели, наоборотъ, кости на нервную систему. Мы уже прежде сказали, что внутренняя поверхность черепа принимаетъ форму мозга, или его оболочекъ; зависимость вида полости черепа отъ формы мозга дѣлается тѣмъ яснѣе, чѣмъ мы болѣе приближаемся къ тому періоду развитія, когда черепъ еще совершенно мягокъ и перепончатъ. Такъ, въ куриномъ зародышѣ, на 4-й или 5-й день высиживанія, мы находимъ четырехолміе гораздо больше полушарій; и потому черепъ въ этомъ мѣстѣ образуетъ наибольшую выпуклость. Въ послѣдствіи начинаютъ увеличиваться и полушарія, и совершенно отодвигаютъ четырехолмія; сообразно съ этимъ измѣняется и видъ черепа, и когда онъ уже окостенѣлъ, вовсе нельзя замѣтить, что четырехолмія, въ первое время развитія, выдавались наружу. Однако еще болѣе выказывается эта зависимость въ томъ, что, когда стержень позвоночнаго столбаеще мягокъ, то онъ дѣйствительно изгибается отъ дѣйствія частей мозга. Въ концѣ 4-го дня высиживанія, въ куриномъ зародышѣ, когда четырехолмія образуютъ самую большую выпуклость, тогда основная часть мозга (которая выдается далеко впередъ) такъ изогнута, что даже передъ головы, или лобъ, приходится подъ сердцемъ. Тоже самое можно сказать объ отношеніи другихъ частей нервной системы къ прочимъ костямъ, хотя здѣсь эта зависимость выражается не такъ ясно. Если у ящерицы сломается хвостъ, то на его мѣсто выростаетъ новый, по наружному виду совершенно сходный съ прежнимъ, однако внутреннее его устройство другое. Потерянная однажды часть нервной системы, снова не выростаетъ, и потому въ новомъ хвостѣ нѣтъ уже, бывшаго въ прежнемъ, хребетнаго мозга и выходящихъ изъ него нервовъ; костяная основа хвоста, хотя отчасти образуется вновь, но представля-

етъ только одинъ непрерывный цилиндръ; такимъ образомъ, безъ нервовъ костяное вещество не можетъ трупироваться въ правильные позвонки; притомъ, какъ здѣсь нѣтъ подвижныхъ костей, то нѣтъ и двигающихъ ими мускуловъ.

Не только молодыя, но даже уже окрѣпшія кости могутъ постепенно измѣняться, сообразно потребностямъ нервной системы. Напр. иногда хребетной столбъ искривляется въ одну сторону, или шея съ одного бока укорачивается, и, въ обоихъ случаяхъ, голова принимаетъ косое положеніе. Тогда она не остается симметричною (т. е. устроенною съ обѣихъ сторонъ одинаково), но половина лица обращенная внизъ удлиняется, а обращенная вверхъ укорачивается, такъ что линія проведенная чрезъ обѣ брови постепенно приходитъ въ горизонтальное положеніе. Настоящая причина этого явленія заключается, безъ сомнѣнія, въ мозгу, который постепенно стремится принять симметрическое положеніе, причемъ углубленіе раздѣляющее оба полушарія, подвигается къ верху, а за нимъ слѣдуетъ медленно и основаніе мозга. Сообразно съ этимъ движеніемъ мозга измѣняются, также медленно, и кости.

Наконецъ наши невольные жесты такъже указываютъ на положеніе мозга, какъ на законъ природы, котораго существованіе мы чувствуемъ безсознательно. Отъ чего происходитъ, что всѣ тѣлодвиженія выражающія униженіе, покорность, страхъ, безпомощность сопрождаются такими измѣненіями вертикальнаго положенія, при которыхъ большой мозгъ опускается внизъ—таковы напр. поклоны, колѣноприклоненія, присѣданіе (при чемъ однако человѣкъ не садится, это я видалъ у Лопарей, какъ выраженіе униженія) и наконецъ паданіе на землю. Напротивъ, выраженіе самоуваженія, гордости состоитъ въ томъ, что вытягиваютъ шею и поднимаютъ голову, какъ можно выше. Жесты вообще суть выраженія потребностей организма; но эти тѣлодвиженія такъ всеобщи, что во всѣхъ языкахъ слова, выражающія высокомѣріе или покорность взяты отъ нихъ. Говорятъ человѣкъ возсталъ, человѣкъ у-

гнетенъ, и т. д. Вотъ на какихъ основаніяхъ мы имѣли право сказать: *что совершенное устройство мозга, въ особенности-же сильное развитіе большихъ его полушарій,— которыя преобладаютъ надъ всѣми другими его частями,—составляетъ самую существенную особенность, отличающую человѣка отъ другихъ животныхъ, и что, вертикальное положеніе тѣла, величина черепа и короткость лица, а также и подвижность органовъ, служащихъ для произношенія словъ* — все это есть слѣдствіе *одной этой существенной особенности.*

Послѣ того, что сказано до сихъ поръ, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что высшее развитіе большихъ полушарій у человѣка находится въ какой-то связи съ духовнымъ его началомъ, какого бы рода нибыло это послѣднее. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать что духовныя способности человѣка суть только слѣдствіе высшаго развитія его большихъ полушарій, и что онъ выше другихъ звѣрей только потому, что имѣетъ лучше устроенный мозгъ. Однако, мы думаемъ, что если-бы создалось существо, которое-бы, сохраняя животную природу, было въ тоже время способно къ болѣе высокой духовной жизни, нежели другія животныя, то это существо, въ слѣдствіе однажды установленныхъ законовъ творенія, необходимо бы должно было имѣть и мозгъ устройствомъ лучшій, чѣмъ у другихъ животныхъ, для того чтобы онъ могъ служить органомъ духа. Духовное различіе человѣка отъ другихъ животныхъ было бы, такимъ образомъ, въ то же время и основное, а всѣ остальныя отличія были-бы слѣдствіемъ. Рѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи тѣла и духа, о преобладаніи того или другаго изъ этихъ началъ не принадлежитъ уже зоологіи, и, вообще не есть предметъ естественныхъ наукъ, но относится къ философіи. Философы спорили уже нѣсколько тысячелѣтій, и вѣроятно будутъ спорить еще столько же времени, объ томъ духовное или матеріяльное начало есть первоначально опредѣляющее. Причина этихъ несогласій есть вѣроятно несовершен-

ство человѣческаго разума (verstand, denkvermögen), или мышленія. Мы не имѣемъ намѣренія прибавить еще строчку къ этимъ спорамъ; однако, мы хотимъ воспользоваться случаемъ и показать несправедливость упрека, который обыкновенно дѣлаютъ естественной исторіи, что она ведетъ къ матеріялизму; это совершенно не справедливо; напротивъ того, изученіе ее всегда приводитъ къ чему-то не матеріяльному — не подлежащему уже естественно-историческимъ изысканіямъ.

Безъ сомнѣнія самое матеріяльное въ человѣкѣ, это его кости: они содержатъ много вещества, но имѣютъ весьма слабую степень жизненности; они, какъ извѣстно, приводятся въ движеніе мускулами, которые, хотя содержатъ гораздо менѣе вещества, но одарены жизненною сократимостью; самые мускулы возбуждаются къ сокращенію гораздо тончайшими нервами, которыхъ отдѣльныя волоконца такъ мелки, что ускользаютъ отъ невооруженнаго глаза; а всѣ эти нервныя волоконца опредѣляются къ дѣятельности дѣйствіемъ воли, которую уже вовсе нельзя считать матеріяльною. Такимъ образомъ наиболѣе вещественное управляется менѣе вещественнымъ, а это, въ свою очередь, подчиняется менѣе вещественному, которое уже повинуется такой дѣятельности, въ которой мы не находимъ ничего вещественнаго. — Представь себѣ что ты идешь куда нибудь, чрезъ поле и вдругъ встрѣчаешь ровъ въ 7′ ширины; что ты сдѣлаешь? одинъ взглядъ покажетъ тебѣ, что чрезъ него нельзя перешагнуть; но тотъ же взглядъ убѣждаетъ тебя, что ты можешь перескочить чрезъ этотъ ровъ; едва ты въ этомъ убѣдился, въ тебѣ уже родилось желаніе выполнить это. Едва ты созналъ это желаніе, и оно уже исполнено, посредствомъ сочетанія весьма многихъ сложныхъ и быстрыхъ дѣйствій: ты становишь одну ногу на краю рва, и, опирая на нее все тѣло, наклоняешся впередъ и заносишь другую ногу еще далѣе чѣмъ туловище; теперь всѣ мускулы укрѣпленной ноги вдругъ сокращаются, чтобы бросить впе-

редъ и вверхъ все тѣло; тогда начинаетъ дѣйствовать другая нога, она сгибается и сейчасъ же, мгновенно выпрямляется, чтобы подвинуть туловище.—Однако, все это продолжается не болѣе полусекунды; сотни мускуловъ успѣли сократиться, и притомъ не всѣ вмѣстѣ, а поперемѣнно; сотни тысячъ нервныхъ волоконцевъ возбудили это сокращеніе, и всѣ эти волоконца ты заставилъ дѣйствовать вліяніемъ одной своей воли, и вовсе не имѣя объ нихъ понятія. Нужны недѣли, чтобы вполнѣ объяснить тебѣ тотъ механизмъ, который ты въ одно мгновеніе привелъ въ движеніе, чтобы сдѣлать именно то, чего хотѣлъ. Но при скачкѣ ты вовсе этого незналъ.—«Весьма хорошо знаемъ мы, что воля управляетъ двигательными волоконцами нервовъ, а эти заставляютъ мускулы сокращаться» возразятъ вѣроятно матерьялисты «мы должны предположить, хотя доказать и неможемъ, что самая воля есть дѣйствіе тѣлесное; не есть ли она извѣстная дѣятельность, или извѣстнаго рода напряженіе какой либо части мозга, которая, въ свою очередь, приводитъ въ движеніе различныя другія его части.»—Такъ придумываютъ гипотезу за гипотезою, чтобы убѣдить себя, что понимаютъ то, что совершенно непонятно. Но положимъ,что и это справедливо. —Положимъ, что ты рѣшился перескочить черезъ ровъ для того, чтобы увидѣть пріятеля, про котораго услыхалъ что онъ боленъ. Если бы ты узналъ, что боленъ твой врагъ, или человѣкъ совершенно посторонній, ты бы можетъ быть и не пошелъ къ нему, и не сдѣлалъ бы прыжка; неужели воспоминаніе о пріятелѣ лежитъ въ другомъ мѣстѣ мозга, а не въ этомъ же, гдѣ и воспоминаніе о врагѣ? или, неужели любовь и ненависть суть также вещественные предметы и образуются особенными частями мозга? тогда надо признать, что и совѣсть есть тоже предметъ вещественный; это просто безсмысленно! Представь себѣ, что ты очень голоденъ, и что тебѣ принесутъ кушанья, назначенныя для тебя; когда ты ихъ съѣшь, то почуствуешь себя весьма хорошо; но положимъ, что те-

бѣ попались кушанья, принадлежащія другому, и голодъ заставляетъ тебя рѣшиться съѣсть ихъ; утоливъ голодъ, также ли будетъ тебѣ пріятно? не будетъ ли тебѣ стыдно, что не могъ преодолѣть своего желанія?—Неужели и для стыда назначена особенная часть мозга? Но если это и такъ, то слѣдовательно эта часть возбуждается понятіемъ о правѣ; а понятіе-то ужъ никакъ нельзя считать вещественнымъ!

Впрочемъ, считать состоянія духа тѣлеснымъ—это такая колосальная безсмыслица, что невозможно ее и опровергать. Можно оспаривать заблужденія, въ которыхъ есть сколько нибудь истины, а когда дѣло идетъ о чистой безсмыслицѣ, то можно только сказать, что это—безсмыслица. По этому мы послѣдуемъ за матерьялизомъ на другомъ пути и постараемся показать, въ чемъ онъ погрѣшаетъ.

Возвратимся къ первому нашему примѣру, именно къ прыжку. Мы уже видѣли какое множество малыхъ частей должно было придти въ дѣйствіе, чтобы исполнить нашу волю. Но если-бы всѣ эти части не были такъ устроены, что могли произвести прыжокъ, тогда, несмотря ни на волю, ни на напряженія тѣла, ты все-таки бы не могъ прыгнуть, точно также, какъ не можетъ этого сдѣлать безногій инвалидъ. Отъ куда же такая гармонія, въ устройствѣ нашего тѣла, что мы имѣемъ и стопу, и тазъ, и всѣ нужныя промежуточныя между ними части, и мускулы для того, чтобы подвигать тѣло въ вертикальномъ положеніи, и весьма выгодное для этого положеніе глазъ, хотя они и не могутъ дѣйствовать непосредственно на ноги? Откуда та, еще высшая, гармонія между устройствомъ тѣла и нашими наклонностями? Теленокъ рождается на свѣтъ съ неразвитыми еще коренными зубами, и врожденное желаніе влечетъ его къ сосцамъ матери; когда онъ постепенно выростаетъ, у него быстро развиваются передніе желудки, способные къ перевариванію травы, а вмѣстѣ съ тѣмъ прорѣзываются зубы и является побужденіе ѣсть траву; тогда уже животное, неимѣя болѣе нуж-

ды въ матернемъ молокѣ, получаетъ къ нему отвращеніе. Еще высшую гармонію находимъ между разными видами и окружающею ихъ природою. Не одни телята, но и всѣ травоядныя животныя всегда, въ дикомъ состояніи, рождаются въ такое время, что когда развитіе зубовъ и природное побужденіе дѣлаютъ ихъ способными питаться травою, тогда они уже находятъ въ обиліи этотъ кормъ. Большія травоядныя животныя вообще рождаются, по времени года, раньше маленькихъ, потому что сосутъ долѣе. Какъ объяснить эту гармонію, столь замѣтную во всѣхъ описанныхъ явленіяхъ? — «Этого мы не знаемъ, говорятъ матерьялисты, но» прибавляютъ они «и наши противники не знаютъ какимъ образомъ согласуются вчеловѣкѣ матерія и духъ. Мы должны принять, что различныя творенія произошли отъ взаимнаго стремленія другъ къ другу различныхъ веществъ, и, что они только въ слѣдствіе силъ присущихъ отдѣльнымъ частицамъ, явились такими, какими мы ихъ видимъ. Растенія и животныя устроены сообразно съ своею цѣлью, и устройство ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и стремленіямъ. Причины этого можно найти въ первоначальной и необходимой гармоніи между тѣломъ и его способностями; или-же, можно принять, что побужденія животныхъ, которыя считаются за проявленія ихъ внутренней, не матерьяльной жизни, просто суть слѣдствіе ихъ тѣлеснаго устройства: такимъ образомъ звѣрь, имѣя острые зубы, черезъ это самое получаетъ охоту къ мясу, и смѣлость, чтобы нападать на другихъ животныхъ. Можетъ быть много произошло животныхъ, которыя были устроены несообразно съ своею цѣлью, или несоотвѣтствовали другимъ земнымъ произведеніямъ; такія животныя должны были скоро и безъ слѣда изчезнуть. Если бы напр. явился звѣрь, котораго желудокъ могъ переваривать только мясо, а между тѣмъ у него небыло бы зубовъ, или бы они были тупы, то разумѣется что такое животное скоро бы умерло съ голоду. Міръ именно таковъ, какимъ онъ произошелъ отъ взаимнаго

дѣйствія элементовъ, и онъ есть—какимъ быть долженъ. Мы не можемъ въ немъ замѣтить общаго плана, а тѣмъ менѣе плана, сообразнаго съ цѣлью; потому-что все созданное опять уничтожается, что умерло, то замѣняется новыми поколѣніями, а въ цѣломъ все идетъ постарому».

—Если бы это мнѣніе о творящихъ силахъ природы было сколько нибудь основательно, то тогда часто бы должны были образоваться новыя растенія и животныя въ помойныхъ ямахъ фабрикъ и большихъ городовъ, какъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ множество различныхъ веществъ приходитъ въ соприкосновеніе. Однако-же, за исключеніемъ плѣсеней, этого мы вовсе не видимъ. Въ древнія времена, когда еще думали, что черви (или собственно личинки насѣкомыхъ), которые заводятся въ гніющемъ мясѣ, происходятъ именно изъ него, тогда конечно матерьялисты могли бы еще опираться на это мнѣніе. Но теперь положительно доказано, что эти черви выходятъ изъ яицъ, положенныхъ насѣкомыми, и что ихъ вовсе не бываетъ, если совершенно удалить насѣкомыхъ отъ гніющихъ животныхъ веществъ; такимъ образомъ, въ настоящее время, матерьялизмъ не имѣетъ никакого естественно-историческаго основанія. Изученіе естественной исторіи вовсе не ведетъ къ матерьялизму; напротивъ, онъ происходитъ именно отъ недостаточнаго знанія органической жизни и близорукости ума. Если свѣтскій человѣкъ узнаетъ, что человѣческій глазъ состоитъ изъ различныхъ прозрачныхъ сферическихъ срединъ, которыя собираютъ на днѣ глазнаго яблока лучи свѣта, проходящіе сквозь маленькое отверстіе (зрачекъ); что изъ этихъ срединъ нѣкоторыя жидкія, а другія полужидкія, и что они имѣютъ различную силу преломленія, и, чрезъ это, устраняютъ разложеніе свѣта на цвѣта; когда онъ убѣдится, что собранные, такимъ образомъ, лучи свѣта образуютъ на сѣтчатой оболонкѣ уменьшенныя изображенія предметовъ, а сѣтчатая оболочка соединяется посредствомъ зрительнаго нерва съ мозгомъ, и что нервы имѣютъ способность проводить внѣшнія вне-

чатлѣнія; тогда можетъ ли онъ заключить изъ всего этого, что отправленія живаго тѣла суть слѣдствія физическихъ свойствъ тѣхъ частицъ, изъ которыхъ оно составлено? Что человѣкъ разсуждаетъ объ видѣнномъ, и, основываясь на своихъ наблюденіяхъ дѣлаетъ выводы — этого уже нельзя объяснить физическими силами! Но остановимся еще на глазѣ: части его не явились извнѣ, но образовались собственною, жизненною дѣятельностью самаго организма, и притомъ по извѣстному, совершенно опредѣленному закону. Весьма ошибаются тѣ, которые, обманываясь малою продолжительностью обыкновенныхъ наблюденій, разсматриваютъ живой организмъ какъ нѣчто законченное. Такимъ образомъ мы конечно видимъ, что отдѣльныя его части и частицы дѣйствуютъ по химическимъ и физическимъ законамъ; мы судимъ о всѣхъ явленіяхъ по масштабу собственной жизни и по времени, нужному для сдѣланія наблюденія. Но совершенно упускаемъ изъ виду, что всѣ эти процессы состоятъ подъ верховнымъ владычествомъ общей жизненной силы. Но если бы жизнь человѣка была гораздо длиннѣе, и воспріимчивость его чувствъ такъ долго сохраняла напряженность свою, что онъ могъ бы столь же хорошо наблюдать въ продолженіи цѣлаго дня, какъ теперь наблюдаетъ въ продолженіи одной секунды, тогда бы онъ могъ видѣть какъ растетъ трава; тогда бы онъ могъ замѣтить, какъ въ 90 секундъ, или въ полторы минуты, прорастаетъ сѣмячко тыквы, какъ зародышъ ея пускаетъ первые листки и стебелекъ, какъ на стеблѣ являются новыя междуузлія и происходятъ новые листы, какъ образуются цвѣты, и наконецъ завязывается и зрѣетъ плодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ могъ бы видѣть, какъ влага всосанная корнями подымается въ стебель, проникаетъ во всѣ его клѣточки, движется и измѣняется въ нихъ, образуя новыя вещества, и, такимъ образомъ, переходя изъ одной клѣточки въ другую, испаряется на всей поверхности растенія; далѣе, онъ бы увидалъ, какъ газообразныя вещества изъ воздуха также входятъ въ растеніе и тамъ дѣйствуютъ въ различныхъ

химическихъ процессахъ. Тогда натуралистъ былъ бы такой человѣкъ, который долженъ все это видѣть въ одно время. Если это было бы такъ, тогда бы онъ узналъ, что во всей жизни напр. тыквы нѣтъ ни одного момента, гдѣ бы можно было ее узнать вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, а не различныя только фазы ея безпрерывнаго измѣненія. Жизнь растенія есть не что иное, какъ процессъ безпрерывнаго развитія. Пшеничныя зерна, которыя мы видимъ составляютъ только извѣстный моментъ процесса, начатаго пшеничнымъ сѣменемъ для того, чтобы, соединяя взятые изъ воздуха газы съ (содержащей въ растворѣ немного солей) водой, полученной изъ земли произвести новыя зерна; чтобы этого достигнуть, растеніе производитъ вѣтви и листья, которые умираютъ по мѣрѣ созрѣванія новыхъ зеренъ.

Жизнь животная есть также безпрерывно продолжающійся процессъ, и этотъ процессъ, также какъ въ растеніяхъ, начинается, достигаетъ высшей степени развитія и прекращается; только здѣсь онъ приводитъ въ дѣйствіе гораздо болѣе физическихъ и химическихъ силъ. Здѣсь пища сначала размельчается, а потомъ разлагается и распускается въ жидкость; изъ этой уже жидкости приготовляется новое питательное вещество, которое съ силою разливается по всему тѣлу, для того, чтобы проникнуть всѣ части, гдѣ оно необходимо. Это питательное вещество, которое мы называемъ кровью, прежде чѣмъ сдѣлается способнымъ питать тѣло, должно отдать воздуху нѣкоторые газы и принять изъ него другіе. Однако бо́льшая часть животныхъ недовольствуются тѣмъ, что окружены воздухомъ, но еще безпрестанно втягиваютъ его въ себя и снова выгоняютъ. Изъ насыщенной, такимъ образомъ, крови, каждая железа беретъ что ей нужно и вырабатываетъ то вещество, для приготовленія котораго она назначена, и каждая поверхность возобновляетъ свойственную ей безпрерывную, спадающую въ видѣ слоевъ, оболочку. Въ животномъ организмѣ сокращаются множество мускуловъ, чтобы, дѣйствуя на негибкія его части, какъ на рычаги, могли приводить въ движеніе тѣло, или различ-

ные его органы. Многія тысячи нервныхъ нитей, по волѣ животнаго, приводятъ въ дѣйствіе эти мускулы; тысячи другихъ нервныхъ нитей сообщаютъ сознанію животнаго какіе видимые предметы его окружаютъ, какіе звуки слышны въ воздухѣ, какія летучія вещества примѣшаны къ воздуху, которымъ оно дышетъ, какія вкушаемыя вещества находятся въ пищѣ, которую оно принимаетъ; наконецъ, посредствомъ этихъ же нервовъ животное узнаетъ, какіе внѣшніе предметы касаются его, и въ какомъ состояніи находятся самыя его части; во всѣхъ этихъ безчисленныхъ, малыхъ процессахъ конечно дѣйствуютъ общія химическія и физическія силы. Но здѣсь эти силы подчинены въ своемъ дѣйствіи потребностямъ самаго животнаго. Предполагать, что гармонія жизни есть произведеніе этого множества химическихъ и физическихъ операцій (какъ это должны принимать матерьялисты, чтобы быть послѣдовательными) это, по нашему мнѣнію, неразумно. Когда множество инструментовъ исполняютъ согласно концертъ, то разумѣется, что этотъ концертъ уже прежде сочиненъ, и каждому инструменту назначено, что онъ долженъ играть. Никто не будетъ такъ безсмысленъ, чтобы предполагать, что множество инструментовъ, производя, безъ всякаго прежде составленнаго плана, разные тоны могутъ составить концертъ. Отъ чего же мы не имѣемъ права думать тоже самое и объ органическихъ явленіяхъ, которыя еще сложнѣе, потому что въ нихъ находятся въ тѣсной связи какъ механическіе, такъ и химическіе процессы.

Остановимся на избранномъ нами примѣрѣ, и, чтобы лучше достигнуть своей цѣли, мы еще упростимъ его. Положимъ, что мы въ лѣсу и слышимъ тему, которую наигриваетъ рожекъ; играющаго мы не видимъ, однако не сомнѣваемся, что кто нибудь да играетъ. Представимъ себѣ что клещъ случайно заползъ въ рожекъ и сидитъ на его стѣнкѣ; этому малому (съ песчинку) животному можетъ казаться, что надъ нимъ кокосальный сводъ трубы приходитъ

въ огромныя сотрясенія, и подвергается бурѣ и грому; но мы слышимъ только тоны, а не различаемъ отдѣльныхъ волнъ звучащаго воздуха; и такъ какъ эти тоны, слѣдуя одинъ за другимъ, въ пріятномъ для нашего уха порядкѣ, образуютъ мелодію, то мы и думаемъ: тамъ есть музыкантъ, который сыгралъ музыкальную тему, т. е. выразилъ музыкальную мысль; эту мысль онъ можетъ быть имѣлъ прежде, а можетъ быть она родилась у него теперь. Мы не будемъ однако-же думать, что это, напр. адажіо, произошло отъ струи воздуха, случайно попавшей въ рожекъ. Чтобы осуществить свою фантазію, музыкантъ долженъ былъ воспользоваться способностью воздуха, приходить въ дрожательное движеніе и, для того, онъ избралъ рожокъ, устроенный сообразно физическимъ законамъ происхожденія тоновъ. Не суть ли и жизненные процессы только осуществленія идеи созданія, съ тѣмъ только различіемъ, что различныя формы этого осуществленія—различные организмы—образовались изъ земныхъ веществъ дѣйствіемъ жизненныхъ процессовъ, и при помощи физическихъ и химическихъ силъ. Воздухъ и вода, какъ наиболѣе распространенные изъ земныхъ веществъ, играютъ при этомъ главную роль. Если на другихъ планетахъ находятся, что весьма вѣроятно, другія вещества, то и живые организмы тамъ должны образоваться изъ другихъ веществъ. Астрономы ясно доказали, что луна вовсе не имѣетъ такой атмосферы, какъ земля, потому тамъ вѣроятно нѣтъ и воды, — еслибы она и была, то скоро бы улетѣла въ видѣ паровъ; по этому на лунѣ такіе люди, какъ мы, не могли бы жить ни минуты; но можно ли изъ этого заключить, что тамъ не могутъ жить никакія разумныя существа? это заключеніе было бы слишкомъ опрометчиво, потому что вода и воздухъ не имѣютъ ни какой прямой связи съ разумомъ, а если мы имѣемъ нужду въ этихъ веществахъ, то только какъ земныя животныя.

Въ человѣкѣ мы видимъ идею болѣе высокую, нежели тѣ идеи, которыя положены въ основаніе другихъ

органическихъ тѣлъ. Но, если идею человѣка надо было осуществить на землѣ, то разумѣется необходимо было облечь ее въ тѣло, составленное изъ земныхъ веществъ, т. е. надо было дать человѣку животную натуру. Однако человѣкъ получилъ и нѣчто такое, чего не имѣютъ животныя, получилъ для того, чтобы господствовать надъ своей животной натурой и выражать другую высшую—онъ получилъ нравственную свободу. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ своей животной натуры, но чувствуетъ, что можетъ и долженъ повелѣвать ею. Духовная натура человѣка выражается для меня и въ томъ, что онъ есть единственное земное существо, которое можетъ совершенствоваться, и дѣйствительно совершенствуетъ свое земное существованіе. Другія существа живутъ и теперь также, какъ жили сначала, исключая только тѣхъ измѣненій, которыя человѣкъ произвелъ въ нихъ для своихъ цѣлей. Человѣкъ, напротивъ, при своемъ сотвореніи явился нагъ и безоруженъ, но онъ былъ одаренъ смысломъ, который составлялъ его надежду въ будущемъ; онъ не бросилъ, какъ обезьяна, тотъ сукъ, который разъ употребилъ для своей защиты, но обдѣлалъ его и оставилъ при себѣ; такимъ образомъ пріобрѣлъ онъ копье или булаву, первое оружіе и самое простое; имѣняя звуки своего голоса, онъ захотѣлъ, чтобы и другія его понимали. А языкъ далъ ему средство къ безпрерывному умноженію познаній и къ улучшенію своего быта. Такимъ образомъ онъ скоро сдѣлался царемъ творенія, подчинилъ себѣ всѣ его силы, и присвоилъ всѣ его богатства. Эта способность человѣка къ усовершенствованію, по нашему мнѣнію, ясно указываетъ на то, что въ основаніи всего земнаго творенія лежитъ одинъ общій планъ, цѣль которое есть развитіе и распространеніе человѣческаго рода.

Справедливо, что всѣ земныя существа являются, оканчиваютъ свое бытіе и замѣняются новыми. Но не справедливо мнѣніе, что при этомъ все въ мірѣ остается по старому. Гдѣ теперь видимъ поля покрытыя хлѣбными растеніями, тамъ нѣкогда были лѣса и луга. Овцы

разведены теперь во всей Европѣ, за исключеніемъ только земель Самоѣдовъ, въ большей части Азіи, Африки и Америки, и даже частью въ Австраліи; а было время, когда только немногія овцы жили въ гористыхъ странахъ, доставлявшихъ имъ защиту отъ нападеній волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей. Нѣкогда, за 2500 лѣтъ, львы жили еще въ Европѣ, за 2000 въ Малой Азіи, а теперь ихъ находятъ только въ небольшой части Азіи и даже въ Африкѣ: но они становятся все рѣже и рѣже. Помпей показалъ на играхъ въ Римѣ 600 львовъ заразъ, а Цезарь 400; теперь собрать столько львовъ въ одно время не можетъ ни какой государь. Человѣкъ ограничиваетъ число вредныхъ твореній, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ силы ему противиться; напротивъ, онъ до безконечности умножаетъ число существъ, которыя ему полезны; для пищи себѣ онъ разводитъ майсъ или кукурузу, гдѣ климатъ достаточно тепелъ, или пшеницу, рожъ, гречиху гдѣ земля не такъ плодородна, или гдѣ ея слишкомъ много. Онъ разводитъ скотъ, чтобы имѣть вмѣстѣ и одежду и мясную пищу. Однимъ словомъ, размноженіе существъ неразумныхъ дало человѣческому роду возможность чрезвычайно размножиться и распространиться на всей землѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дало средства улучшить свой матерьяльный бытъ. Обозрѣвая прожитыя человѣческимъ родомъ тысячелѣтія, мы убѣждаемся, что и духовныя его богатства въ это время умножились; хотя многіе народы изчезли съ лица земли, но произведенія ихъ духовной дѣятельности и до сихъ поръ еще приносятъ плоды. Кто захочетъ отвергать, что въ настоящее время знанія распространяются болѣе и болѣе, разширяя границы нашихъ понятій, что сознаніе нашего права теперь больше развито, и что, наконецъ даже религіозныя вѣрованія облагорожены. По этому-то мы имѣемъ право сказать, что: *общая идея творенія — есть совершенствованіе и распространеніе человѣческаго рода.* Каждый смертный человѣкъ есть только одинъ изъ тоновъ этой вѣчно развивающейся мелодіи.

РАЗЛИЧІЕ ЛЮДЕЙ.

Такъ какъ изученіе человѣка въ тѣлесномъ отношеніи есть предметъ зоологіи, то въ наше время описаніе различій людей между собою, начали описывать въ зоологическихъ сочиненіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій легко замѣтитъ, что не всѣ люди похожи одинъ на другаго. Нѣкоторыя особенности представляютъ только уклоненія отъ различной нормальной формы; они встрѣчаются у всѣхъ народовъ, но только въ немногихъ особяхъ, или семействахъ, въ которыхъ сдѣлались наслѣдственными. Такъ бываютъ недѣлимыя съ 6-ю пальцами на одной, или на обѣихъ рукахъ, и въ нѣкоторыхъ семействахъ это уродство встрѣчается такъ часто, что его надо признать наслѣдственнымъ. Во всѣхъ частяхъ свѣта мы находимъ недѣлимыхъ, у которыхъ недостаетъ красящаго вещества въ сосудистой оболочкѣ глаза, и потому зрачекъ ихъ кажется не чернымъ, а красноватымъ. У такихъ людей, называемыхъ *Альбиносами* или *Какерлаками*, всѣ волосы отъ рожденія бываютъ бѣлые. Это уродство, или болѣзненное состояніе, встрѣчается также и между неграми, у которыхъ въ такомъ случаѣ вся кожа бываетъ бѣлая, и которыхъ по этому называютъ *бѣлыми Неграми*. Есть примѣры людей, у которыхъ вся кожа покрыта бываетъ большими, выдающимися бородавками; въ Англіи и теперь еще живетъ одно семейство, у членовъ котораго вся кожа, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, какови внутренняя поверхность ручныхъ кистей и нижняя поверхность ступней, покрыта твердыми чешуями, время отъ времени отпающими и снова наростающими; такихъ людей называютъ *чешуйчатыми*, или также людьми *дикобразами* (Porcupine-man, по Англійски); послѣднее названіе произошло отъ того, что нѣкоторыя чешуи оканчиваются унихъ острыми шипами. У нѣкоторыхъ племянъ Африки (рѣже другихъ частей свѣта) образуются

иногда огромныя массы жира въ нижней части туловища. — Сюда же можно отнести карликовъ и великановъ, значительно удаляющихся отъ обыкновеннаго человѣческаго роста.

Всѣ эти и другія, подобныя имъ, уклоненія встрѣчаются, какъ мы сказали, только въ нѣкоторыхъ недѣлимыхъ или, по большей мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ семействахъ, но никогда не составляютъ принадлежности цѣлыхъ народовъ. Въ сущности это суть только уклоненія отъ нормальной формы человѣческаго тѣла, и потому должны считаться болѣзненными. Такъ, самые низенькіе карлы всегда страдаютъ искривленіемъ костей, а самые высокіе великаны никогда не бываютъ сильны; у послѣднихъ не соразмѣрность слишкомъ большихъ костей съ слабыми мускулами, часто такъ велика, что они безъ дрожанія не могутъ долго стоять на ногахъ. Альбиносы не могутъ переносить слишкомъ яркаго свѣта и видятъ хорошо только въ темнотѣ. Дикобразы — люди страдаютъ одною накожною болѣзнью, которая въ обыкновенныхъ случаяхъ состоитъ только въ томъ, что кожа покрывается плоскими чешуйками.

Совершенно отличны отъ этихъ уродливостей, тѣ различія, которыя мы замѣчаемъ между народами населяющими землю. Ихъ уже нельзя считать уклоненіями отъ нормальной формы, но, должно разсматривать какъ различныя формы, въ которыхъ можетъ развиваться человѣческое тѣло, оставаясь совершенно здоровымъ. Подобныя же различія мы видимъ и между животными, особенно домашними. Такъ напр. нѣкоторыя овцы имѣютъ весьма густую и мелко-завитую волну, таковы мериносы; у другихъ, какъ у нашихъ обыкновенныхъ, шерсть закручена гораздо менѣе; и наконецъ есть такія овцы, у которыхъ волосы совершенно прямы и вовсе не заслуживаютъ названія волны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ овцы бываютъ безрогія; въ другихъ, они имѣютъ сзади крестца раздѣльную жирную подушку (таковы именно киргизскія овцы); наконецъ, еще въ другихъ мѣ-

стахъ они имѣютъ весьма длинный хвостъ, иногда тонкій, а иногда покрытый слоемъ жира. Эти особенности сохраняются во всѣхъ поколѣніяхъ, пока они живутъ въ тойже странѣ и сохраняютъ, тотъ-же образъ жизни, какъ ихъ родоначальники. Напротивъ, если переселить животныхъ въ другое мѣсто и существенно измѣнить ихъ пищу, то эти особенности въ слѣдующихъ поколѣніяхъ сохраняются нѣкоторое время, потомъ постепенно ослабѣваютъ и наконецъ изчезаютъ совершено. Такъ у европейскихъ овецъ, переселенныхъ въ жаркія страны, волна мало-помалу переходитъ въ прямые незавитые волосы. Испанскія лошади, какъ извѣстно, отличаются густымъ хвостомъ и гривою; но у тѣхъ изъ нихъ, которыя, за три столѣтія передъ этимъ, перевезены въ Америку и тамъ, одичавъ, бѣгаютъ нынѣ большими стадами, — хвостъ и грива сдѣлались очень жидкими.

Эти различныя формы животныхъ одного вида, свойственныя не отдѣльнымъ только недѣлимымъ, но б. или м. всѣмъ, живущимъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, называются, *породами* или *разностями*. Такъ какъ извѣстно, что особенности свойственныя породамъ уменьшаются при измѣненіи климата и пищи, или, какъ говорятъ, *породы вырождаются*, то принимаютъ, что они происходятъ отъ вліянія внѣшнихъ условій, хотя мы это и неможемъ доказать для всѣхъ породъ. Извѣстно весьма немного породъ, которыя образовались въ наше время, подъ вліяніемъ человѣка. Такъ, съ незапамятныхъ временъ разводили въ Испаніи народу тонкорунныхъ овецъ, или мериносовъ; нѣкоторыя недѣлимыя изъ этой породы перевезены были въ Саксонію, и тамъ воспитаніе сдѣлало волну ихъ еще тоньше. Такимъ образомъ изъ испанскихъ мериносовъ, образовалась новая разность овецъ, дающихъ самую тонкую шерсть; эта порода извѣстна подъ именемъ електоральной, и отъ нее-то происходятъ, большею частью, тѣ тонкорунныя овцы, которыхъ мы находимъ теперь большія стада во многихъ частяхъ Россіи.

Даже еще въ прошедшемъ столѣтій одинъ американецъ, которому не нравилось что его овцы часто скакали черезъ заборы, произвелъ, при помощи одного кривоногаго барана, новую породу овецъ, которыя уже не могли скакать. Въ Англіи находится множество породъ образовавшихся подобнымъ образомъ еще въ позднѣйшія времена. Однако, всѣ эти породы происходятъ отъ перекрещиванія старыхъ, и потому не могутъ служить примѣромъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, на измѣненіе животныхъ формъ. Впрочемъ впослѣдствіи мы представимъ нѣкоторые примѣры послѣдняго, а здѣсь я только замѣчу, что мы незнаемъ какъ произошли разныя, прежде извѣстныя породы домашнихъ животныхъ; бѣли-ли они всегда различными, или сдѣлались такими впослѣдствіи. Мы только привыкли относить одному виду всѣхъ животныхъ, которыя могутъ спариваться и производить плодородныхъ дѣтей, такъ какъ опытъ показалъ намъ, что, если спаривать животныхъ явственно различныхъ видовъ, то потомство ихъ бываетъ обыкновенно безплодно. Изъ сказаннаго явственно слѣдуетъ, что, по зоологическимъ законамъ, всѣ племена людей принадлежатъ къ одному виду; это подтверждается еще и тѣмъ, что каждый, удобо отличительный видъ (а такіе только и должны мы принимать за установленные) непремѣнно имѣетъ одинъ, всегда существующій признакъ, которымъ отличается отъ другихъ видовъ. Напротивъ, различныя формы людей отличаются одна отъ другой всегда только совокупностію многихъ признакахъ; мы не можемъ найти для каждой формы одного постояннаго, отличительнаго признака. Негры всѣхъ легче различаются отъ другихъ людей; однако характеризующій ихъ, обыкновенно выдающійся профиль съ одной стороны встрѣчается не у всѣхъ Негровъ, а съ другой свойственъ многимъ другимъ народамъ. Такую форму лица мы находимъ не только у жителей Новой Голландіи, Новой Гвинеи и у многихъ американскихъ племянъ,

но даже и у нѣкоторыхъ Европейцевъ, хотя у послѣднихъ она встрѣчается весьма рѣдко, и всегда развита гораздо менѣе. Черный цвѣтъ кожи нельзя считать за достаточный отличительный признакъ Негровъ, по многимъ причинамъ: во первыхъ не всѣ Негры одинаково черны; во вторыхъ многіе жители большихъ острововъ южнаго океана, въ чернотѣ кожи не уступаютъ и многимъ негритянскимъ народамъ; въ третьихъ, многіе народы сѣверной Африки, хотя и чернѣе многихъ негритянскихъ народовъ, но не имѣютъ ни курчавыхъ волосъ, ни выдающихся челюстей, которыя характиризуютъ настоящихъ Негровъ. Курчавые, похожіе на волну волосы Негровъ всего болѣе можно принять за такой признакъ, который одинъ самъ по себѣ составляетъ отличіе отъ другихъ племянъ; однако этотъ признакъ не встрѣчается у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ каковы напр. Моруры на восточномъ берегу, Фонти и Ашанти на западномъ; съ другой стороны по качеству волосъ надо-бы причислить къ Неграмъ и обитателей Вандименовой земли, которые впрочемъ и по своей физіономіи имѣютъ съ ними много сходства. У жителей нѣкоторыхъ другихъ острововъ южнаго океана волосы также весьма курчавы, такъ напр: я видѣлъ одного Сандвичанина, котораго по волосамъ можно было принять за Негра, хотя цвѣтъ кожи и лицо были у него совершенно другіе. Даже и въ Европѣ можно иногда видѣть людей съ курчавыми волосами; такихъ видалъ я въ Литвѣ между молодыми Евреями, хотя и въ отечествѣ ихъ курчавые волоса составляютъ только исключеніе.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что *всѣ люди составляютъ одинъ видъ;* потому что большія группы народовъ, которыя мы будемъ называть племенами, а тѣмъ менѣе отдѣльные народы, не различаются одинъ отъ другаго, однимъ опредѣленнымъ, всегда существующимъ признакомъ. Можно подумать что особенности, характеризующія различныя людскія племена, не произошли отъ долговременнаго вліянія различныхъ условій жизни,

но прирожденны самымъ племенамъ. Многіе естество испытатели новыхъ временъ принимали это мнѣніе, какъ наиболѣе вѣроятное, и считали возможнымъ доказать, что если не всѣ, то покрайней мѣрѣ главныя особенности людскихъ племенъ произошли вмѣстѣ *съ ними*. Другіе, можно сказать самые основательные и наиболѣе свѣдущіе натуралисты (и между ними Блюменбахъ и Причардъ) держатся того мнѣнія, что всѣ различія людей между собою произошли отъ различія долговременно и постоянно дѣйствовавшихъ внѣшнихъ вліяній.

Первое мнѣніе наиболѣе подтверждается историческими доказательствами, которыя на первой взглядъ, повидимому имѣютъ большую силу; но, по нашему мнѣнію, вовсе не доказываютъ того, что должны доказать. Безпрестанно повторяютъ, что Европейцы въ Африкѣ никогда не дѣлаются Неграми, и что на оборотъ, Негры вывезенные изъ Африки во всѣхъ поколѣніяхъ сохраняютъ особенности своего племени: однако это предположеніе не имѣетъ той всеобщности, какую ему обыкновенно приписываютъ. Прежде всего надо замѣтить, что опыты, на которыхъ оно основано, слишкомъ коротки; конечно, мы незнаемъ, чтобы Европейцы превращались въ Негровъ, или чтобы они въ Америкѣ, безъ смѣшенія съ туземцами получили цвѣтъ кожи и устройство тѣла Американцевъ. Но сколько времени живутъ Европейскіе колонисты въ отечествѣ Негровъ или Американцевъ? Весьма немногіе болѣе 300 лѣтъ; это время далеко не достаточно для такихъ внѣшнихъ измѣненій, и притомъ Европейцы и въ новое отечество переносятъ свою образованность и, сколько возможно, свой прежній образъ жизни. Они не липаются или лишаются только въ незначительной степени того умственнаго развитія, которое въ продолженіи многихъ лѣтъ имѣло вліяніе на строеніе ихъ черепа. Должно еще прибавить, что европейскіе колонисты во всѣхъ странахъ, гдѣ они поселились составляютъ всегда классъ самый достаточный, и потому гораз-

до менѣе туземцевъ подвергаются вліянію климата. Еще менѣе терпятъ они недостатка въ пищѣ, отъ котораго, болѣе или менѣе, страдаютъ совершенно дикіе народы. Европейцы никогда не опускаются на низшую степень развитія, гдѣ человѣкъ приближается къ состоянію животнаго, и потому въ нихъ не могутъ развиться и тѣ свойства, которыя характеризуютъ это состояніе; они не ходятъ безъ одежды, а потому лучи солнца не могутъ такъ сильно дѣйствовать на цвѣтъ ихъ кожи; однако вліяніе солнца не остается совершенно безъ послѣдствій, такъ у колонистовъ жаркихъ странъ, цвѣтъ кожи именно на лицѣ обыкновенно темнѣе, чѣмъ у жителей Европы. Точно тоже можно сказать и о Неграхъ; хотя они, въ состояніи невольниковъ, уже съ древнихъ временъ перевезены въ въ Азію и Европу, но ихъ всегда держали въ такомъ разъединеніи, что, въ настоящее время, они вовсе несоставляютъ одного цѣлаго народа. Когда была открыта Америка, туда увезли много Негровъ и держали ихъ вмѣстѣ; и теперь въ этой части свѣта мы находимъ настоящихъ Негровъ, сохранившихъ, чрезъ цѣлый рядъ поколѣній, чистоту своей крови. Но и здѣсь они составляютъ рабочій классъ жителей, и притомъ такія колоніи Негровъ находятся только въ жаркихъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма теплыхъ частяхъ Америки; по этому въ самой природѣ, окружающей Негровъ въ Америкѣ, мы не находимъ причинъ, которыя бы могли, въ значительной степени, измѣнить свойства ихъ, сдѣлавшіяся наслѣдственными, переходя долгое время отъ одного поколѣнія къ другому; однако сомнительно, чтобы здѣсь вовсе небыло никакихъ измѣненій. Обезьяны лицо, съ сильно выдающимися челюстями, которое бываетъ у многихъ племянъ въ Африкѣ, встрѣчается у Негровъ рожденныхъ въ Америкѣ чрезвычайно рѣдко, и въ гораздо меньшей степени. Такимъ образомъ переселеніе Европейцевъ въ жаркія страны, и наоборотъ Негровъ въ другія части свѣта произошли такъ недавно, и вліяніе ихъ

было такъ ограничено, что изъ нихъ вовсе нельзя выводить тѣхъ слѣдствій, которыя хотѣли вывести. Мы однако же не предоставимъ рѣшенія вопроса о происхожденіи племянъ нашимъ потомкамъ въ 10-мъ или 20-мъ колѣнѣ, но спросимъ у исторіи не представитъ ли она, изъ древнихъ временъ, примѣра переселенія большой массы людей въ страну совершенно различную отъ ихъ родины? Такой примѣръ исторія легко можетъ намъ дать. Мы знаемъ, что болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ большой народъ германскаго происхожденія, именно Вандалы съ нѣкоторыми другими сродными племенами, вторгнулся въ Африку и тамъ поселился (*). Однако въ настоящее время мы не находимъ въ Африкѣ ни одного народа, который бы можно было, по его свойствамъ, навѣрное отнести къ германскому племени (**). Конечно Византійцы, покоривъ Вандаловъ посылали вандальскихъ солдатъ въ Азію, но они могли вывести, такимъ образомъ, только небольшую часть взрослыхъ мущинъ, и вовсякомъ случаѣ дѣти и женщины должны были остаться на родинѣ; потому что за 120 лѣтъ предъ тѣмъ, 80000 людей германскаго племени поселились въ Африкѣ.

Другое доказательство прирожденности племянныхъ отличій имѣетъ болѣе вѣсу. Это доказательство составляютъ историческія свѣдѣнія о существованіи и въ древнія времена различій между людьми. Геродоту мы не можемъ отказать въ обширныхъ познаніяхъ, относительно извѣстной въ его время части міра; но этотъ авторъ уже

(*) Этотъ народъ во 2-мъ и 3-мъ столѣтіяхъ жилъ на востокъ отъ Исполинскихъ горъ (Riesengebirge).

(**) Спрашиваютъ не происходитъ ли отъ Германцевъ одно племя Кабилловъ, которое живетъ въ горахъ Ауресъ (Aures) и отличается красноватымъ лицемъ и почти русыми волосами? Но языкъ ихъ долженъ-бы быть совершенно отличенъ отъ черныхъ Кабилловъ, потому что Германцы переселились тогда съ женами и дѣтьми, а, при такихъ обстоятельствахъ, языкъ не можетъ быть вполнѣ измѣненъ.

за 2300 лѣтъ писалъ, что жители западной Эѳіопіи имѣютъ изъ всѣхъ людей самые курчавые волоса (L. VII. c. 70.) Эѳіоплянъ какъ западныхъ, такъ и восточныхъ видали въ арміи Ксеркса. Это замѣчаніе Геродота доказываетъ только, что и тогда уже Негры отличались этимъ признакомъ отъ другихъ народовъ; тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, потому-что Африка конечно была обитаема уже гораздо ранѣе того времени, въ которое жилъ Геродотъ. Это вовсе не доказываетъ ни прирожденности племянныхъ отличій, ни того, что эти отличія въ древнія времена были также рѣзки какъ и теперь. Основываясь на другихъ мѣстахъ Геродота можно бы съ большею вѣроятностію вывести, что эти различія тогда только начинали образоваться, если бы только мы могли надѣяться найти достаточную полноту въ сочиненіяхъ того времени.

Такъ, Геродотъ, который упоминаетъ объ столь многихъ народахъ Африки, совсѣмъ не говоритъ о выдающихся челюстяхъ, и даже вовсе не отличаетъ негритянскіе народы отъ прочихъ; даже объ Эѳіопахъ съ курчавыми волосами онъ упоминаетъ не въ описаніи африканскихъ народовъ, но въ перечисленіи свиты Ксеркса. Вообще въ сочиненіяхъ этого писателя, мы не находимъ вовсе полноты въ описаніи физическихъ свойствъ народовъ. Такъ напр. онъ въ другомъ мѣстѣ (L. II. c. 104) называетъ Колхійцевъ (жители нынѣшней Мингреліи) выходцами изъ Африки, основываясь на томъ, что они черны и имѣютъ курчавые волосы. Этимъ Геродотъ конечно хотѣлъ только сказать, что Колхійцы были темнѣе своихъсосѣдей, и имѣли волоса волнистые; и въ самомъ дѣлѣ, многія тысячи мумій привезенныхъ изъ Египта доказываютъ намъ, что Египтяне имѣли, подобно многимъ Южно-Европейцамъ, большею частью, совершенно мягкіе волнистые волоса. Также они въ самомъ дѣлѣ вовсе небыли черны, но только темнѣе Грековъ, хотя послѣдніе часто называли ихъ черными. Знаменитый географъ Птоломей, который самъ жилъ въ нижнемъ Египтѣ ясно говоритъ (L. I. c. 9) что

подъ тропикомъ рака точно такъже нѣтъ черныхъ людей, какъ нѣтъ носороговъ и слоновъ. Однако онъ пишетъ, что нѣсколько далѣе на югъ (слѣдовательно около Нубіи) люди уже совершенно черны, хотя настоящіе Негры впервые встрѣчаются близъ Мэроэ. Итоломей жилъ около 600. послѣ Геродота; можемъ-ли мы по его извѣстіямъ заключить, что Египтяне въ этотъ промежутокъ времени такъ побѣлѣли, что ихъ уже нельзя было назвать черными? Но мы знаемъ, что Египтяне, еще гораздо прежде Геродота, сами себя рисовали кирпично-красными, и потому это мнѣніе было бы совершенно невѣрно.

Еще болѣе опираются на тотъ фактъ, что, на египетскихъ памятникахъ, изображенные различные народы различаются между собой не только одеждой, но и формою лица и цвѣтомъ кожи; какъ въ рисункахъ, такъ и въ скульптурныхъ изображеніяхъ можно легко узнать негритянскія профили, причемъ весьма хорошо переданы и курчавые волоса Негровъ. Часто они изображены закованными какъ военноплѣнные и приведенные изъ похода, или представлены преслѣдуемыми (Rosellini T. II. Pl. 155, 156, 157, 158). Въ другихъ изображеніяхъ они ведутъ львовъ, обезьянъ и другихъ дикихъ звѣрей внутренней Африки, или приносятъ въ даръ слоновую кость. На рисункахъ, какъ напр. въ царскихъ гробницахъ, они представлены черными, а, напротивъ, самые Египтяне нарисованы — мущины красными, какъ сженая черепица, а женщины желтоватыми. Третьяго рода люди, съ сильно выдающимся орлинымъ носомъ, острымъ подбородкомъ, съ бородой и съ нѣсколько наклоненнымъ назадъ лбомъ, представлены занимающимися тяжелыми работами и даже закованными, или связанными, или въ видѣ побѣжденныхъ на войнѣ. Эти люди имѣютъ большое сходство съ Іудеями и непремѣнно принадлежали къ этому, или какому нибудь другому семетическому племени. Мущины ихъ представлены такъже желтыми или почти совершенно охрянаго цвѣта. Въ царскихъ гробницахъ ча-

сто находятъ изображенія еще четвертаго рода людей, иногда съ татуированными ногами; они нарисованы свѣтломяснаго цвѣта, имѣютъ весьма большой личной уголъ, а на головѣ у нихъ находится уборъ, который можетъ быть изображаетъ два пера. Представляетъ ли эта 4-я нація Европейцевъ, какъ думаетъ Шампольонъ, я сомнѣваюсь, потому что, тѣже люди съ такими же перьями и въ такой-же одеждѣ бываютъ иногда представлены скованными (Rosselini. Vol. I). Во всякомъ случаѣ, ясно что Египтяне, кромѣ своего народа, отличали еще три племена различныя по строенію тѣла.

Памятники содержащіе эти изображенія относятся къ правленію 18-й династіи египетскихъ царей,—время, которое можно опредѣлить довольно точно; именно эта династія началась въ 1800, окончилась за 1473 лѣтъ до Р. Х. Американецъ Мортонъ, который много занимался изслѣдованіемъ череповъ древнихъ обитателей Египта, считаетъ возможнымъ доказать, или доказываетъ, что нѣкоторыя изображенія сдѣланы за 1700 до Р. Х. Не станемъ ни доказывать, ни опровергать справедливости этого мнѣнія, но кажется, что многія изъ нихъ сдѣланы еще прежде выхода Евреевъ, подъ предводительствомъ Моисея изъ Египта. Такъ напр. на одной изъ картинъ (Rossellini Vol I. Tab. 49) мы видимъ множество людей съ явственно Іудейскими лицами, занимающихся приготовленіемъ и переноскою кирпичей; притомъ они трудятся подъ надзоромъ Египтянина, который самъ не работаетъ, а только смотритъ за ними, имѣя въ рукахъ палку; это есть самое ясное изображеніе тѣхъ тяжкихъ работъ, которымъ были подвержены Евреи прежде своего бѣгства. Эти наглядныя доказательства, ясно показываютъ, что уже прежде исхода Іудеевъ изъ Египта, существовали многія, различныя одна отъ другой главныя формы людей; но это еще далеко не доказываетъ, чтобы различія этихъ главныхъ формъ были первоначальны. Уже за 3000 лѣтъ народонаселеніе не только Египта, но и всей долины Ни-

ла было весьма многочисленно и потому, безъ сомнѣнія, жило тамъ уже съ давняго времени. Это подтверждаютъ повѣствованія касты жрецовъ, согласныя съ первою книгою Моисея; и мы видимъ, что времяни для развитія племянныхъ отличій было достаточно. Такимъ образомъ мы можемъ сказать въ заключеніе, что: *историческія данныя доказываютъ только глубокую древность существованія различій между людьми, но вовсе не могутъ служить подтвержденіемъ прирожденности этихъ отличій.*

Естественная исторія, съ своей стороны, не можетъ совершенно положительно разрѣшить этого вопроса; однако наблюденія надъ животнымъ, какъ мнѣ кажется, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ то мнѣніе, что всѣ различныя формы людей образовались постепенно изъ одной основной формы. Мы не знаемъ какъ произошли главныя отличія домашнихъ животныхъ нашей половины земнаго шара, или, такъ называемаго, Стараго свѣта; однако мы видимъ, что домашнія животныя, перевезенныя въ Америку измѣнились въ продолженіи $3\frac{1}{2}$ столѣтій до такой степени, что мы не имѣемъ никакого основанія отвергать, что болѣе продолжительное порабощеніе человѣкомъ, было единственною причиною и тѣхъ, еще многочисленнѣйшихъ измѣненій, которымъ подверглись домашнія животныя въ Старомъ свѣтѣ. Животныя перевезенныя въ Америку большею частью разбѣжались по необитаемымъ, или покрайней мѣрѣ, малонаселеннымъ странамъ, и тамъ, имѣя въ изобиліи пищу, живутъ въ состояніи, которое должно много походить на то, въ которомъ они жили въ старомъ Свѣтѣ, до своего порабощенія. Всего лучше это доказываютъ свиньи. Это есть единственное домашнее животное, котораго первоначальную форму мы хорошо знаемъ, потому что поколѣніе, отъ котораго произошли всѣ другія, еще до сихъ поръ живетъ въ большей части Стараго свѣта, въ дикомъ состояніи. Въ Новомъ свѣтѣ вовсе нѣтъ нашихъ обыкновенныхъ свиней; но уже Колумбъ перевезъ домашнихъ свиней на острова западной Индіи; въ послѣдствіи

переселили нѣкоторыхъ и на твердую землю. Нѣкоторыя стада ихъ убѣжали и расплодились въ лѣсахъ и злачныхъ лугахъ на востокъ отъ Кордильеровъ, въ большей части южной Америки. Именно эти свиньи должны были разбѣжаться у нѣкоторыхъ изъ искателей приключеній, сопровождавшихъ *Пизарро*, которые увели цѣлыя стада, отыскивая воображаемую золотую страну — Эльдорадо. Теперь почти всѣ эти одичавшія свиньи имѣютъ шерсть черную (*), у всѣхъ ихъ голова больше и лобъ выпуклѣе чѣмъ у домашнихъ свиней; уши у нихъ короткія, стоячія, однимъ словомъ они совершенно похожи на дикихъ свиней европейскихъ. Особенно интересно измѣненіе ушей; у всѣхъ вообще млекопитающихъ животныхъ, въ дикомъ состояніи, уши или стоячія, или приклонены къ головѣ; но никогда не висятъ внизъ надъ слуховымъ проходомъ, какъ это бываетъ у многихъ собакъ и у многихъ породъ козъ, овецъ и свиней. У нашихъ обыкновенныхъ свиней уши не совсѣмъ висятъ внизъ. Но, такъ какъ они весьма мягки, то и не стоятъ прямо, какъ у дикихъ, а опускаются въ стороны. Безъ сомнѣнія эта мягкость ушной раковины обусловливается тѣмъ, что домашнія животныя мало пользуются своимъ слухомъ. Точно также, собаки въ дикомъ состояніи (какъ напр. въ Новой Голландіи), или покрайней-мѣрѣ такія, которыхъ образъ жизни приближается къ естественному (какъ напр. собаки жителей сѣверной Сибири), имѣютъ уши стоячія. — Такимъ образомъ постоянное употребленіе и напряженіе слуха сдѣлало опять уши дикихъ свиней стоячими. Подобнымъ образомъ, и свойственная имъ большая выпуклость лба, происходитъ не отъ большаго развитія мозга, но отъ большаго развитія лобныхъ пазухъ, и слѣдовательно, отъ органа обонянія; однако въ Кубѣ образовалась новая порода свиней съ весьма длинными копытами.

(*) Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они другаго цвѣта.

Такъже и обыкновеннаго нашего рогатаго скота не было вовсей Америкѣ; въ сѣверной половинѣ этой части свѣта, конечно найдены были два вида рогатаго скота, но они совершенно отличны, отъ нашихъ домашнихъ; въ южной Америкѣ вовсе прежде не было быковъ, а теперь напротивъ въ ней находятся большія стада, которыя всѣ происходятъ отъ привезенныхъ туда домашнихъ. Въ Парагваѣ покрайней мѣрѣ, всѣ дикіе быки имѣютъ одинокое расположеніе цвѣтовъ, именно верхнюю часть спины краснобурую, а всѣ другія части тѣла черныя; напротивъ, домашніе бываютъ тамъ различныхъ цвѣтовъ, точно также какъ и въ Европѣ. *Азара*, которому мы обязаны сообщеніемъ этихъ извѣстій, думаетъ, что вѣроятно дикая, коренная порода нашихъ домашнихъ быковъ, имѣла такіе же цвѣта какъ и дикіе быки Парагвая. Точно такъже и дикія лошади, живущія весьма большими табунами въ равнинахъ Пампаса, всѣ бываютъ каштаново-бураго или сѣровато-бураго цвѣта, имѣютъ малую гриву и рѣдкій хвостъ. Въ самыхъ жаркихъ частяхъ Америки образовались, однако же, и новыя породы быковъ, вѣроятно потому, что климаты этихъ странъ несовершенно соотвѣтствовалъ ихъ природнымъ свойствамъ; таковы напр. безрогая порода въ Парагвѣ; потомъ, ближе къ Экватору, другая съ весьма тонкими волосами, и, наконецъ, еще порода совершенно безволосая. Уже прежде были извѣстны африканскія, именно гвинейскія собаки, совершенно голыя, и потому это измѣненіе покроповъ можно, съ полною увѣренностью, приписать дѣйствію жаркаго климата.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ кожѣ этихъ быковъ неотлагаются вещества, нужныя для образованія волосъ. Но и въ самомъ отправленіи отдѣляющихъ желѣзокъ этихъ жив. въ Америкѣ замѣчено измѣненіе. Въ Европѣ держатъ коровъ, потому-что они даютъ молоко въ теченіи цѣлаго года; напротивъ, въ Колумбіи отдѣленіе молока продолжается только до тѣхъ поръ, пока корова имѣетъ при себѣ теленка. Это отдѣленіе прекращается, какъ и у самокъ

другихъ млекопитающихъ, когда теленокъ пересталъ сосать. Думаютъ, что въ Колумбіи нѣкоторое время не доили коровъ, и потому періодическое отдѣленіе молока сдѣлалось теперь наслѣдственнымъ. Можетъ быть это объясненіе справедливо, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что коровы пріобрѣли способность непрерывнаго отдѣленія молока, постепенно отъ вліянія человѣка, имѣя постоянно обильную пищу. Однако вѣроятно и то, что жаркій климатъ ограничиваетъ отдѣленіе молока; Голландцы на Мысѣ Доброй-Надежды, покрайней мѣрѣ въ прежнее время, много старались приучить своихъ коровъ давать молоко долгое время, и, разумѣется, они не переставали доить ихъ.

Овцы и козы мечутъ въ Парагваѣ два раза въ годъ. Однако и привычки, произвенныя дѣйствіемъ человѣка дѣлаются наслѣдственными, въ домашнихъ животныхъ; такъ, въ гористыхъ странахъ испанской Америки стараются, чтобъ лошади ходили иноходью, потому что только эта побѣжка тамъ уважается; и теперь замѣчаютъ, что жеребята отъ тѣхъ жеребцовъ, которые уже гораздо прежде ходили иноходою, сами собою принимаютъ эту побѣжку (*).

Въ Америкѣ, охотники пріучали собакъ, которыхъ употребляютъ для охоты на Пекари, никогда не нападать на одно животное, если оно находится въ цѣломъ стадѣ, потому что тогда сосѣди того пекари, на котораго бросилась собака, подаютъ ему помощь и собака, обыкновенно, пропадаетъ. Но она должна, прежде всего, произвести шумъ, разсѣять стадо и тогда уже напасть на одно изъ животныхъ. Теперь собаки, которыя произошли отъ этихъ обученыхъ, нападаютъ всегда такимъ образомъ, а напротивъ другія бросаются прямо на одно животное и подвергаются большой опасности; тоже самое можно сказать, болѣе или менѣе, и о другихъ собакахъ. То, къ чему пріучались родители частью чрезъ воспитаніе человѣка, а отъ части по соб-

(*) Что иноходь иногда дѣлается наслѣдственною, это наблюдали и въ Европѣ.

ственному инстинкту, переходить, въ извѣстной степени, и къ потомкамъ. Конечно куншткуки, болѣе несогласные съ природными инстиктами собакъ, также мало дѣлаются наслѣдственными, какъ мало дѣлаются наслѣдственными въ человѣкѣ его умственныя познанія; напротивъ, привычки, ближе подходящія къ природнымъ стремленіямъ животнаго, дѣлаются, по видимому, болѣе или менѣе, наслѣдственными. Даже привычка лаять, можетъ быть, у собакъ неприрожденная. Замѣчательно, что всѣ собаки, живущія въ дикомъ или полудикомъ состояніи, не лаятъ но только воютъ. Отъ этого произошло мнѣніе, что собаки, живущія совершенно въ сообществѣ съ человѣкомъ, стали лаять для того, чтобы подражать его разговору. И эти сначала, быть можетъ, съ трудомъ производимые звуки, сдѣлались наслѣдственными. Я не колеблясь говорю, что не раздѣляю этого мнѣнія; но, во всякомъ случаѣ, его отвергнуть совершенно было-бы неосновательно; потому что и попугаи, хотя имѣютъ органъ звука совершенно отличный отъ человѣческаго, но стараясь подражать людямъ произносятъ не только отдѣльныя буквы, а даже сочетаютъ ихъ между собою; покрайней мѣрѣ замѣчательно, что во многихъ странахъ Америки, одичавшія собаки никогда не лаятъ. Это же можно сказать и о собакахъ новой Голландіи, и объ упряжныхъ собакахъ, на которыхъ ѣздятъ жители сѣверной Сибири и Ескимосы. Маккензи привезъ пару этихъ послѣднихъ въ Англію; и тамъ они вовсе не лаяли, но одинъ ихъ щенокъ уже этому научился. Испанцы высадили, въ началѣ 18-го столѣтія, нѣсколько европейскихъ собакъ на необитаемые острова Фернандеца; потомки ихъ уже вовсе не лаяли, когда, путешествовавшій кругомъ свѣта, Ансонъ посѣтилъ эти острова. На этихъ же островахъ мы находимъ прекрасный примѣръ того, какъ инстинктъ постепенно можетъ довести животныхъ до различныхъ искуственныхъ дѣйствій. Уже самые древніе испанскіе мореплаватели привезли на эти острова козловъ, которые, не имѣя здѣсь ни какихъ враговъ чрезвычайно

размножились и сдѣлались менѣе робкими. Когда въ 1704 году матросъ Thomas Selkirk (который послужилъ основаніемъ разсказовъ о Робинзонѣ) остался одинъ на этомъ островѣ, они были такъ мало робки, и такъ неопытны, что онъ просто ловилъ ихъ на бѣгу для того, чтобы питаться ими. Въ 1709 году этотъ матросъ былъ освобожденъ; вскорѣ послѣ того, испанскій военный корабль высадилъ на этотъ островъ собакъ для того, чтобы они истребили козъ. Это было сдѣлано съ цѣлью уменьшить средства продовольствія, въ то время весьма многочисленныхъ морскихъ разбойниковъ; дѣйствительно въ 1741 Лордъ Ансонъ нашелъ козъ гораздо менѣе, и притомъ они сдѣлались такъ робки, что жили только на самыхъ высокихъ гористыхъ вершинахъ.

Ансонъ увидалъ однажды стадо собакъ, бѣжавшихъ по слѣду, который привелъ ихъ къ высокой горѣ; по сторонамъ горы были крутые обрывы, и на гору нельзя было иначе взойти, какъ только по гребню горы, выдававшемуся съ одной стороны; здѣсь, впереди всѣхъ, стоялъ самый сильный козелъ, выставивъ рога противъ нападающихъ собакъ; другіе козлы стояли въ кучѣ сзади перваго, гдѣ гребень былъ шире. Собаки нашли это положеніе столь неприступнымъ, что, не добѣжавъ шаговъ за 30 до козловъ, вдругъ на всемъ бѣгу поворотили назадъ, и, такимъ образомъ, прекратили нападеніе. Изъ этого видно какъ козлы сдѣлались осторожны и опытны только въ 32 года.

Въ заключеніе къ наблюденіямъ надъ состояніемъ нашихъ домашнихъ животныхъ въ Америкѣ, мы хотимъ присовокупить еще одно наблюденіе надъ такимъ животнымъ, которое, происходя изъ Америки, сдѣлалось домашнимъ у насъ. Мы разумѣемъ животное, которое подъ именемъ *морской свинки* содержится въ домахъ многихъ странъ Европы, для забавы. Извѣстно, что этого животнаго не знали до открытія Америки, и что вскорѣ, потомъ, его привезли въ Европу изъ южной Америки. Много

занимавшіеся, въ наше время, изслѣдованіемъ животныхъ Америки, долго удивлялись, что не находили тамъ животнаго вполнѣ похожаго на нашу морскую свинку. Нашли одно животное, которое имѣетъ такіе же зубы и такое же устройство тѣла, но оно всегда бываетъ однообразно сѣровато-бураго цвѣта. Это животное должно признать за дикую морскую свинку, отъ которой произошли наши домашнія, измѣнивъ въ цвѣтѣ свою прежнюю одежду, въ другую, покрытую черными, бѣлыми и желтоватыми пятнами. Въ Америкѣ это животное мечетъ одинъ разъ въ годъ дѣтенышей; въ Европѣ, напротивъ, ежегодно три раза и притомъ всякій разъ 2—4, даже до 6 дѣтенышей. Въ 1820 году европейскія морскія свинки въ первый разъ были перевезены въ Парагвай, гдѣ дикія весьма многочисленны; и здѣсь оказалось, что европейскія не хотѣли спариваться съ парагвайскими; думали даже найдти разницу въ строеніи ихъ черепа. Такимъ образомъ, по правиламъ зоологіи, должно было признать что европейская морская свинка составляетъ видъ отличный отъ американской, и Линней далъ имъ различныя имена, первую онъ назвалъ *Cavia Porcellum*, а вторую *Cavia Aperea*.

Это почти необходимо ведетъ насъ къ заключенію, что не всѣ тѣ виды дикихъ звѣрей, которые теперь не безъ основанія считаются различными, были таковыми первоначально. Дѣйствительно, образъ распредѣленія животныхъ, въ дикомъ состояніи, на земномъ шарѣ, необходимо заставляетъ предполагать, что весьма многіе виды животныхъ, преобразовались отъ перемѣны пищи, отъ различія климатовъ, или отъ другихъ обстоятельствъ. Какъ иначе объяснить тотъ фактъ, что весьма сходные, или, какъ говорятъ обыкновенно, сродные виды животныхъ встрѣчаются только въ одной и той же, а не въ отдѣльныхъ частяхъ свѣта. Зебръ, который всякому покажется полосатымъ осломъ, живетъ въ южной половинѣ Африки; тамъ же встрѣчается еще 2 вида весьма сходныхъ съ нимъ полосатыхъ животныхъ: квагга и

горный зебръ. Нѣкоторые естествоиспытатели принимаютъ въ южной Африкѣ еще 1, а другіе 2 вида полосатыхъословъ. Напротивъ, въ Азіи и въ сѣверной Африкѣ встрѣчаются только неполосатые виды лошадинаго рода; а въ Америкѣ, до ея открытія, вовсе небыло животныхъ изъ этого рода. Вообще мы находимъ сродные виды сухопутныхъ животныхъ всегда только въ одномъ мѣстѣ земнаго шара; всѣ скачущія мыши (Табарганьчики) и скачущіе зайцы, (Тушканьчики) живутъ только въ старомъ свѣтѣ, а всѣ морскія свинки (Cavia, L.) только въ новомъ; кэнгуру и вообще всѣ травоядныя сумчатки водятся только въ новой Голландіи; въ Америкѣ тоже есть сумчатки, именно многіе виды рода Двуутробокъ (Didelphis), котораго именно нѣтъ въ новой Голландіи. Но эта послѣдняя страна, такъ богата животными изъ отряда сумчатокъ, что всѣ сухопутныя ея млекопитающія принадлежатъ только къ этому отряду, или къ отряду одноотверстковыхъ (monotremata). Вообще животныя Америки отличны отъ животныхъ стараго Свѣта, кромѣ обитающихъ въ самыхъ сѣверныхъ ея частяхъ; но нѣкоторыя животныя глубокаго сѣвера не отличаются даже какъ виды, и едва отличимы какъ разности отъ животныхъ стараго Свѣта; таковы напр. сѣверной олень, лось, лисица. Нѣсколько далѣе, въ умѣренной полосѣ Америки, есть многія млекопитающія, которыя хотя представляютъ замѣтное сходство съ европейскими, но относятся къ другимъ видамъ, таковы канадскій и виргинскій олени, одинъ горный баранъ и пр. Эта страна, конечно, имѣетъ свои собственные роды, особенно изъ насѣкомоядныхъ, которыхъ нѣтъ въ старомъ Свѣтѣ. Разница между сухопутными животными жаркихъ частей Америки и стараго Свѣта, такъ велика, что не только неизвѣстно ни одного вида, который бы жилъ по обѣимъ сторонамъ океана (заисключеніемъ тѣхъ, которые перевезены человѣкомъ) но даже и роды почти всегда совершенно различны. Только изъ рода тапировъ живетъ одинъ видъ въ южной Америкѣ, а

другой въ южной Азіи. Однако, вѣроятно, точнѣйшее изслѣдованіе азіатскаго тапира, который до сихъ поръ мало извѣстенъ, докажетъ, что онъ достаточно отличается отъ американскаго, чтобы составить особенный родъ. Всѣ муравьѣды (*Myrmecophaga*), лѣнивцы и армадилы водятся только въ южной Америкѣ, а всѣ чешуеносцы и другіе, питающіеся муравьями, роды только въ старомъ Свѣтѣ. Всѣ настоящіе верблюды свойственны только старому Свѣту, а напротивъ, полуверблюды (Lama, Vicunna), только новому; множество антилопъ водятся въ Африкѣ и въ теплыхъ мѣстахъ Азіи, въ Америкѣ ихъ вовсе нѣтъ (*); всѣ слоны, носороги, бегемоты и свиньи живутъ въ старомъ Свѣтѣ, а всѣ пекари въ новомъ. Когда животныя одного отряда, или одного большаго семейства водятся по обѣ стороны океана, то почти всегда такъ различны одни отъ другихъ, что никакъ невозможно считать ихъ произшедшими одни отъ другихъ чрезъ перерожденіе, а должно отнести къ различнымъ родамъ. Такъ, обезьяны новаго Свѣта имѣютъ, съ каждой стороны челюстей, однимъ кореннымъ зубомъ болѣе, чѣмъ обезьяны стараго Свѣта; всѣ обезьяны новаго Свѣта имѣютъ длинный хвостъ и ни у одной нѣтъ сѣдалищныхъ мозолей, которыя находятся почти у всѣхъ обезьянъ стараго Свѣта. Всѣ маки живутъ въ старомъ Свѣтѣ, всѣ другія обезьяны, съ неразвитымъ большимъ пальцемъ (Hapale) въ новомъ. Южно-американскія летучія мыши принадлежатъ къ родамъ, отличнымъ отъ родовъ стараго Свѣта.

Сводя все сказанное, мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: такъ какъ мы знаемъ, что у домашнихъ звѣрей измѣняются цвѣтъ, тѣлосложеніе, дѣйствія нѣко-

(*) Левъ, однако, водится въ двухъ совершенно отдѣльныхъ одна отъ другой странахъ, именно въ большей части Африки, кромѣ Египта, и въ Азіи, отъ сѣверной Индіи до Багдата; и напротивъ его нѣтъ въ Аравіи, Сиріи и малой Азіи; но мы хорошо знаемъ, что вовсѣхъ этихъ странахъ львы водились еще во времена Грековъ и только въ послѣдствіи постепенно истребились.

торыхъ органовъ и даже наклонности отъ пищи, климата и образа жизни; далѣе, какъ мы видимъ, что изъ дикихъ звѣрей никогда одинъ и тотъ-же видъ не водится въ странахъ отдаленныхъ одна отъ другой (*), а притомъ же мы замѣчаемъ, что, напротивъ, весьма сродные виды водятся обыкновенно въ одной и той же странѣ, такъ-что ихъ можно считать произшедшими одни отъ другихъ, и что никогда одинъ видъ не живетъ по обѣ стороны океана, то, по всему этому, естественно-историческія основанія дѣлаютъ весьма невѣроятнымъ, чтобы человѣческій родъ, представлялъ одинъ только видъ и былъ распространенъ въ совершенно различныхъ странахъ; такимъ образомъ гораздо вѣроятнѣе, что различія между людьми образовались постепенно отъ вліянія климата и образа жизни. Исторія показываетъ, что эти различія были уже весьма значительны болѣе чѣмъ за 3000 лѣтъ, но она не можетъ доказать, что они и тогда были такъ велики какъ теперь.

Къ этому надо еще прибавить, что если бы различія между людьми были первоначальны, то можно бы было съ большою вѣроятностью опредѣлить число родовыхъ или коренныхъ племенъ, или отличій. Притомъ же, въ наше еще время, эти различія имѣютъ столько разнообразныхъ оттѣнковъ, что къ первоначальнымъ отличіямъ надо присоединить и послѣдующія измѣненія. По этому-то никакъ нельзя отвергать измѣняемости человѣка. Однимъ словомъ, мы нисколько не сомнѣваемся признать единство человѣческаго рода.

Заселеніе соединенныхъ одна съ другой частей свѣта весьма легко объясняется посредствомъ переходовъ; но отдѣльныя отъ стараго Свѣта страны возбудили, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя сомнѣнія. Однако Америка, какъ мы уже сказали, въ сѣверной своей части имѣетъ много

(*) Въ сѣверной Америкѣ есть одинъ видъ антилопы, который однако, по своимъ развиленнымъ рогамъ, долженъ составить особенный родъ.

животныхъ, которыя встрѣчаются и въ сѣверовосточной Сибири; эти животныя могли перейти зимою чрезъ Беринговъ проливъ; мы знаемъ, что сѣверные олени совершаютъ по льду еще дальнѣйшія путешествія, и этимъ же путемъ могли перейти и люди. Малочисленность народонаселенія, которое нашли Европейцы въ большей части южной Америки также, повидимому, указываетъ на позднее и медленное заселеніе. Случайно лодки могли быть прибиты и къ другимъ мѣстамъ по берегу; еще въ 1833 г. буря пригнала одинъ японскій корабль къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки. Случайное заселеніе Австраліи и разбросанныхъ острововъ тихаго моря, дѣлается также весьма вѣроятнымъ, если мы припомнимъ, что и въ новѣйшія времена извѣстны многіе примѣры далекихъ заблужденій людей. Нерѣдко, почти въ каждые десять лѣтъ одинъ разъ буря пригоняетъ японскія суда къ Камчаткѣ, и притомъ даже къ сѣверной половинѣ этого полуострова. Кукъ нашелъ на Отаити 3-хъ человѣкъ, которые за 500 морскихъ миль отъ родины были занесены бурею. Понятно, что въ этихъ моряхъ, при помощи пассатнаго вѣтра и при рѣдкости бурь, легко и въ небольшихъ судахъ плавать съ востока на западъ, и подобныя путешествія случаются весьма часто. Бичи нашелъ большое число дикихъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, которые на трехъ двойныхъ лодкахъ плавали въ тихомъ океанѣ, потому что потеряли свой курсъ; прежде ихъ число доходило до 150 человѣкъ.—Однако корабли могутъ быть унесены и на востокъ; этому служитъ доказательствомъ слѣдующій случай, который мы разсказываемъ тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что онъ сдѣлался извѣстенъ посредствомъ русскаго путешествія вокругъ свѣта; Коцебу нашелъ на островахъ Радакъ человѣка, прибывшаго туда вмѣстѣ съ двумя другими съ одного острова, который находится за 1500 англійскихъ, (или около 400 морскихъ), миль на западъ отъ Радака. Эти люди отправились на рыбную ловлю и наступившая

буря сбила ихъ совершенно съ пути. Когда буря стихла, они лавировали противъ сѣверо-восточнаго пассата, думая, что находятся подъ вѣтромъ отъ своего острова; на пути ловили они рыбу и собирали дождевую воду въ сосуды, которые имѣли съ собою, проведя, такимъ образомъ, по собственному ихъ счету 8 мѣсяцевъ въ морѣ. Они считали новолуніе завязывая узлы на веревкѣ, и, переставъ управлять судномъ, потому-что паруса были изорваны, они полумертвые пристали наконецъ къ одному изъ острововъ Радакъ. Послѣднее направленіе ихъ заставляетъ предполагать, что они были еще далѣе на востокъ, прежде чѣмъ оставили принятый ими курсъ. Если предположить, что судно вышло однажды изъ границъ пассата, то оно пойдетъ на востокъ, а не на западъ, потому что здѣсь теченіе идетъ на востокъ. — Въ Индійскомъ океанѣ, какъ извѣстно, вѣтеръ измѣняется каждые полгода, и потому новая Голландія и Вандеминова земля весьма легко могли населиться въ слѣдствіе подобныхъ вѣтровъ.

Въ доказательство первоначальнаго единства человѣческаго рода, приводили также и сходство между звуками языковъ различныхъ народовъ, которые собирали въ странахъ весьма отдаленныхъ одна отъ другой; но надо быть весьма осторожнымъ, чтобы не принять за доказательство существованія всеобщаго первоначальнаго языка сходство ихъ, которое имѣетъ совершенно другое основаніе. Такъ, нашли, что названіе отца и матери часто совершенно сходны у весьма различныхъ народовъ. Напр. отецъ называется *Папа* не только въ латинскомъ, и во многихъ языкахъ Санскритскаго корня (*Παπας* по гречески), но также у нѣкоторыхъ народовъ Бразиліи, въ Гвіанѣ, у Коряковъ (одно племя камчадаловъ), у Кораибовъ, и съ небольшимъ измѣненіемъ, *баба*, въ Африкѣ, на Нигрѣ, у Саливовъ (Salivos) въ южной Америкѣ, у Мадагасовъ на островѣ Мадагаскарѣ, и наконецъ односложно *Па*, у Тибетцевъ, у Малайцевъ и, съ небольшими измѣненіями,

у многихъ другихъ народовъ. Тоже самое можно сказать и о словѣ, которое выражаетъ понятіе матери.

Однако эти слова составлены изъ сложныхъ звуковъ, *па* или *ба*, *та* или *да* и *ма*, но это суть первые сочлененные звуки, которые дитя произноситъ, повинуясь внутреннему побужденію. Я обратилъ особенное вниманіе на то, какимъ образомъ дѣти сначала приучаются говорить. Прежде всего я увидѣлъ, что совершенно маленькое дитя, никогда не сочленяетъ звуковъ, если оно сколько нибудь раздражено; первые сочлененные звуки произноситъ оно когда сыто и лежитъ спокойно на груди матери, или въ люлькѣ. Самый естественный звукъ маленькихъ дѣтей есть простое *а* или *я*, которое они иногда въ продолженіи цѣлой четверти часа лепечутъ засыпая.

При бо́льшей веселости дитя двигаетъ губами и языкомъ, безъ всякой цѣли, повинуясь внутреннему побужденію, какъ двигаетъ оно руками и ногами. Если теперь дитя произноситъ *а* съ открытыми губами тогда и происходятъ сочлененные звуки, *па*, *ба*, *та*, или, если при этомъ языкъ прижатъ къ небу, то *да*, *та*; мать, слыша это придаетъ тѣ самыя значенія этимъ звукамъ, которыя она сама привыкла разумѣть подъ этими словами, указывая при *ма-ма* на себя, при *па-па* на отца и т. д. Такимъ образомъ дитя пріучается къ звукамъ привязывать значеніе.

Звуки *па*, *ба*, *ма*, *та* и *да* суть именно тѣ, которые отдѣльно или соединенные по два, у столь многихъ народовъ выражаютъ понятіе отца, матери, или няньки. Что это сходство имѣетъ свое основаніе въ природѣ, а не происходитъ отъ передачи звуковъ, доказывается уже и тѣмъ, что значеніе словъ нерѣдко измѣняется, но звуки дѣтскаго лепета вездѣ встрѣчаются тѣже. Такъ у насъ звукъ *баба* выражаетъ понятіе матери, или старой женщины, а напротивъ у многихъ другихъ народовъ онъ означаетъ, какъ мы уже прежде видѣли,—отца. Можно ли объяснить такую перемѣну значенія, если считать это слово остаткомъ

первоначальнаго языка? — Извѣстный лингвистъ Боппъ находитъ замѣчательное сходство между мѣстоименіями различныхъ языковъ; я думаю, что и это основано на естественной необходимости. Для означенія того, кому говорятъ, или втораго лица, какъ обыкновенно выражаются грамматики, весьма естественно, чтобы воздухъ былъ вытолкнутъ, послѣ того какъ воздушный каналъ былъ закрытъ, что обыкновенно дѣлается посредствамъ языка. Такъ являются звуки *мы*, *du*, *tu*, *sa*, *συ*, *ta*, *tata*, которые служатъ для означенія втораго лица не только въ санскритскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Для означенія самого себя такой звукъ былъ бы не естественъ; для этого напротивъ употребляютъ звуки, которые не выталкиваются, чаще всего гласныя какъ напр. *я*, или начинающіеся гласными, или покрайней мѣрѣ съ буквы *н* (ngo).

Говорятъ также, что слова, означающія числа, часто весьма сходны въ различныхъ языкахъ. Трудно предположить, чтобы причины означенія чиселъ одинаковыми звуками заключались въ организмѣ. Рѣшеніе вопроса въ самомъ ли дѣлѣ это сходство часто встрѣчается, мы предоставляемъ лингвистамъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что существуетъ нѣсколько большихъ весьма различныхъ между собою, семействъ языковъ, и что если и былъ всеобщій первоначальный языкъ, то отъ него осталось только весьма немногое. Я, съ своей стороны, признаю что звуки означающіе различныя числа, имѣютъ сходство только въ языкахъ принадлежащихъ къ одному семейству, и то не всегда; а въ различныхъ семействахъ языковъ, они бываютъ весьма различны.

Напротивъ того, въ самомъ способѣ счета мы замѣчаемъ большое сходство между различными народами. Это сходство основано на самой природѣ человѣка, именно на его тѣлесномъ устройствѣ, хотя съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ. Дѣйствительно, всѣ народы

имѣютъ одинъ способъ счисленія: они означаютъ извѣстными звуками не большой рядъ чиселъ, которыя мы назовемъ первыми, и изъ этихъ первыхъ чиселъ составляютъ другія бо̀льшія слѣдующимъ образомъ: самое большое изъ первыхъ чиселъ, которое мы назовемъ основнымъ, принимаютъ за основаніе счета и образуютъ высшія числа чрезъ совокупленіе основнаго числа съ первыми. Болѣе образованные народы имѣютъ кромѣ того еще основное число высшаго порядка, которое обыкновенно составляетъ квадратъ перваго основнаго далѣе еще основное, которое уже составляетъ кубъ перваго и т. д. Такъ, Русскіе считаютъ отъ 1 до 10. У насъ первое основное число есть десять, далѣе мы говоримъ одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, и т. д.; 11 есть одинъ на десять, 12 — два на десять, 13 — три на десять и т. д. Сто составляетъ у насъ основное число втораго порядка, а тысяча-третьяго. Впрочемъ такимъ образомъ считаетъ бо̀льшая часть народовъ; однако многіе народы, стоящіе на низкой степени образованности, особенно африканскіе, также нѣкоторые изъ жителей Азіи (напр. наши Камчадалы), Америки и острововъ Великаго океана считаютъ только до пяти и съ этого числа начинаютъ снова; такъ что они на мѣсто того, чтобы сказать шесть, говорятъ пять и одинъ, на мѣсто семь 5 и 2 и т. д. У не многихъ народовъ, которые также живутъ въ различныхъ частяхъ свѣта, 20 есть основное число; но обыкновенно они не имѣютъ двадцати названій первыхъ чиселъ, а въ тоже время принимаютъ за основное число и 10. Слѣды такой числительной системы замѣтны также весьма явственно въ нѣкоторыхъ языкахъ образованныхъ народовъ; какъ напр. во Французскомъ: quatre-vingt (четыре раза двадцать), quatre-vint-dix, ясно показываютъ, что здѣсь двадцатеричная система соединена съ десятеричной. (Эти различные способы счисленія называютъ по ихъ основному числу:

пятеричная, десятичная, двадцатеричная система). Бросается въ глаза, что эти различныя основныя числа, суть или 5, или кратныя пяти (2×5 или 4×5). Очевидно, основаніе этого есть число пальцевъ человѣческой руки (*); одни народы приняли за основаніе, число пальцевъ одной руки, другіе число пальцевъ обѣихъ рукъ, а третьи и рукъ и ногъ. Нельзя сомнѣваться, что люди учились считать по пальцамъ: многіе дикіе народы, которымъ рѣдко приходится обращаться съ большими числами, показываютъ нѣсколько пальцевъ, когда хотятъ выразить какое

(*) Я сказалъ выше, что всѣ числительныя системы народовъ основаны, по видимому, на числѣ пальцевъ, и въ этомъ я совершенно убѣжденъ. Однако не хочу умолчать о тѣхъ предполагаемыхъ исключеніяхъ, о которыхъ мнѣ удавалось читать; одно изъ нихъ встрѣчается въ весьма ученой книгѣ, написанной знаменитымъ Лингвистомъ Pott — о числительныхъ системахъ различныхъ народовъ. По разсказамъ путешественниковъ, два или три народа въ Америкѣ, какъ напр. Абипонцы, могутъ считать только до трехъ и употребляютъ для этого суставцы пальцевъ. Однако объ этихъ-же народахъ разсказываютъ, что они для выраженія числа 4 употребляютъ названіе ноги одной птицы, которая имѣетъ на ногахъ по 4 пальца; а для означенія числа 5 названіе человѣческой руки. Поэтому они не только имѣютъ представленіе числа 5, но и слова выражающія 4 и 5. Но такъ какъ слова эти сохраняютъ въ тоже время свое первоначальное значеніе, то предполагали, что названія чиселъ у нихъ несуществуютъ. Еще замѣчательнѣе весьма недавній разсказъ одного Англичанина объ обитателяхъ Дарлеева острова въ Великомъ океанѣ; по его словамъ эти люди могутъ считать только до 2-хъ, а высшія числа до 6 составляютъ, слагая 1 и 2 — слѣдующимъ образомъ: 1-е называется *netat*, 2-е *näs*, 3-е *näsa-netat* (2 + 1), 4-е *näsa näs* (2 + 2), 5-е *näsa-näsa-netat* (2 + 2 + 1), 6 *näsa-näsa-näs* (2 + 2 + 2). Всѣ высшія числа должны въ понятіи этихъ народовъ представлять неопредѣленное множество. Я немогу допустить, чтобы эти свѣденія основаны были на точныхъ наблюденіяхъ; невозможно, чтобы эти люди при взглядѣ на свои руки не дошли до представленія 10, и въ высшей степени невѣроятно, чтобы они не нашли звуковъ для выраженія пяти первыхъ

нибудь число; произносятъ ли при этомъ они или нѣтъ самое названіе этого числа—все равно. Точно также они хватаются за волоса, чтобы означить неопредѣленное множество. Даже у многихъ необразованныхъ народовъ одно и тоже слово означаетъ и руку и число пять, такъ говорятъ, рука и одинъ вмѣсто 6. У другихъ народовъ, слово человѣкъ означаетъ въ тоже время 20, а слово волоса выражаетъ понятіе множества, какъ напр. у Гренландцевъ. Точно также очевидно, что для измѣренія пространства, человѣкъ принялъ за основаніе мѣры части своего тѣла. У многихъ народовъ сохранились до сихъ поръ взятыя отъ частей тѣла названія единицъ мѣры, или основныхъ мѣръ. Такъ напр. во Французскомъ языкѣ мы и теперь находимъ названіе мѣръ pouce, lme, coude pied, brasse. Такимъ образомъ можно сказать, что человѣкъ для узнанія математическихъ истинъ, нашелъ основаніе въ своемъ духѣ, а единицы измѣренія и счисленія взялъ отъ своего тѣла. И то и другое, въ извѣстной степени, произошло въ слѣдствіе закона необходимости. При разсматриваніи руки, необходимо должно было явиться представленіе о различныхъ числахъ; поэтому весьма ясно, что человѣкъ, для выраженія этого представленія, воспользовался той же рукой. Точно также необходимо, чтобы человѣкъ, желая выразить различныя измѣренія, обратился за масштабомъ къ своему тѣлу, ибо во внѣшнемъ мірѣ онъ не находитъ никако-

---

чиселъ. Притомъ же, люди одного народа когда хотятъ объяснить-ся съ другимъ народомъ, который не понимаетъ ихъ языка, часто поступаютъ также, какъ мать съ ребенкомъ: они выражаютъ большія числа посредствомъ малыхъ: говорятъ 2 и 2 и 2 вмѣсто того, чтобы сказать 6. Мы уже видѣли, что тоже разсказываютъ объ американскихъ Абипонцахъ, но я сей часъ же говорилъ, что они выражаютъ число 4 посредствомъ названія ноги четырепалой птицы, для выраженія 5 употребляютъ кисть руки, а для обозначенія 10 кисти обѣихъ рукъ.

го опредѣленнаго масштаба, между тѣмъ какъ части тѣла взрослаго человѣка мало измѣняются въ величинѣ. Мы нѣсколько разспространились объ этомъ предметѣ съ цѣлью показать, что народы совершенно различнаго происхожденія могутъ быть весьма сходны между собою въ духовной жизни. Дѣйствительно часто встрѣчаются весьма сходныя черты, которыя однакожъ вовсе не показываютъ, что одинъ народъ произошелъ отъ другаго. Точно также какъ одно дитя нисколько не научается у другаго сосать грудь своей матери.

Но это замѣчаніе не опровергаетъ доказаннаго нами единства рода человѣческаго, а показываетъ только, что не всѣ приводимыя доказательства вполнѣ справедливы.

Но, если различныя племена людей образовались постепенно изъ одного первоначальнаго, то совершенно необходимо рождается вопросъ: какое племя было первоначальное или другими словами, какую наружность имѣли первые люди? Обыкновенно принимаютъ европейскую форму за первоначальную. Ученый Линкъ думаетъ, что негритянская форма явилась прежде, какъ наименѣе благородная, а другія племена образовались уже изъ нее въ менѣе теплыхъ климатахъ, и получили болѣе благородную форму лица. Г. Кледенъ принимаетъ за коренное племя человѣческаго рода Монголовъ; одинъ датскій естествоиспытатель считаетъ, даже, первыхъ обитателей южной Америки старшимъ изъ племенъ.

Но всѣ эти мнѣнія основаны на весьма шаткихъ гипотезахъ.—Конечно и мы неможемъ сказать какую наружность имѣли первые люди, но во всякомъ случаѣ есть положительныя причины думать, что они не были вполнѣ сходны ни съ однимъ изъ существующихъ нынѣ племенъ; и что, въ сравненіи со всѣми этими племенами, они были менѣе благородно или человѣкообразно организованы. Конечно, мы не можемъ наблюдать первыхъ людей, но

мысленно можемъ значительно къ нимъ приблизиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части Европы находили старыя гробницы, относящіяся къ весьма различнымъ степенямъ образованности; по бо̀льшей части между ними можно отличать такіе, въ которыхъ, или при которыхъ, находятся оружія и другія утвари изъ желѣза; эти гробницы относятся къ временамъ историческимъ, т. е. къ такимъ о которыхъ сохранились, болѣе или менѣе, полныя письменныя повѣствованія.—Въ другихъ гробницахъ, по бо̀льшей части и другой формы, никогда не находятъ ничего желѣзнаго, но только украшенія изъ мѣди, или изъ смѣси мѣди съ другими металлами. Эти гробницы должны быть старѣе, потому, что вообще доказано, что люди прежде научились обработывать мѣдь, чѣмъ желѣзо; такъ напр. ни одинъ изъ народовъ Америки, до открытія ея Колумбомъ, не зналъ выдѣлки желѣза, хотя кромѣ мѣди они уже обработывали и золото. Немногіе европейскіе народы, какъ доказываютъ историческія разказы, до сношенія съ образованными націями, также не знали употребленія желѣза; наконецъ во времена Гомера даже образованные народы Европы не знали этого металла, по крайней мѣрѣ въ пѣснѣ поэта объ немъ не упоминается. Вся исторія тѣхъ времянъ, когда не было извѣстно желѣзо, основывается на преданіяхъ изъустныхъ, и потому мы назовемъ временемъ *разсказовъ* тотъ періодъ, къ которому относятся гробницы содержащія только мѣдныя издѣлія. Въ самыхъ старыхъ гробницахъ нѣтъ даже и мѣдныхъ или бронзовыхъ вещей, а только утвари изъ глины, камня, или зубовъ животныхъ и также, на берегахъ Балтійскаго моря, украшенія изъ янтаря. Подобнымъ образомъ и въ наше время были открыты народы, которые, до посѣщенія европейцевъ, вовсе не умѣли выдѣлывать металовъ, и свои оружія приготовляли изъ дерева, изъ зубовъ животныхъ или изъ камней.

Время, въ которое Европейцы не умѣли выдѣлывать никакихъ металловъ, идетъ въ глубину древности далѣе всѣхъ разсказовъ и потому мы назовемъ его *первоначальнымъ временемъ*. Подъ этимъ должно разумѣть только времена весьма древнія, но не первоначальное состояніе человѣческаго рода, отъ котораго не могли до насъ дойти никакіе остатки. Относящіеся къ первоначальному времени черепа, которые найдены во многихъ странахъ Европы, вовсе несходны между собой; въ Скандинавіи они весьма коротки, найденные въ Германіи длиннѣе другихъ. Нѣкоторые изъ русскихъ, которые мнѣ случалось видѣть, весьма вытянуты, другіе же короче. По этому уже въ то время были значительныя различія, но всѣ черепа тѣмъ сходствуютъ между собою, что весьма малы, и имѣютъ или лобъ низкій отклоненный назадъ, или вообще объемъ весьма малый. Однако, сколько я знаю, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ весьма выдающихся челюстей. Изъ этого можно заключить, что черепъ или его лобная часть, преимущественно съ тѣхъ поръ получилъ высшее развитіе. А такъ какъ мы находимъ, что у древнихъ народовъ челюсти не выдавались впередъ, то можно думать, что и Негры и Нигритосъ только въ послѣдствіи и постепенно пріобрѣли выдающуюся форму челюстей. Впрочемъ изслѣдованія этого рода, начались весьма не давно, и, для положительныхъ заключеній, надо подождать когда мы будемъ въ состояніи получить весьма старые черепа изъ Африки. Конечно мы находимъ такіе черепа въ муміяхъ, но они къ сожаленію принадлежатъ къ такому племени, которое развилось весьма рано въ духовномъ отношеніи.

Безъ всякаго сомнѣнія древнѣйшіе люди были бѣднѣе и въ отношеніи понятій, которые развиваются весьма медленно, передаваясь при помощи языка, какъ наслѣдство отъ одного поколѣнія къ другому. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ духовной дѣятельно-

сти постепенно развивался и мозгъ; гдѣ образованіе развилось ранѣе, какъ напр. въ Египтѣ, Индіи, Греціи, тамъ можно ожидать и быстрѣйшаго развитія полости черепа, чѣмъ въ средней и сѣверной Европѣ; такъ Негры, которые родились въ Америкѣ, и которыхъ предки, можетъ быть, уже нѣсколько столѣтій живутъ между Европейцами, имѣютъ обыкновенно черепа примѣтно больше, чѣмъ черепа Негровъ изъ внутренности Америки. Еще болѣе! Европейскіе Турки представляютъ гораздо болѣе сходства съ прочими народами Европы, чѣмъ ихъ самые близкіе соплеменники, живущіе въ степяхъ средней Азіи, у которыхъ скуловыя кости выдаются весьма значительно въ стороны. Однако мы хорошо знаемъ, что они только за нѣсколько столѣтій вышли изъ степей Азіи, и мало-по-малу придвинулись къ Европѣ. Хотя обыкновенно это преобразованіе приписываютъ бракамъ съ европейскими женщинами, однако подобныя смѣшенія случаются у малоразвитыхъ народовъ гораздо рѣже, чѣмъ вообще думаютъ. Турки разсѣяны между христіанскими народами, которыхъ они покорили; однако различіе религіи такъ отдѣляетъ ихъ отъ этихъ послѣднихъ, что они никогда не смѣшиваются съ христіанами посредствомъ браковъ. Кавказскія невольницы, однако, попадаютъ иногда въ гаремы, но только богатыхъ людей, которые въ состояніи за нихъ заплатить. По этому послѣднія не могутъ имѣть дѣйствія на измѣненіе физіономіи цѣлаго племени; скорѣе это произошло отъ того, что цѣлое племя, оставило кочевой образъ жизни и сдѣлалось осѣдлымъ. Другой примѣръ измѣненія національной физіономіи представляютъ Мадьяры въ Венгріи; извѣстно изъ исторіи, что они въ средніе вѣка пришли въ Европу изъ Азіи, выгнали Славянъ изъ ровныхъ частей нынѣшней Венгріи. Можно сомнѣваться только въ томъ, были ли эти Азіатцы народъ финскаго племени, какъ кажется можно заключить изъ ихъ языка, или турецкаго, какъ ихъ называютъ визан-

тійскіе историки. Во всякомъ случаѣ лице ихъ, особенно въ высшихъ классахъ общества, не представляетъ сходства ни съ однимъ изъ обѣихъ племенъ, но напротивъ имѣетъ самую благородную европейскую форму, и его скорѣе можно назвать продолговатымъ, нежели широкимъ. Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ семействахъ, особенно если они принадлежатъ къ высшимъ классамъ общества, измѣненіе дѣлается довольно замѣтнымъ уже послѣ не многихъ поколѣній. Конечно въ изображеніяхъ Китайскихъ Императоровъ, изъ нынѣ царствующей манжурской династіи, видѣнъ такъ называемый монгольскій типъ; но здѣсь этотъ типъ выражается гораздо менѣе, чѣмъ у Тунгузовъ къ которымъ принадлежатъ Манжуры. Въ *Описаніи Бухарскаго ханства*, Ханыкова, находится портретъ царствующаго тамъ Хана. Этотъ Ханъ имѣетъ лице почти европейское, особенно походитъ онъ на европейскихъ Турковъ; однако онъ происходитъ отъ одного семейства Узбековъ. Въ этомъ случаѣ столь же мало можно приписать это примѣси европейской крови, какъ и при манжурской династіи въ Китаѣ.

Гораздо рѣже примѣры другаго преобразованія, гдѣ красиво сложенное племя людей явственно получало менѣе благородную форму, въ слѣдствіе нуждъ и бѣдности, которыя обыкновенно сопровождаются низшимъ умственнымъ развитіемъ. Однако такіе примѣры существуютъ. Около 200 лѣтъ назадъ туземцы были выгнаны изъ нѣкоторыхъ Графствъ Ирландіи, гдѣ вмѣсто ихъ поселились Англичане. Изгнанники, которые, какъ говорятъ, имѣли хорошо сложенное тѣло, ушли на сѣверную часть западнаго берега. Здѣсь потомки ихъ, живя въ величайшей бѣдности, около Sligo-Bay необходимо должны были переродиться; челюсти у нихъ выдались впередъ и непокрываются короткими губами, скуловыя кости сдѣлались также выпуклыми, а носъ приплюснутымъ. Они малы ростомъ, съ толстымъ брюхомъ и кривыми ногами. Это

описаніе сообщаетъ одинъ дублинскій журналъ; оно прилагается, за исключеніемъ цвѣта кожи, къ обитателямъ Новой Голландіи, населяющимъ самыя безплодныя ея части. Подобное же нисходящее преобразованіе человѣческой формы, въ другую, приближающуюся къ животной, замѣчено и между нѣкоторыми племенами Готтентотовъ. На безплодныхъ, высокихъ равнинахъ южной Африки живутъ въ величайшей бѣдности, такъ называемые Бушманы; по своему языку они мало отличаются отъ Готтентотовъ, къ племени которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ. Гонимые съ одной стороны Каффрами, а съ другой Готтентотами, которыхъ преслѣдовали европейскіе колонисты, они ушли въ самыя безплодныя страны. Здѣсь они, по своему развитію стали гораздо ниже того племени, отъ котораго произошли. Причиною этого было, отчасти недостатокъ пищи, а отчасти также и душевное состояніе: они находились подъ вліяніемъ постояннаго страха, потому что сосѣди преслѣдовали и стрѣляли ихъ какъ дикихъ звѣрей.

И такъ мы имѣемъ достаточно доказательствъ *измѣненія формы* тѣла, вслѣдствіе перемѣны условій жизни. Въ доказательство противнаго мнѣнія, по которому надо признать существованіе постоянныхъ особенностей въ тѣлесномъ устройствѣ племенъ, приводятъ Іудеевъ; говорятъ, что они съ тѣхъ поръ, какъ за 2000 лѣтъ разсѣлились по землѣ, нисколько неизмѣнились. Справедливо, что Іудеевъ по большей части легко еще отличить отъ Европейцевъ; но кто предполагаетъ здѣсь неизмѣнность, идетъ слишкомъ далеко. Въ жаркихъ странахъ они могли вполнѣ сохранить свой первоначальный типъ. Но здѣсь они живутъ подъ вліяніемъ такихъ же климатическихъ условій, какъ въ своемъ первоначальномъ отечествѣ: угнетаемые, призираемые мусульманскимъ народонаселеніемъ, они живутъ по большей части бѣдно или потому, что дѣйствительно терпятъ нужду, или по излиш-

ной бережливости. Также и въ Польшѣ, гдѣ многіе Іудеи тѣсно поселенные живутъ бѣдно и грязно, ихъ семитическій типъ мало измѣнился. Однако въ другихъ сѣверныхъ странахъ, гдѣ они болѣе живутъ между образованными народами, и въ образѣ жизни болѣе приближаются къ послѣднимъ, складъ лица ихъ вовсе не такъ постоянно вѣренъ своему типу; волосы у нихъ нерѣдко бываютъ русые или рыжіе, вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ европейскимъ цвѣтомъ лица. Однако мнѣ кажется, что и между европейскими Іудеями съ темными волосами, образовались два типа съ различными измѣненіями. Нѣкоторые Іудеи имѣютъ весьма красивый цвѣтъ лица, тонкія черты и тонкій часто согнутый носъ; другіе имѣютъ грубыя черты и широкій носъ. У однихъ волосы немного курчавы, у другихъ совершенно гладки. Мнѣ кажется что въ бо̀льшей части европейскихъ государствъ, Іудеевъ высшихъ классовъ узнаютъ болѣе по особенностямъ ихъ ума и нравовъ, нежели по тѣлеснымъ признакамъ.

Впрочемъ, я согласенъ, что Іудеи сохранили особенности въ тѣлесномъ устройствѣ, болѣе чѣмъ другіе народы, изгнанные изъ своего отечества; причины этого подробнѣе будутъ разобраны ниже.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только форму тѣла; если обратимся теперь *къ цвѣту кожи* то убѣдимся еще яснѣе и не опровѣржимѣе, что онъ не остается неизмѣннымъ во всѣхъ поколѣніяхъ, но напротивъ измѣняется отъ вліянія внѣшнихъ условій. Онъ даже измѣняется у единичныхъ недѣлимыхъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ кожа ихъ тоньше. Всякому слишкомъ хорошо извѣстно что если мы, жители сѣвера, въ лѣтній день подвергаемся дѣйствію солнца, то непокрытыя части тѣла, лице и руки темнѣютъ, между тѣмъ какъ одѣтыя мѣста остаются бѣлыми. Также извѣстно, что многія особы, имѣющія весьма тонкую кожу, слѣдовательно преимущественно дамы, покрываются маленькими еще болѣе темными пятнышками, которыя на-

зываются веснушками. И веснушки и темный цвѣтъ лица и рукъ изчезаютъ въ продолженіи нашей длинной зимы. Далѣе, мы также хорошо знаемъ, что недѣлимые сѣверныхъ европейскихъ народовъ, будучи переселены въ теплыя страны, обыкновенно получаютъ тамъ болѣе темный цвѣтъ лица. Конечно не на всѣхъ недѣлимыхъ это дѣйствіе оказывается въ одинаковой степени; но однако существуетъ тотъ опредѣленный законъ, что люди которые подвергаются постоянно солнечному жару, особенно если они при этомъ предаются занятіямъ требующимъ на чистомъ воздухѣ тѣлеснаго напряженія, получаютъ обыкновенно цвѣтъ кожи болѣе темный, нежели тѣ, которые болѣе могутъ защищаться отъ непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Поэтому же самому, жены европейскихъ переселенцевъ въ жаркихъ странахъ менѣе загораютъ. Если бы они незащищались болѣе чѣмъ мущины отъ солнца, то вѣроятно позднѣйшія поколѣнія скорѣе бы получили болѣе темный цвѣтъ кожи.

На оборотъ, судя по многимъ историческимъ свидѣтельствамъ, европейскіе народы большею частію пришли изъ Азіи, и именно изъ тѣхъ ея странъ, гдѣ цвѣтъ кожи тѣмнѣе и волосы вообще черны. Поэтому они могли получить свѣтлый цвѣтъ кожи, а во многихъ мѣстахъ и свѣтлые волосы, только въ теченіи времени.

Но лучшее подтвержденіе дѣйствія климата на цвѣтъ волосъ и кожи представляютъ намъ Евреи, которыхъ приводятъ обыкновенно въ доказательство постоянства племянныхъ различій. Хотя волосы у этого народа и въ сѣверныхъ странахъ часто бываютъ черны, однако не рѣдко встрѣчаются рыжіе и даже русые, точно также какъ свѣтло коричневые глаза. Въ теплыхъ странахъ Европы, кожа у Евреевъ уже замѣтно темнѣе, особенно часто это замѣчается у Португальскихъ жидовъ. Въ Малабарѣ на Кохинхинѣ, есть старинные роды Евреевъ, которые живя подъ тропическимъ солнцемъ, почти черны, какъ утвержда-

ютъ, или по крайней мѣрѣ также темны, какъ и туземцы Кромѣ этихъ въ Кохинхинѣ, и именно въ городѣ Матачери, есть другое племя Евреевъ, не давно тамъ поселившихся; ихъ называютъ, обыкновенно, Іерусалимскими или бѣлыми жидами, потому что кожа у нихъ гораздо свѣтлѣе.

Всѣ эти факты, доказываютъ что цвѣтъ кожи можетъ измѣниться отъ дѣйствія климата, но что для этого нужно весьма долгое время. Послѣднее обстоятельство можетъ объяснить, почему Негры, въ свободныхъ государствахъ Америки, еще не сдѣлались бѣлыми. Но другіе примѣры доказываютъ повидимому, что Негры послѣ длиннаго ряда поколѣній дѣлаются свѣтлѣе. Триста лѣтъ тому назадъ Негры завоевали страну Сенаарь, между бѣлымъ и голубымъ Ниломъ, и утвердились въ ней. Теперь потомки ихъ, уже не совсѣмъ черны, а темнобураго цвѣта, новѣйшіе путешественники не считаютъ ихъ настоящими Неграми, но полагаютъ границу послѣднихъ у Фазоглу. Въ этихъ примѣрахъ мы не знаемъ каковъ былъ первоначальный цвѣтъ племени, но слѣдующій фактъ еще убѣдительнѣе. Въ Нубіи до самаго Египта живетъ племя, называемое Барабра. Этотъ народъ воздѣлываетъ на берегахъ Нила обыкновенное африканское просо (Durrha) и другія съѣдобныя растенія, при помощи искуственныхъ орошеній. Языкъ его представляетъ большое сходство съ языкомъ Негровъ въ Кордофанѣ. Поэтому надо думать, что племя Барабра вышло или изъ этой страны, или произошло отъ народа весьма близкаго къ Кордофанскимъ Неграмъ. Однако они не имѣютъ ни цвѣта, ни формы лица Негровъ, напротивъ кожа у нихъ краснобурая и даже волосы только волнисты, а вовсе не такъ курчавы, какъ у Негровъ.

И такъ мы здѣсь видимъ примѣръ, что даже и волосы Негровъ могутъ измѣняться.

Обозрѣвая и сравнивая всѣ части свѣта, мы замѣчаемъ, что вообще народы, живущіе на горахъ и особенно

на плоскихъ возвышенностяхъ, отличаются отъ своихъ сосѣдей, обитающихъ въ низкихъ странахъ, болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи; мы также видимъ, что въ лѣсистыхъ мѣстахъ жители свѣтлѣе цвѣтомъ, чѣмъ въ сухихъ степяхъ, гдѣ человѣкъ болѣе подвергается дѣйствію солнца. Это яснѣе всего въ Америкѣ. Тропическія страны вообще болѣе богаты лѣсами въ этой части свѣта, чѣмъ въ другихъ. И въ Америкѣ черный цвѣтъ кожи встрѣчается рѣже, чѣмъ въ другихъ жаркихъ странахъ; часто даже думаютъ, что всѣ Американцы имѣютъ красное лице. Однако здѣсь встрѣчаются племена весьма темнаго, почти чернаго цвѣта, и они живутъ, такъ далеко одно отъ другаго, что вовсе нельзя предполагать въ нихъ общаго происхожденія. Таковы жители мало-лѣсистой Флориды и Калифорнцы, живущіе въ степной странѣ, гдѣ встрѣчаются только рѣдкія группы деревьевъ; между обоими этими народами, въ лѣсной полосѣ живутъ племена мѣднокраснаго или краснобураго цвѣта. Въ южной Америкѣ, на берегахъ нижняго Ореноко, живутъ почти черные Отомаки и Гуамо; напротивъ, всѣ племена, обитающія въ глубинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ Гвіаны гораздо свѣтлѣе. Далѣе на югъ въ этой же части свѣта находятся народы, которые живутъ въ степяхъ, ограниченныхъ съ востока и запада гористыми и лѣсистыми странами; и эти народы гораздо темнѣе цвѣтомъ, чѣмъ сосѣди ихъ, которые живутъ подъ той же широтой, но въ горахъ и въ лѣсахъ. Въ Африкѣ, въ которой вообще гораздо менѣе лѣсовъ чѣмъ въ Америкѣ и цвѣтъ кожи племенъ гораздо чернѣе. Въ этой части свѣта поясъ наибольшаго жара находится не подъ самымъ экваторомъ, но къ сѣверу отъ него; отъ того что сѣверная половина Африки гораздо шире южной и притомъ покрыта большими пустынями, въ которыхъ жаръ не умѣряется испареніемъ; такому расположенію теплоты соотвѣтствуетъ и цвѣтъ кожи такихъ народовъ, которые конечно произошли не отъ Негровъ, и между тѣмъ имѣ-

ютъ здѣсь цвѣтъ кожи совершенно черный; такъ напр. Туарики, которые живутъ на нѣкоторыхъ западныхъ оазахъ Сахары. Судя по языку, они безъ сомнѣнія, происходятъ отъ семитическаго корня, также какъ и народы, живущіе на сѣверномъ берегу Африки. Напротивъ того, у многихъ народовъ, которыхъ необходимо причислить къ негритянскому племени, кожа не черная, но чернобурая или только краснобурая; таковы (народъ) Фулары, которые живутъ въ лѣсистыхъ горахъ между Сенегамбіей и Гвинеей, откуда вторглись, какъ завоеватели, въ плоскія страны Судана. Далѣе на югъ черный цвѣтъ кожи дѣлается у Кафровъ чернобурымъ и переходитъ у Готтентотовъ уже въ грязно-желтый. Новая Голландія еще болѣе, чѣмъ Африка, представляетъ характеръ сухой степной страны, поэтому жители ея имѣютъ черный или чернобурый цвѣтъ кожи, и притомъ это замѣчается гораздо далѣе отъ экватора, на такой широтѣ, на которой въ Африкѣ цвѣтъ кожи уже гораздо свѣтлѣе; явственно потому что степныя страны въ южной Африкѣ лежатъ гораздо выше чѣмъ въ Австраліи. На небольшихъ островахъ Великаго Океана жаръ умѣряется сосѣдствомъ большой водяной поверхности и почти всѣ жители ихъ гораздо свѣтлѣе обитателей Австраліи.

Впрочемъ, извѣстно много исключеній изъ этихъ общихъ правилъ; мѣстами въ отдаленныхъ горахъ Индіи встрѣчаются небольшіе темнокожіе народы. Можно съ полнымъ правомъ заключить, что они въ нравственномъ отношеніи мало развиты, давно загнаны въ горы, и первоначальный ихъ цвѣтъ мало успѣлъ измѣниться отъ климата. Доказательства этого находятся на полуостровѣ Малаккѣ, въ Суматрѣ и въ Новой Гвинеѣ. На этихъ островахъ и полуостровахъ живутъ въ горахъ темнокожіе народы. Они имѣютъ выдающіяся челюсти, и по умственному развитію также стоятъ весьма низко. Напротивъ на берегахъ живутъ люди, гораздо болѣе образованные и свѣтлокожіе; они много занимаются промышленностью и ремеслами и ихъ вообще

называютъ Малайцами. Довольно хорошо извѣстно, что эти малайскія племена недавно поселились на берегахъ Индійскаго Архипелага, и прогнали въ горы первыхъ обитателей. Кажется что на маленькихъ островахъ первые обитатели совершенно истребились; а на группѣ Новой Гвинеи образовали съ Малайцами среднее племя Папуасъ. Обитатели малыхъ острововъ великаго океана окрашены смотря по степени дѣйствующей солнечной теплоты, объ чемъ мы поговоримъ подробнѣе въ послѣдствіи. Здѣсь замѣтимъ только, что, можетъ быть, болѣе темныя племена, отдѣлились отъ черноватыхъ только въ теченіи времени. Еще разительнѣе что въ южной Америкѣ, почти въ сосѣдствѣ съ черноватыми Оттомаками и Гуамо, только немного далѣе на востокъ, живутъ весьма свѣтлыя Караибскія племена. Здѣсь также надо принять переселеніе, случившееся въ недавнемъ времени, и вѣроятно, что переселившійся народъ былъ Карибы, у которыхъ цвѣтъ кожи не соотвѣтствуетъ климату.

Но перестанемъ говорить объ измѣненіи формы тѣла и цвѣта кожи, которыя обусловливаются внѣшними вліяніями.

Обозрѣвая сказанное въ этомъ отдѣленіи нашего сочиненія, мы выводимъ общее заключеніе, что различіе народовъ и цѣлыхъ племянъ ихъ, имѣютъ тоже основаніе, какъ и различія породъ домашнихъ животныхъ.

1) *Есть люди по законамъ Зоологіи принадлежатъ къ одному виду.*

2) *Историческія свидѣтельства доказываютъ различія между племенами весьма древними, однако на основаніи естественно историческихъ данныхъ весьма вѣроятно, что всѣ народы разошлись изъ одного мѣста.*

3) *Измѣненіе формы тѣла и цвѣта кожи, въ слѣдствіе перемѣны внѣшнихъ обстоятельствъ, неоспоримо. Поэтому гораздо послѣдовательнѣе принимать, что и всѣ измѣненія неприрождены, а произошли постепенно.* Это мнѣніе подтверждается еще и тѣмъ, что:

4) *Если тѣло народа однажды развилось извѣстнымъ образомъ, то для его измѣненія нужно относительно весьма долгое время,* при чемъ явственно борятся двѣ противоположныя силы: а) *Наслѣдственныя свойства,* которыя въ дѣтяхъ стремятся къ развитію, если не всегда, то по большей части, до такой степени, какъ были у родителей, и b) *дѣйствіе внѣшнихъ условій,* которыя, если въ извѣстномъ случаѣ и не дѣйствуютъ прямо на типъ народа, то стремятся къ его преобразованію и постепенно его измѣняютъ, по мѣрѣ развитія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

5) *Безъ сомнѣнія это измѣненіе происходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ медленнѣе, чѣмъ въ другихъ;* мы укажемъ на извѣстный всѣмъ примѣръ, Іудеевъ. Они болѣе сохранили свои тѣлесныя особенности, нежели многіе другіе народы, которые потеряли свои характерныя черты, и потому совершенно повидимому исчезли. Я изъясняю себѣ эту разницу, принимая слѣдующее положеніе: *чѣмъ длиннѣе рядъ поколѣній, въ которыхъ является и передается извѣстный типъ, тѣмъ сильнѣе укореняются въ немъ наслѣдственныя свойства,* и потому тѣмъ медленнѣе должны дѣйствовать на него внѣшнія условія. Іудеи болѣе чѣмъ другія племена, были долгое время отдѣлены отъ прочихъ народовъ своею религіею и нравами; всякое смѣшеніе съ иноплеменниками считалось грѣхомъ, и потому даже во время многократныхъ переселеній религія всегда отдѣляла ихъ отъ людей, между которыми они жили. Поэтому племенной типъ глубоко въ нихъ укоренился и не такъ легко измѣняется, какъ въ иныхъ народахъ, которые болѣе или менѣе смѣшивались съ другими племенами, и которыхъ особенности сами произошли изъ этого смѣшенія.

Этотъ взглядъ кажется согласенъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о рожденіи и наслѣдственности; и дѣйствительно, если каждое рожденіе вообще стремится къ тому, чтобы воспроизвести типъ родителей, то это стремленіе должно дѣйствовать сильнѣе въ ряду многихъ рожденій. Но если это мнѣніе справедливо, то весьма легко объяснить появленіе большихъ отличій человѣческаго рода въ весьма древнія времена. Я думаю, что первые люди удобнѣе подвергались измѣненіямъ, въ своихъ тѣлесныхъ свойствахъ, чѣмъ нынѣшніе. Представимъ себѣ, что семейство такихъ людей попало во внутренность Африки. Измѣняющая сила климата должна дѣйствовать на ихъ 20-е или 30-е и слѣдующія поколѣнія съ большимъ могуществомъ, чѣмъ на людей настоящаго времени; послѣдніе, составляя двухсотое и трехсотое поколѣніе, измѣнились бы во столько же времени гораздо менѣе, и даже, можетъ быть, совершенно остались бы неизмѣнными, если бы перенесли въ свое новое отечество, европейскую образованность и образъ жизни.

Эти разсужденія и выше приведенныя наблюденія не позволяютъ намъ считать различные народы неизмѣнными и принимать признаки, отличающіе ихъ одинъ отъ другаго, за прирожденные; но несмотря на то, при разсматриваніи различныхъ народовъ, необходимо соединять ихъ въ большія группы: такимъ образомъ гораздо удобнѣе обозрѣвать ихъ различія. Этимъ занимаются уже съ давняго времени, но особенно въ послѣднее полустолѣтіе многіе съ большимъ запасомъ учености, старались раздѣлить человѣческій родъ на нѣсколько главныхъ племенъ чисто естественно-историческимъ образомъ. Знаменитый Блуменбахъ первый положилъ начало основательному изученію сравнительной Антропологіи.

Но весьма странно, что въ этомъ длинномъ ряду попытокъ, очень непостоянно число главныхъ племенъ, на которыя раздѣляли человѣческій родъ, и что даже теперь ученые несогласны между собой, въ этомъ отноше-

ніи. Нѣкоторые старинные естествоиспытатели принимаютъ только 2 главныя племени, другіе 3, весьма многіе 4, въ числѣ послѣднихъ Лейбницъ, Линней, Кантъ, Циммерманъ и въ новѣйшее время Рудольфи. Блуменбахъ принималъ 5 главныхъ племенъ и его мнѣніе раздѣляли весьма многіе ученые; Бюффонъ, Гейзингеръ (Heusinger), Цейне (Zeune) 6; Гунтеръ и Причардъ (въ своихъ Researches on natural history of mankind) приводятъ 7 главныхъ племенъ. Bory de St-Vincent зашелъ поэтому пути еще далѣе: онъ не только принимаетъ до 15 племенъ, но считаетъ ихъ отдѣльными видами (Species), и даетъ имъ по правиламъ Зоологіи особенныя названія: Homo hyperboreus, Homo scythicus, Homo sinicus, H. ethiopicus и т. д. — Демуленъ сдѣлалъ изъ этихъ 15-ти видовъ 16. Это разногласіе относительно числа племенъ лучше, подробнѣе и сильнѣе, чѣмъ мы могли бы это сдѣлать, показываетъ, что между племенами по ихъ разнообразію, въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ нельзя никакъ положить рѣзкихъ границъ. Блуменбахъ въ каждой части свѣта взялъ одну рѣзко выраженную форму людей, и по этимъ формамъ характеризировалъ свои пять *породъ* (Rassen), какъ онъ ихъ называетъ. Но распространеніе этихъ породъ, онъ не принималъ по границамъ частей свѣта зная весьма вѣрно, что обыкновенная въ Европѣ форма лица распространяется до Индіи, и находя, что Іудеи и другіе народы семитическаго корня, не отличаются существенно отъ главныхъ европейскихъ народовъ; притомъ онъ справедливо признавалъ, что народы сѣвернаго берега Африки принадлежатъ къ семитическому корню. Всѣ эти народы онъ соединилъ въ одну породу и назвалъ ее *Кавказскою*, потому что Кавказъ составляетъ ее средоточіе.

Здѣсь мы представимъ въ общихъ чертахъ Блуменбахово дѣленіе, которое служитъ основаніемъ всѣхъ новѣйшихъ, и покажемъ тѣ измѣненія, которыя въ немъ должно сдѣлать, основываясь на новѣйшихъ наблюденіяхъ.

Пять породъ Блуменбаха суть слѣдующія.

1. *Кавказская.* Личной уголъ этой породы имѣетъ наибольшую величину и доходитъ до 90°, поэтому лобъ высокій; вообще черепъ этихъ народовъ наиболѣе округленный и приближающійся къ формѣ шара, или лучше яицеобразно шаровидный, потому что долевой его діаметръ всегда больше поперечнаго, и передняя половина уже задней. Лице нешироко, и потому спереди кажется овальнымъ, челюсти не вытянуты замѣтно впередъ. Передніе зубы стоятъ вертикально, и подбородокъ не отодвинутъ назадъ. Цвѣтъ кожи бѣлый и щеки въ верхней части румяныя, отъ того что въ нихъ слабо просвѣчиваетъ кровь. Волосы длинные, мягкіе и гладкіе или слабо вьющіеся, волнистые, цвѣтомъ довольно непостоянные и переходятъ отъ свѣтлыхъ въ свѣтложелтые, русые, и даже въ черные.

Блуменбахъ причисляетъ къ этой разности всѣхъ Европейцевъ, за исключеніемъ Лапландцевъ и всѣхъ народовъ финскаго корня, далѣе жителей западной Азіи до Оби, и до Каспійскаго моря и Ганга, и обитателей Сѣверной Африки.

2. *Монгольская порода.* Цвѣта большею частью желтоватаго, который измѣняется отъ цвѣта желтаго воска, пшеницы (Weizengelb, Blum.) до желто-бураго (какъ сушеная лимонная корка). Волосы черные, жесткіе и прямые, не очень длинные и рѣдкіе, особенно борода весьма жидкая. Отверстіе вѣкъ узкое (yeux brides, Французовъ), Лице плоское, потому что скуловыя кости значительно выдаются и носъ мало возвышается надъ лицемъ; губы и подбородокъ почти такіе же, какъ и у первой породы.

Къ этой разности Блуменбахъ причисляетъ остальныхъ (непринадлежащихъ къ Кавказскому племени) Азіатцевъ, за исключеніемъ Малайцевъ, населяющихъ Малакку; кромѣ того сюда онъ причисляетъ финскихъ народовъ Европы и Эскимосовъ, живущихъ въ Америкѣ отъ Берингова пролива до Лабрадора.

3. *Эѳіопская порода.* Цвѣтъ кожи болѣе или менѣе

черный; волосы черные курчавые (эти волосы Нѣмцы привыкли называть Wollhare); они такъ мелко и круто завиты, что стоятъ болѣе или менѣе прямо и образуютъ на головѣ родъ упругой подушки, которая оказываетъ при давленіи довольно замѣтное противодѣйствіе, подобное волнѣ мериносоваго барана. — Голова узкая или сжатая съ боковъ. Зубные края челюстей выдаются впередъ; а отъ этого подбородокъ отодвинутъ немного къ зади и передніе зубы направлены нѣсколько впередъ. Губы толстыя. Носъ плоскій, съ тупымъ нѣсколько приподнятымъ концемъ.

Къ этой разности Блуменбахъ относитъ всѣхъ Африканцевъ, за исключеніемъ жителей сѣверной Африки.

4. *Американская порода.* Цвѣтъ кожи обыкновенно мѣдно-красный, переходящій въ коричнево-бурый. Волоса гладкіе, жесткіе, черные. Лице широкое, но неплоское, съ выдающимся, но тупымъ носомъ и съ чертами лица вообще сильно развитыми; глаза впалые.

Сюда принадлежатъ всѣ жители Америки, за исключеніемъ Эскимосовъ.

5. *Малайская порода.* Цвѣтъ кожи бурый, переходящій съ одной стороны въ цвѣтъ краснаго дерева (красный), а съ другой въ каштаново-бурый, самый темный. Волоса густые, черные, завитые или волнистые; носъ широкій, ротъ большой, челюсти немного выдающіяся.

По Блуменбаху къ этой разности относятся всѣ обитатели пятой части свѣта, и кромѣ того жители Индѣйскаго архипелага, Филипинскихъ острововъ и Молукскихъ, до большихъ острововъ Сонды (Целебесъ, Борнео, Ява и Суматра), а также жители полуострова Малакки.

Блуменбахъ неоднократно дѣлаетъ замѣчаніе, что въ этомъ раздѣленіи a) монгольская и эѳіопская породы представляютъ двѣ крайности: у первой черепъ въ высшей степени развился въ ширину, у второй эта-же часть въ высшей степени растянута въ длину b) что кав-

казская порода составляетъ между ними средину, потому что въ ней преобладаетъ округленная форма и с) что американская порода занимаетъ средину между кавказскою и монгольскою, а малайская стоитъ между эѳіопскою и кавказскою. Все это кажется весьма просто и понятно; однако разсматривая ближе всю систему, встрѣчаемъ въ ней небольшіе недостатки, которые частью можно уменьшить, измѣняя нѣсколько систему, а частью нельзя исправить иначе, какъ уничтоживъ основаніе или цѣль этого дѣленія. При томъ мы не хотимъ останавливаться на небольшихъ недостаткахъ системы. Такъ напр. Блуменбахъ иногда называетъ Обь и Гангъ границами породъ. Рѣки никогда не составляютъ границъ даже между отдѣльными народами. Самыя опредѣлительныя границы между народами, какъ и растеніями и животными суть большія моря, высокія горы и пустыни, однимъ словомъ такія части земной поверхности, которыя люди, особенно безъ высокой образованности, переходятъ весьма рѣдко, и никогда для обыкновенной цѣли. Важнѣе то противорѣчіе, что обитатели острова Вандименовой земли, бо̀льшей части Новой Гвинеи и кромѣ того многихъ острововъ западной половины Великаго океана, много отличаются отъ жителей восточныхъ острововъ того-же океана. Первые не только имѣютъ, на нѣкоторыхъ островахъ (напр. на Вандименовой землѣ), болѣе или менѣе черный цвѣтъ лица и курчавые волосы, какъ у Негровъ, но даже и челюсти значительно выдающіяся (*); предлагали даже называть эти племена Негритосъ (Melanier) или Австрійскими Неграми. Напротивъ у жителей восточныхъ острововъ Южнаго моря, цвѣтъ кожи иногда приближается къ бѣлому цвѣту Европейцевъ, хотя онъ значительно измѣняется у различныхъ племенъ, и у нѣкоторыхъ бываетъ буро-красный; но главный признакъ

(*) На таб. 28 ф. 2. и 2′ изображенъ одинъ изъ такихъ череповъ.

островитянъ восточной части Южнаго океана тотъ, что личной уголъ у нихъ довольно великъ, а лице и черепъ бываютъ иногда совершенно европейскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный бытъ этихъ племенъ совершенно не такой, какъ у Негритосъ. Поэтому здѣсь должно повидимому принять 2 главные племени; описаніе Блуменбаха не прилагается ни къ одному изъ нихъ, потому что онъ хотѣлъ соединить 2 совершенно различныя формы.

Никакъ нельзя сказать, что жители Новой Голландіи, Вандименовой земли занимаютъ средину между Неграми и Европейцами; напротивъ того они гораздо болѣе удаляются отъ типа человѣческой красоты, чѣмъ бо́льшая часть Африканскихъ Негровъ. Но многіе изъ обитателей восточныхъ острововъ не имѣютъ никакого сходства съ Неграми; нѣкоторые изъ нихъ приближаются къ европейскому типу красоты; у другихъ лице нѣсколько похоже на монгольское; а у настоящихъ Малайцевъ это сходство выражается весьма рѣзко.

Также справедливо можно замѣтить, что не всѣ американскіе народы мѣдно-краснаго цвѣта, и что они весьма не сходны между собою; хотя Блуменбахъ хотѣлъ основать свое раздѣленіе породъ только на тѣлесныхъ свойствахъ людей. Нѣкоторые путешественники новаго времени принимаютъ, что Американцы различаются между собою не менѣе того, какъ и всѣ остальные народы на землѣ.

Нѣкоторые американскіе народы, которые много отличаются отъ прочихъ, были мало извѣстны во время Блуменбаха. Однако, онъ, хотя и зналъ нѣкоторыя особенныя уклоненія народовъ въ отношеніи устройства тѣла, по портретамъ и по черепамъ, но раздѣлялъ народы не по качествамъ тѣла, а по географическому ихъ положенію. Такъ Готентотовъ онъ считаетъ уклоненіемъ отъ негритянскаго типа, а Китайцевъ относитъ къ монгольскому племени. Но оба эти народа весьма сходны между собою; путешественникъ Barrow, видѣвшій оба племени,

представилъ на одномъ рисункѣ портретъ Китайца подлѣ портрета Готтентота, и надо согласиться, что между ними много сходства; только у Готтентота губы нѣсколько толще, а у Китайца отверстія вѣкъ уже, и притомъ у перваго волосы курчавые, а у втораго гладкіе. На этомъ основаніи возникъ вопросъ: не должно-ли считать Готтентотовъ китайскою колоніею. Но всѣ историческія извѣстія доказываютъ, что Китайцы никогда не пускались въ далекія морскія путешествія. Здѣсь Блуменбахъ явственно принималъ въ расчетъ вѣроятное происхожденіе Готтентотовъ; потому что гораздо вѣроятнѣе считать Готтентотовъ Неграми, которыхъ кожа сдѣлалась свѣтлѣе отъ дѣйствія климата, чѣмъ принимать ихъ за китайскихъ выходцевъ.

Однако онъ не всегда бываетъ вѣренъ своему правилу группировать племена только по ихъ происхожденію: онъ относитъ Европейскихъ Турковъ и Татаръ къ кавказскому племени, а родоначальниковъ ихъ, живущихъ по ту сторону Каспійскаго моря, причисляетъ къ монгольскому.

Вообще Блуменбахъ думаетъ, что группировалъ свои племена основываясь на формѣ тѣла; но въ тоже время онъ можетъ быть безсознательно увлекся желаніемъ класифицировать людей по ихъ происхожденію, такъ чтобы каждое изъ его племенъ можно было разсматривать, какъ корень цѣлаго ряда народовъ. Многіе естествоиспытатели и историки въ самомъ дѣлѣ были убѣждены, что нашли эти коренныя племена; но въ тоже время другіе старались умножить число племенъ, чтобы уничтожить несходства, которыя замѣчаются между народами, принадлежащими къ одному племени. Bory de S-t. Vincent увеличилъ какъ мы сказали, это число до 15; онъ напр. установилъ вмѣстѣ съ видомъ H. ethiopicus еще виды H. caffer и H. Hottentottus. Причардъ также принялъ 7 племенъ, но въ одномъ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, онъ съ большею ясностью показалъ, что форма людей болѣе, нежели

обыкновенно думаютъ, измѣняется отъ вліянія климата. Изъ этого видно, что по тѣлесному образованію народовъ можно судить объ ихъ недавнемъ, а не древнемъ происхожденіи.

Между тѣмъ и сравнительное языкознаніе, которое въ Блуменбахово время не было уже въ дѣтствѣ, съ тѣхъ поръ значительно усовершенствовалось.

Но прежде, чѣмъ станемъ говорить о языкахъ, сдѣлаемъ краткій обзоръ уклоненій, которыя замѣчаются въ тѣлесномъ устройствѣ человѣческаго рода, при этомъ мы еще подробнѣе покажемъ вліяніе внѣшнихъ условій на него.

Цвѣтъ кожи чрезвычайно измѣняется, переходя изъ совершенно чернаго, чрезъ свѣтло-черный, (который можно назвать сѣро-чернымъ), темнобурый, мѣдно-красный, свѣтлобурый, бурый, лимонно-желтый, свѣтло-желтый, въ бѣлый; этотъ послѣдній собственно надо бы назвать безцвѣтнымъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что болѣе густой цвѣтъ кожи есть слѣдствіе большой теплоты, и особенно непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, такъ что при одной и той же теплотѣ, кожа окрашивается подъ кровлею гораздо менѣе, нежели подъ открытымъ небомъ. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ народы свѣтлѣе, чѣмъ въ странахъ безлѣсныхъ. На Таити и другихъ островахъ Южнаго океана, гдѣ женщины обыкновенно работаютъ подъ кровлею, онѣ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ мужчины. Мы уже прежде представили столько примѣровъ вліянія солнечнаго свѣта на цвѣтъ кожи, что теперь считаемъ совершенно излишнимъ представлять еще другіе. По этому мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что черный цвѣтъ Африканскихъ и Новоголандскихъ Негровъ происходитъ отъ большаго жара, отъ безлѣсности странъ и отъ дѣйствія солнечнаго свѣта. Но этотъ цвѣтъ сдѣлался до такой степени наслѣдственнымъ, что хотя негритянскія дѣти и рождаются красноватыми, какъ другія, но кожа ихъ черезъ

нѣсколько дней послѣ рожденія уже начинаетъ темнѣть. Это происходитъ отъ дѣйствія наслѣдственной наклонности организма, а не отъ вліянія теплоты на каждаго ребенка.

Но кромѣ теплоты есть кажется еще другая причина, которая заставляетъ темнѣть кожу. Замѣчательно, что всѣ жители сѣверныхъ береговъ стараго и новаго свѣта, примѣтно темнѣе своихъ самыхъ близкихъ сосѣдей, живущихъ во внутренности страны. Всего яснѣе это видно въ Европѣ, гдѣ народы по мѣрѣ приближенія къ Сѣверу становятся свѣтлѣе, кромѣ Лапландцевъ, которые гораздо темнѣе своихъ сосѣдей хотя живутъ далѣе на сѣверъ. Въ Азіи и Америкѣ темноцвѣтные жители береговъ простираются гораздо далѣе и въ глубину страны. Можетъ быть что причина этого измѣненія цвѣта кожи есть болѣе обильная рыбная пища; однако мнѣ кажется, что и въ другихъ мѣстахъ народы питающіеся болѣе мясною пищею бываютъ, при одинаковомъ климатѣ, темнѣе, чѣмъ народы которые болѣе питаются растеніями. Не потому ли многіе Индійцы такъ бѣлы, несмотря на климатъ, что цѣлыя племена ихъ питаются только растеніями. По крайней мѣрѣ Епископъ Геберъ замѣтилъ что Индійцы рыболовы гораздо темнѣе цвѣтомъ, чѣмъ другіе. Туземцы жаркихъ краевъ южной Америки, не потому-ли свѣтлѣе африканскихъ Негровъ и новоголландскихъ Негритосъ, что питаются болѣе плодами, бананами и проч. тогда какъ Негры ѣдятъ преимущественно мясо, а Негритосъ только мясо. Ивъ южной Америкѣ самыя темноцвѣтныя племена суть тѣ, которыя живутъ преимущественно звѣриной ловлей. Въ сѣверной Америкѣ народы живущіе охотой бываютъ явственно краснаго цвѣта, тогда какъ жители другихъ частей свѣта занимающіеся земледѣліемъ, подъ тою же широтою имѣютъ кожу гораздо свѣтлѣе; не оттого-ли происходитъ свѣтлый цвѣтъ обитателей восточныхъ острововъ южнаго океана; эти люди много ѣдятъ растительныхъ веществъ, особенно ихъ женщины, которымъ запрещено употребленіе свинаго мяса, тогда какъ обитатели западныхъ острововъ того-же

океана, которые гораздо темнѣе цвѣтомъ, исключительно питаются морскими произведеніями.

И такъ мы думаемъ, что темный цвѣтъ кожи, кромѣ солнечной теплоты, которая дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, обусловливается также, хотя и въ меньшей степени преобладаніемъ животной пищи; чтобы объяснить это посмотримъ отъ какой части кожи зависитъ ея цвѣтъ.

Темный цвѣтъ кожи какъ у Негровъ, такъ и у Европейцевъ, когда у нихъ случайно образуются темныя пятна, какъ въ кругахъ окружающихъ соски у смуглыхъ европейскихъ женщинъ, вездѣ эта краска происходитъ отъ особеннаго красящаго вещества, которое называютъ пигментомъ (farbestoff). Этотъ пигментъ состоитъ изъ маленькихъ микроскопическихъ крупинокъ, которыя наполняютъ въ большемъ числѣ особенныя клѣточки, равно какъ и въ сосудистой оболочкѣ глаза. Эти клѣточки лежатъ на нижнемъ слоѣ кожи. Анатомы разсматривавшіе въ микроскопъ кожу Негровъ, держались того мнѣнія что слой пигментовыхъ клѣточекъ, который лежитъ между нижнимъ и верхнимъ слоями кожи (т. е. между верхней кожицей и кожей собственно) должно принимать за особенный слой, какого нѣтъ у Европейцевъ; къ сожалѣнію я не имѣлъ возможности самъ дѣлать этихъ наблюденій; однако мнѣ кажется, судя по моимъ изслѣдованіямъ надъ звѣрями, что эти клѣточки суть тѣже самыя, изъ которыхъ у человѣка и у звѣрей образуется верхняя кожица; они только замѣтнѣе и яснѣе видны отъ того, что въ нихъ отлагаются зернышки пигмента. Принимая пигментовый слой Негровъ за особенную часть кожи, надобы признать что это племя, по своей организаціи, отличается отъ другихъ. Однако въ Африкѣ, какъ мы видѣли, есть племена совершенно черныя, но которыя принадлежатъ къ семитическому корню. Я не знаю ни одного микроскопическаго изслѣдованія ихъ кожи, однако несомнѣваюсь, что и у нихъ находится слой пигментовыхъ клѣточекъ, между ея

обоими слоями; потому что нашли и у весьма темнокожихъ народовъ въ степныхъ странахъ южной Америки такіе-же слои. Но, что еще болѣе, веснушки бѣлокурыхъ европейцевъ, образуются изъ скопленій, только менѣе окрашенныхъ пигментовыхъ клѣточекъ, на поверхности нижняго слоя кожи. Эти разнообразныя отложенія (черныхъ, темнобурыхъ, красныхъ и желтыхъ) пигмента, какого бы цвѣта ни былъ пигментъ, въ физіологическомъ отношеніи совершенно тожественны, хотя химическій составъ пигмента можетъ быть нѣсколько различенъ, смотря по его цвѣту. Извѣстно что веснушки и темный цвѣтъ лица и рукъ, который мы называемъ загаромъ, пропадаютъ зимою (и обыкновенно осенью). Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ окрашенный слой переходитъ въ верхніе слои кожицы и уже постепенно отпадаетъ вмѣстѣ съ нею, а между тѣмъ снизу образуются новые менѣе окрашенные слои верхней кожицы. Тоже самое должно происходить и у Негровъ. Сомнѣвались превращается ли у послѣднихъ слой пигмента въ верхнюю кожицу; потому что считали ее безцвѣтною. Но это ошибка; верхняя кожица Негровъ безъ сомнѣнія окрашена; но такъ какъ она прозрачнѣе подлежащаго слоя пигмента, то думали что онъ не образуется изъ него. Когда верхняя кожица превращается въ рогъ, она всегда дѣлается прозрачнѣе; но отъ чего это происходитъ? растворяется-ли при этомъ или иначе располагается красящее вещество зернышекъ пигмента,—этого я не могу опредѣлительно сказать; но мы можемъ наблюдать тотъ же самый процессъ въ большомъ видѣ въ рогахъ у нашего рогатаго скота. Если посмотрѣть рогъ коровы (особенно темной шерсти) въ то время, когда отъ гніенія роговая оболочка отдѣляется отъ костянаго стержня и отъ кожи, то мы увидимъ на внутренней ея поверхности слой мягкаго совершенно чернаго вещества, которое вполнѣ непрозрачно; это вещество затвердѣвая обращается въ роговое. Но это послѣднее бываетъ гораздо прозрачнѣе; даже самый темный рогъ, въ тонкихъ

пластинкахъ кажется совершенно прозрачнымъ или просвѣчивающимъ.

Можетъ быть основываясь на химическомъ составѣ пигмента возможно объяснить, почему отложенію его болѣе благопріятствуетъ животная пища, чѣмъ растительная. Растительныя вещества содержатъ вообще менѣе азота, чѣмъ животныя. Животная экономія при жизни, должна освобождаться отъ многихъ веществъ чрезъ мочу, испарину, дыханіе и кишечное испражненіе; но нѣкоторыя изъ этихъ веществъ она отлагаетъ въ тѣлѣ самого животнаго; примѣръ послѣдняго предетавляетъ намъ жиръ, который справедливо можно называть остаткомъ отъ излишняго питанія: онъ состоитъ только изъ углерода, водорода и кислорода, но вовсе не содержитъ азота. Отъ этого то и происходитъ, что травоядныя животныя бываютъ жирнѣе плотоядныхъ. Такое же произведеніе излишняго питанія представляетъ по видимому и пигментъ; онъ отлотается не подъ нижнимъ слоемъ кожи, какъ жиръ, но на наружной поверхности этого слоя, вмѣстѣ съ тѣми веществами, изъ которыхъ образуются верхняя кожица и волосы. Но пигментъ содержитъ азотъ и притомъ около $\frac{1}{6}$ всего своего вѣса. По этому, весьма естественно что въ человѣческомъ тѣлѣ является тѣмъ большая наклонность отложенія подъ кожицей пигмента, чѣмъ самое тѣло болѣе принимаетъ излишняго азота. Изъ этого однако не надо заключать что образованіе пигмента совершенно пропорціально количеству азота принимаемаго въ пищѣ; человѣческое тѣло такъ устроено, что можетъ освобождаться отъ избытка питательныхъ веществъ весьма различными путями, и мы часто видимъ что и брюнеты и блондины живутъ весьма хорошо, питаясь одной и той же пищей. Даже часто мы видимъ что люди, какого бы цвѣту ни были, часто значительно измѣняютъ свою пищу, но сами нисколько не перемѣняются. Однако долго продолжающееся употребленіе мясной пищи имѣетъ по видимому вліяніе на потомковъ; оно производитъ въ

тѣлѣ бо́льшую наклонность къ образованію пигмента. Кажется также, что отложеніе жира и пигмента составляютъ процессы, въ извѣстной степени противуположные. Въ тѣхъ странахъ гдѣ люди имѣютъ различнаго цвѣта волосы и кожу, бѣлокурыя недѣлимыя гораздо чаще дѣлаются жирными, чѣмъ брюнеты. Тоже самое можно сказать вообще о цѣлыхъ народахъ.

Волосы представляютъ много измѣненій въ самомъ строеніи и цвѣтѣ. Цвѣтъ ихъ, въ извѣстной степени, соотвѣтствуетъ цвѣту кожи. Но въ волосахъ всегда отлагается пигментъ гораздо чаще чѣмъ въ верхней кожицѣ. Такъ всѣ питающіеся рыбою жители сѣверныхъ береговъ, имѣютъ волосы совершенно черные, хотя кожа у нихъ только смуглая. Вообще бѣлокурые, свѣтложелтые или бурые волосы имѣютъ только тѣ народы, которые питаются преимущественно растительными веществами. По этому у такъ называемыхъ дикихъ народовъ, черный цвѣтъ волосъ гораздо обыкновеннѣе чѣмъ свѣтлый. Это мы замѣчаемъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ, гдѣ волосы если несовершенно черны, то по крайней-мѣрѣ темнобурые. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ люди имѣютъ кожу черную или даже только темную, и волосы почти всегда у людей бываютъ черные (впрочемъ нѣкоторые Негры имѣютъ по видимому бурокрасные волосы). Однако и у людей не много только смуглыхъ, волосы, особенно на головѣ, довольно часто бываютъ весьма темные.

Цвѣтъ волосъ зависитъ также отъ отлагающагося въ нихъ пигмента. По этому, теплота и животная пища одинаково обусловливаютъ темный цвѣтъ какъ волосъ, такъ и кожи.

Что касается вида и густоты волосъ, то въ этомъ отношеніи изслѣдованы только волосы на головѣ и на бородѣ. Притомъ же различныя измѣненія этихъ волосъ не были подвергнуты сравнительнымъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ.

Волосы на головѣ бываютъ 1) *щетинистые* (steif) т. е.

прямые и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько жесткіе, не очень длинные и не густо-стоящіе; при этомъ и борода бываетъ мало развита: волосы ее составляющіе, коротки и весьма рѣдки. Такіе волосы и бороду имѣетъ большая часть американскихъ народовъ, и также нѣкоторые степные народы Азіи; капитанъ Абботъ, который долго жилъ между Киргизами, нашелъ нѣкоторыхъ вовсе безбородыми. 2) Противоположное этому развитію представляютъ волосы *курчавые*, которые такъ мелко и круто завиты, что раздѣляются на небольшія пряди, въ которыхъ волосы переплетаются между собою своими изгибами и которыя стоятъ прямо. Такимъ образомъ вся голова представляется покрытою этими крѣпкими прядями, которыя при прикосновеніи оказываютъ замѣтное сопротивленіе. Борода не такъ рѣдка, какъ у предыдущей формы, но кажется всегда остается короткою. 3) Третій видъ представляютъ головные волосы мягкіе и длинные, которые замѣчаются не только у Европейцевъ, но и у многихъ Азіатцевъ, Океанійцевъ и жителей Сѣверной Африки. Они достигаютъ особенной длины у женщинъ. Они бываютъ или совершенно гладкіе, или представляютъ длинные не крутые изгибы, и соединясь въ пучки образуютъ большіе локоны. Прикасаясь къ такимъ волосамъ, рука встрѣчаетъ только малое сопротивленіе; вѣроятно потому, что она должна придавить только не многіе изгибы, для того чтобы прижать къ головѣ всѣ волосы; тогда какъ это же самое дѣйствіе, въ волосахъ курчавыхъ, встрѣчаетъ сопротивленіе многихъ изгибовъ. Можетъ быть также, что мягкіе волоса тоньше, чѣмъ курчавые, или болѣе сплющены; такъ какъ нашли, что человѣческіе волоса имѣютъ форму не цилиндрическую, но сплюснутую. Измѣненія въ этомъ видѣ волосъ весьма разнообразны; въ Южной Европѣ они гораздо болѣе завиты, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ они бываютъ обыкновенно длиннѣе. При этомъ видѣ волосъ борода бываетъ обыкновенно самая густая и длинная.

Вообще замѣчено, что при смѣшеніи людей длинноволосыхъ съ курчаво-волосыми, потомки ихъ имѣютъ волосы чрезвычайно густые, окружающіе голову въ видѣ парика, составленнаго изъ стоячихъ локоновъ, имѣющихъ иногда отъ 2 — 3 футовъ въ поперечникѣ, какъ напр. у Папуасовъ, на Новой Гвинеѣ. Въ сущности такая форма составляетъ средину между обѣими формами волосъ родителей. Въ самомъ дѣлѣ, если изгибы курчавыхъ волосъ сдѣлаются не такъ многочисленны и самые волосы станутъ длиннѣе, то они будутъ далеко отставать отъ головы во всѣ стороны. Небольшой американскій народъ Cafusos, происшедшій отъ смѣшенія Негровъ съ Американцами, представляетъ развитіе волосъ еще болѣе странное; у нихъ волосы также далеко отстаютъ отъ головы, но они въ нѣкоторой степени остаются щетинистыми, и потому не образуютъ большихъ кудрей, но окружаютъ голову въ видѣ свитыхъ въ пучки стебельковъ. (*) Отъ какихъ внѣшнихъ причинъ зависитъ длина и краска волосъ, это опредѣлить довольно трудно и даже невозможно. Конечно, мы знаемъ, что каждый волосокъ втягивая въ себя влажность, дѣлается длиннѣе и выпрямляется; напротивъ, находясь въ сухомъ воздухѣ, онъ теряетъ свою влажность и закручивается; знаемъ что курчавые волосы встрѣчаются преимущественно у жителей Африки. Однако въ тѣхъ частяхъ, гдѣ дождей вовсе нѣтъ, или гдѣ они бываютъ только разъ въ нѣсколько лѣтъ, и гдѣ по этому воздухъ предетавляетъ высшую степень сухости, какъ въ Сахарѣ, рѣдко тамошніе жители имѣютъ волоса не курчавые. Въ Новой Голландіи, которой климатъ чрезвычайно сухъ, жители, хотя почти черны и вообще похожи на Негровъ, имѣютъ волосы длинные. Напротивъ, обитатели сосѣднихъ острововъ, какъ напр. Ванди-

(*) Но по новѣйшимъ наблюденіямъ Папуасы еще болѣе увеличиваютъ объемъ своей головы, развивая естественные локоны на большее число малыхъ кудрей.

меновой земли и внутренности Новой Гвинеи, гдѣ воздухъ гораздо влажнѣе, имѣютъ волосы почти такіе же курчавые, какъ у жителей южной Африки.

Цвѣтъ глазъ, какъ обыкновенно говорятъ, или лучше цвѣтъ радужины находится въ связи съ цвѣтомъ кожи и особенно волосъ. У людей, у которыхъ кожа свѣтлаго цвѣта и радужина бываетъ обыкновенно не темнаго цвѣта: голубаго, сѣраго, зеленоватаго или свѣтло-коричневаго; напротивъ, у темнокожихъ, она представляетъ всѣ переходы отъ темно-бураго до чернаго. Однако волосы бываютъ черны гораздо чаще, чѣмъ радужина, которую можно назвать дѣйствительно черною, только у самыхъ черныхъ Негровъ. Даже на рѣкѣ Конго живутъ, по видимому, Негры съ зеленоватой или свѣтло-бурой радужиной.

Перейдемъ теперь къ отношенію, величинѣ и формѣ всего тѣла и отдѣльныхъ его частей.

По своему *росту* народы весьма различны, хотя это различіе и не такъ велико, чтобы можно было нѣкоторыхъ изъ нихъ назвать гигантами, а другихъ карлами. Вообще народы, занимающіе границы суши со стороны сѣвернаго и южнаго полюсовъ, отличаютея низкимъ ростомъ; таковы на сѣверѣ Лапландцы, Самоѣды, Эскимосы; на югѣ — обитатели Огненной земли; причиною этой малорослости можно считать холодъ и скудность пищи. Однако несправедливо было бы думать, что начиная отъ полюсовъ къ экватору, ростъ людей постепенно увеличиваетея; часто въ сосѣдствѣ съ показанными, малорослыми народами живутъ другіе, весьма высокіе и сильные. Такъ не далеко отъ жителей Огненной земли (Пешерэ), живутъ Патагонцы, которые, хотя и не такіе гиганты какими представляли ихъ увидавшіе ихъ въ первый разъ путешественники, однако вообще весьма велики и сильны. Точно также въ сосѣдствѣ съ Лапландцами, не много южнѣе, живутъ Норвежцы и Шведы, которые принадлежатъ къ числу самыхъ рослыхъ народовъ; и нѣкоторые народы,

на югъ отъ Эскимосовъ живущіе, также повидимому отличаются большимъ ростомъ.

Мнѣнія о гигантскомъ ростѣ древнѣйшихъ людей основаны на чистыхъ басняхъ: часто принимали кости ископаемыхъ животныхъ за человѣческія.

Пропорція различныхъ частей тѣла также не можетъ быть одинакова у различныхъ народовъ; но до сихъ поръ мало было сдѣлано точныхъ измѣреній съ этою цѣлью. У Американцевъ кисти рукъ и ступни по видимому меньше, чѣмъ у Европейцевъ. У Индійцевъ руки (предплечье и локоть) длиннѣе, и кисти также менѣе. Но можетъ быть всего важнѣе тонкость рукъ и ногъ у жителей Австраліи; эти люди, по малому развитію своихъ икръ приближаются къ обезьянамъ и выдающіяся челюсти также увеличиваютъ сходство ихъ съ этими животными. Нѣтъ сомнѣнія, что эта худощавость происходитъ отъ недостаточности пищи; потому что Австралійцы живутъ охотою, которая въ ихъ отечествѣ весьма малоприбыльна. Излишняя длина рукъ Индійцевъ, которая, какъ говорятъ, бросается въ глаза безъ всякихъ измѣреній, можетъ быть только видима и происходитъ отъ худощавости,—ибо тонкія руки всегда кажутся длинными; и эта худощавость происходитъ отъ недостаточности пищи, которою должны довольствоваться Индійскіе туземцы. Самые крѣпкіе люди встрѣчаются въ странахъ, имѣющихъ умѣренный климатъ и воздухъ не слишкомъ сухой.

Вообще замѣчено, что Европейцы гораздо сильнѣе чѣмъ дикари различныхъ племенъ и въ различныхъ странахъ. Основаніе этого заключается въ употребленіи болѣе обильной пищи, вмѣстѣ съ значительнымъ упражненіемъ мускуловъ.

Но самый важный отличительный характеръ людей различныхъ странъ, представляетъ безъ сомнѣнія очертаніе ихъ головы, именно форма *черепа*, и, что особенно поражаетъ въ живомъ человѣкѣ, складъ *лица*.

Всѣ измѣненія лица заключаются между двумя край

ностями; въ первой крайности лице весьма широко по срединѣ, потому что скуловыя кости выдаются значительно въ стороны; такъ-какъ при этомъ лобъ и подбородокъ весьма узки, то все лице, если смотрѣть на него спереди, имѣетъ форму ромба; 2 угла этого ромба обращены въ стороны, а 2 другіе, округленные, вверхъ и внизъ. (См. портретъ Эскимоса, Т. 34, фиг. 3). При этой формѣ лица, на черепѣ видно, что скуловыя кости обыкновенно, подъ наружнымъ угломъ глазъ въ направленіи съ верху внизъ, вытянуты болѣе, чѣмъ въ другихъ формахъ. Но еще болѣе поразительно то, что (срав. Т. 28 фиг. 3 и фиг. 2 и 1, той же таблицы) при такой большой ширинѣ, лице бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма плоско; потому что выдающіяся части его, особенно носъ и иногда край челюстей, менѣе выдаются, чѣмъ въ лицѣ Европейцевъ. Всего замѣтнѣе малая выпуклость носа, котораго верхнее ребро возвышено весьма мало, боковыя части соединяются со щеками подъ весьма тупымъ угломъ, и переходятъ въ нихъ почти не замѣтно. Лице отъ этого такое, какъ будто носъ придавленъ, и глаза отъ того болѣе отстоятъ одинъ отъ другаго, чѣмъ у Европейцевъ (Срав. портреты Тунгуза, Т. 36, фиг. 1 и Самоѣда, Т. 34, фиг. 1 и 2). Глазныя впадины весьма велики, и глазныя яблоки (которыя можетъ быть менѣе, чѣмъ у Европейцевъ) повидимому лежатъ въ нихъ глубже, чѣмъ у Европейцевъ; во всякомъ случаѣ взглядъ (Blick) открытыхъ глазъ другой: онъ кажется сонnымъ; потому что верхнія вѣки висятъ почти прямо внизъ, какъ завѣсы, и почти или во все не образуютъ свода надъ глазными яблоками. Отверстіе вѣкъ въ открытыхъ глазахъ гораздо уже, чѣмъ у Европейцевъ, потому что верхнія вѣки посрединѣ менѣе приподняты, и потому верхній край глазной щели менѣе выгнутъ вверхъ. Наружный уголъ этой щели иногда дѣйствительно выше внутренняго. Но кажется, что это не составляетъ такого опредѣленнаго правила, какъ обыкновенно думаютъ, по крайней-мѣрѣ въ цѣломъ порт-

фелѣ портретовъ Китайцевъ не замѣтно, чтобы наружный уголъ извѣстной узкой глазной щели былъ приподнятъ. На оборотъ, не рѣдко и у Европейцевъ случается видѣть, что наружный уголъ глазной щели приподнятъ; такъ, что если продолжить обѣ щели, то они сойдутся подъ угломъ; но при этомъ глазныя щели не узки и верхній край ихъ выгнутъ, какъ обыкновенно, вверхъ. Обыкновенно въ плоскомъ лицѣ внутренній уголъ глазной щели опущенъ внизъ, можетъ быть потому, что носъ здѣсь весьма широкъ и плосокъ. Губы при такомъ лицѣ не бываютъ никогда весьма толсые.

Такое лице мы назовемъ *плоскимъ*, чтобы означить его однимъ словомъ.

Противуположность плоскому лицу составляетъ лицо другой формы, которое мы называемъ *лицемъ выдающимся;* въ этой формѣ челюсти выступаютъ впередъ изъ плоскости лица; отъ этого личной уголъ измѣряемый по методѣ Кампера дѣлается меньше. Отъ этого же верхніе и нижніе передніе зубы обыкновенно наклоняются впередъ, подбородокъ отодвигается назадъ. Здѣсь нельзя не видѣть нѣкоторое, хотя весьма малое сходство, съ лицемъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Губы бываютъ часто болѣе или менѣе толстыя, надутыя или подушкообразныя; носъ короткій, переносье низкое, округленное, конецъ весьма толстый и нерѣдко нѣсколько приподнятый; выдающіяся челюсти хорошо видны въ черепѣ Алфуру, изъ Новой Гвинеи, изображенномъ на Таб. 28, Ф. 2. Съ этими двумя крайностями въ развитіи лица, соединяется обыкновенно и особенное развитіе собственно *черепа*. При выдающемся лицѣ черепъ бываетъ обыкновенно сжатый и болѣе вытянутый къ зади, чѣмъ при плоскомъ у Европейцевъ.

Если провести прямую проходящую чрезъ отверстіе уха и дно носовой полости, и къ ней возставить отъ отверстія уха перпендикуляръ, то при выдающемся лицѣ,

бо́льшая часть мозга будетъ находиться позади этого перпендикуляра.

Удлиненіе лица впередъ имѣетъ по видимому необходимымъ слѣдствіемъ увеличеніе черепа сзади, такимъ образомъ центръ тяжести головы продолжаетъ подпираться сочленовными бугорками затылочной кости. При этомъ увеличеніи черепъ не всегда вытягивается назадъ, но иногда расширяется въ стороны; по этому *Ретціусъ*, въ Стокгольмѣ, при выдающемся лицѣ отличаетъ черепа широкіе и длинные. При плоскомъ лицѣ, черепъ бываетъ короче, но шире: такимъ образомъ онъ сохраняетъ положеніе устойчиваго равновѣсія на атласѣ. Часто также средняя линія темяни не образуетъ округленнаго свода, но выдается въ видѣ приподнятой крыши. Въ меньшей мѣрѣ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ, представляющемъ черепъ Бурята (таб. 28 ф. 3.) Эта крышеобразная форма темяни, еще замѣтнѣе у Эскимосовъ и у американскихъ охотою живущихъ народовъ. Эту форму головы, соединенную съ плоскимъ лицемъ, Причардъ называетъ пирамидальною, потому что спереди она имѣетъ видъ пирамиды: здѣсь 2 линіи проведенныя съ каждой стороны отъ выдающихся скулъ, по вискамъ, подлѣ мозга сходятся на верху весьма близко отъ черепа (Т. 41). Я сомнѣваюсь однако, чтобы эта кровлеобразная форма черепа составляла характеръ общій всѣмъ людямъ съ плоскимъ лицемъ; самое плоское лице встрѣчается у жителей средней Азіи; однако у нихъ черепъ бываетъ часто сверху совершенно круглый, а вовсе не такъ крышеобразный какъ у Американцевъ. Легко замѣтить, что эти двѣ крайнія формы лица, плоская и выдающаяся, суть именно тѣ, которыя Блуменбахъ принялъ за типы своихъ породъ Монгольской и Ефіопской, помѣстивъ между ними, какъ среднюю форму, овальное лице Кавказской породы. Но лице Индо-европейцевъ и семитическихъ народовъ (которыя вмѣстѣ составляютъ Кавказскую породу) собственно не представляетъ средины. Оно конечно не пло-

ско, и челюсти въ немъ невыдаются; но оно имѣетъ въ себѣ и нѣчто особенное: болѣе выдающійся носъ и кромѣ того равномѣрнѣе выпуклый черепъ, который образуетъ болѣе выпуклый и высокій лобъ. Взглядъ на нашу Т. 28, фиг. 1, 2 и 3 покажетъ это отношеніе и на черепѣ. Если провести 2 линіи отъ скуловыхъ костей къ бокамъ лба, то эти линіи будутъ идти болѣе или менѣе параллельно, лице въ отношеніи къ черепу вообще менѣе и мы имѣемъ право сказать, что въ этой формѣ, которую мы для краткости назовемъ *округленною*, характерическія черты человѣческой наружности выражены въ высшей степени. Передняя часть мозга наиболѣе развита и все лице стоитъ прямо подъ лбомъ; а носъ болѣе выдается впередъ, потому что щеки и ротъ отодвинуты назадъ.

Не надо однако-же думать, что всѣ Негры имѣютъ такое выдающееся лице, какое мы представили въ крайней формѣ; такое лице встрѣчается только у тѣхъ народовъ, которые живутъ въ разсѣянныхъ уединенныхъ мѣстахъ, не только безъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній между собою и которые стоятъ на самой низкой степени общественнаго развитія, но даже въ наслѣдственной враждѣ съ своими сосѣдями, которые и въ своей родинѣ встрѣчаются не повсемѣстно, а болѣе по берегамъ. Какую наружность имѣютъ жители внутреннихъ частей южной Африки, мы конечно не знаемъ. Но во внутренности сѣверной Африки, въ такъ называемомъ Суданѣ, образовались весьма многіе Негритянскіе государства, учрежденіе которыхъ указываетъ на значительное развитіе образованности, и въ которыхъ появились скотоводство, земледѣліе и другія отрасли промышленности. Здѣсь лицо развито гораздо благороднѣе: носъ болѣе выдается впередъ, челюсти отодвинуты назадъ, а губы менѣе толсты, хотя кожа у этихъ людей по большей части довольно черна. Впрочемъ о различіяхъ между негритянскими народами мы подробнѣе поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь мы привели ихъ

только для того, чтобы вывести изъ сказаннаго слѣдствіе: что выдающееся лице надо считать уклоненіемъ отъ человѣческой формы, которое уменьшается при высшемъ развитіи народа. Можетъ быть недостаточность пищи имѣетъ здѣсь вліяніе, потому что Негры живущіе уединенно на вершинахъ горъ, и подверженные нападеніямъ сильнѣйшихъ сосѣдей, которые обращаютъ ихъ въ рабство, часто терпятъ недостатокъ въ пищѣ. Подобное образованіе лица и такой-же общественный бытъ мы находимъ и у такъ называемъ Негровъ южнаго океана, или Негритосъ.

Также мало справедливо было-бы думать, что плоское лице, которое мы описали, въ одинаковой мѣрѣ свойственно всѣмъ народамъ, которыхъ Блуменбахъ причисляетъ къ Монгольской породѣ, или которыхъ должно считать съ ней сродными, по различнымъ причинамъ, и между прочимъ по языку. Причардъ замѣчаетъ, что плоское, самое широкое лице встрѣчается преимущественно у степныхъ народовъ Азіи. Близко къ этимъ народамъ по ширинѣ лица стоятъ жители береговъ Ледовитаго моря, Эскимосы и Самоѣды, далѣе въ южной Америкѣ, обитатели степей, которыя лежатъ между Бразиліею и Андами, извѣстныя подъ именемъ Пампасъ (Pampas). Также Готтентоты и особенно Бушманы имѣютъ широкое лице. Такъ какъ страны, въ которыхъ живутъ эти племена, представляютъ степи или по-крайней-мѣрѣ безлѣсны, то Причардъ считаетъ безлѣсье причиною развитія этой формы лица. Но мнѣ кажется, что Пичардъ не дошелъ до причины и нѣсколько преувеличилъ; справедливо что у степныхъ народовъ скуловыя кости выдаются въ стороны; это замѣчается даже въ родахъ ихъ начальниковъ, у которыхъ однако лице болѣе приближается къ типу человѣческой красоты, чѣмъ у простолюдиновъ. Какъ долженъ дѣйствовать недостатокъ лѣсовъ на законы развитія человѣка? Климатическія условія, каковы теплота и влажность воздуха, совершенно

различны въ монгольскихъ степяхъ, въ Пампасъ и на голой полосѣ земли опоясывающей Ледовитый океанъ. Здѣсь воздухъ всегда сыръ, тамъ чрезвычайно сухъ, здѣсь постоянно онъ холоденъ или свѣжъ, тамъ климатъ частью уже жаркій, особенно въ степяхъ, гдѣ живутъ Бушманы. Напротивъ, всѣ эти народы питаются исключительно животною пищею. Надо еще прибавить что жители Огненной земли (Пешерэ) имѣютъ скулы выдающіяся и весьма походятъ на Готтентоттовъ, хотя страна безлѣсна только около самыхъ береговъ и напротивъ внутренность ея довольно лѣсиста; кромѣ того весьма далекіе отъ этихъ охотничьи народы сѣверной Америки имѣютъ также сильно выдающіяся скулы, и только по своему высокому носу отличаются отъ Монгольскаго типа; и эти охотничьи народы живутъ также совершенно въ лѣсахъ. Тоже самое можно сказать и о Тунгузахъ, которыхъ мы прилагаемъ портреты на Т. 35 и 36. Но всѣ поименованные народы имѣютъ общее то, что питаются исключительно животною пищею. По этому мы думаемъ что эта пища есть причина объусловливающая развитіе выдающихся наружу скулъ; весьма хорошо извѣстно, что млекопитающія которыя питаются мясомъ, имѣютъ гораздо большія скуловыя дуги, чѣмъ травоядныя (См. Томъ 2 табл. 1) Обыкновенно говорятъ: у плотоядныхъ скуловыя большія дуги существуютъ для того, чтобы доставлять большую толстоту жевательнымъ мускуламъ, дѣйствіемъ которыхъ эти животныя удерживаютъ свою добычу, кусаютъ ее и часто переламываютъ кости. Этого нельзя отвергнуть; но мы думаемъ, что самая мясная пища обусловливаетъ такое развитіе скуловыхъ дугъ; потому что она оказываетъ по видимому тоже самое дѣйствіе и на человѣка, хотя для него употребленіе мясной пищи кажется требуетъ иногда меньшаго напряженія жевательныхъ мускуловъ, чѣмъ употребленіе растительныхъ веществъ.

Черепъ у плотоядныхъ животныхъ тоже устроенъ

не такъ какъ у травоядныхъ. У первыхъ онъ снизу шире и болѣе съуживается къ верху, кромѣ того что на темяни его часто проходитъ долевой гребень (служащій для прикрѣпленія височныхъ мускуловъ), котораго у человѣка быть не можетъ, по сильному развитію темянныхъ костей, развитію обусловленному большимъ мозгомъ; у травоядныхъ темя и лобъ бываютъ плоскіе. Конечно у большихъ травоядныхъ, между наружной крышкой или наружной пластинкой черепныхъ костей и полостью черепа находятся большія пустоты, такъ что по виду черепа нельзя непосредственно судить о формѣ его полости; однако, если раскрыть такой черепъ, то можно видѣть что внутренняя его полость съужена къ низу болѣе чѣмъ у плотоядныхъ животныхъ, а по этому мозгъ у первыхъ имѣетъ другой видъ. Какъ полость черепа развивается по формѣ мозга, по этому и причину этихъ измѣненій мы должны принимать также въ мозгу. И въ человѣческомъ родѣ мы замѣчаемъ, что у народовъ питающихся преимущественно мясомъ, нижняя часть черепа бываетъ замѣтно шире чѣмъ верхняя. Скажемъ еще нѣсколько словъ о вмѣстимости черепа, не принимая въ расчетъ ея формы.

Величина черепной полости не въ такой степени зависитъ отъ формы, какъ нѣкоторое время думали; такъ напр. принимали, что у Негровъ, у которыхъ личной уголъ меньше чѣмъ у другихъ племенъ, и полость черепа значительно меньше, а слѣдовательно меньше и масса мозга; но это предразсудокъ, который уничтожилъ знаменитый анатомъ Тидеманъ. Онъ наполнялъ просомъ мозговую полость многихъ череповъ различныхъ племенъ и послѣ взвѣшивалъ просо, чтобы такимъ образомъ судить о вмѣстимости каждаго черепа. Изъ такихъ наблюденій онъ вывелъ, что у Негровъ мозгъ также великъ, какъ и у такъ называемой Кавказкой породы. Эти выводы конечно не совершенно точны, ибо по самымъ измѣреніямъ видно, что изъ 185 череповъ Кавказской породы 92 (почти половина) могли вмѣ-

стить 40 или болѣе унцовъ проса, тогда какъ изъ 65 эѳіопскихъ только 17 (только $\frac{1}{4}$) имѣли такую вмѣстимость. Тидемановы наблюденія подтвердили, что у Негровъ переднія лопости мозга развиты менѣе, чѣмъ у Европейцевъ. Но такъ какъ различіе въ величинѣ всего мозга у тѣхъ и другихъ мало замѣтно, то мы должны заключить, что менѣе благородныя части мозга развиты у Негровъ сильнѣе. Недавно Американецъ Мортонъ измѣрялъ вмѣстимость болѣе чѣмъ 600 череповъ. Такъ какъ индивидуальныя уклоненія въ нихъ весьма значительны, то онъ измѣрялъ не менѣе 3 череповъ изъ каждой группы народовъ, и уже изъ этихъ наблюденій выводилъ среднія величины, но изъ нѣкоторыхъ группъ онъ мѣрялъ болѣе чѣмъ по 100 череповъ. Результаты его наблюденій представлены въ слѣдующей таблицѣ, въ которой вмѣстимость мозговой полости выражена въ англійскихъ кубическихъ дюймахъ.

Группы и семейства (*)	Число череповъ.	Средняя вмѣстимость
I. *Кавказская группа новаго времяни*		
1) Германское семейство		
Англичане	5	96 куб.
Англоамериканцы	7	90 —
Нѣмцы	18	90 —
2) Персы, Армяне, Черкесы. . . .	10	84 —
3) Кельтское семейство (Ирландцы)	6	87 —
4) Индостанское семейство. . . .	32	80 —
5) Семитическое семейство	3	89 —
6) Нильское семейство (Феллахи) .	17	80 —

(*) Въ этой таблицѣ мы нѣсколько измѣнили названія группъ и семействъ: Мортоновыя названія никакъ нельзя считать общепринятыми. Такъ напр. подъ именемъ Пелазгійскаго семейства онъ разумѣетъ совсѣмъ не то, что обыкновенно разумѣютъ подъ этимъ названіемъ.

	Число черепов.	Средняя вмѣстимость
II. *Кавказская группа древняя* (**) (или древние египтяне)		
1) Греко-Египтяне	18	88 —
2) Чистые Египтяне	55	80 —
III. *Монгольская группа.*		
Китайцы	6	86 —
IV. *Малайская группа.*		
1) Малайское семейство	20	86 —
2) Океанійское семейство	3	83 —
V. *Американская группа.*		
1) Перуанцы	155	75 —
2) Мексиканцы	22	79 —
3) Сѣверо-Американскіе охотничіе народы	161	84 —
VI. *Негритянская группа.*		
1) Негры	74	83 —
2) Готтентоты	3	75 —
3) Австралійцы	8	75 —

Эти ряды чиселъ сначала показались мнѣ очень странными. Съ одной стороны казалось бы, что мозгъ у Англичанъ долженъ быть весьма великъ, а у австралійскаго семейства и у Альфуру самый малый, такъ можно думать судя по умственному развитію этихъ народовъ. Съ другой стороны весьма замѣчательно, что у сѣверо-американскихъ охотничьихъ народовъ мозгъ больше чѣмъ у древнихъ Мексиканцевъ, и еще больше чѣмъ у древнихъ Перуанцевъ. Еще замѣчательно что у Инду-

(**) Подъ именемъ древней Кавказской группы разумѣетъ Мортонъ только древнихъ Египтянъ, которыхъ изученіемъ онъ много занимался. Но вовсе еще не доказано, что они принадлежатъ къ Кавказской породѣ; это можно только предполагать, если по примѣру Блуменбаха, причислять къ ней Семитовъ, какъ это и здѣсь принято.

совъ мозгъ менѣе чѣмъ у Негровъ; но внимательно разсмотривая эту таблицу я нахожу въ ней доказательства вѣроятности того мнѣнія, что при одинаковой степени умственнаго развитія, употребленіе мясной пищи даетъ большую величину мозгу (вѣроятно это имѣетъ мѣсто преимущественно въ низшихъ частяхъ мозга). Изъ всѣхъ народовъ, которые здѣсь перечисленны, Индѣйцы наиболѣе питаются растительными веществами (*); тоже можно сказать о древнихъ Перуанцахъ, и также вѣроятно о нынѣшнихъ Феллахахъ въ Египтѣ. Напротивъ Сѣверо-Американскія охотничьи народы питаются только мясомъ какъ и кочующіе Арабы, которые по бо̀льшей части питаются произведеніями своихъ стадъ. Такимъ образомъ вмѣстимость черепа вовсе не представляетъ мѣрила для высшаго духовнаго развитія. Это послѣднее, по видимому, болѣе объусловливаетъ развитіе переднихъ и верхнихъ частей мозга, а пища мясная заднихъ и нижнихъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что у Монголовъ затылочное отверстіе сравнительно велико, и весьма вѣроятно, что у нихъ и хребетной мозгъ толще; а извѣстно что гдѣ хребетной мозгъ толще, тамъ и основная частъ головнаго мозга должна быть больше.—Смѣшеніе различныхъ племенъ могло также способствовать увеличенію мозга; кромѣ того вовсякомъ народѣ; по мѣрѣ умноженія его понятій, черепъ пріобрѣтаетъ бо̀льшую величину; у Египтянъ позднѣйшихъ времянъ, которыхъ Мортонъ назвалъ *Греко-Египтянами*, черепы замѣтно больше чѣмъ у древнихъ.

Однако мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что искусственное измѣненіе черепа не оказываетъ никакого вліянія на умственныя способности; мы скажемъ болѣе объ этомъ въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить о Американцахъ.

(*) Эту малость черепа Индѣйцевъ замѣтили уже давно.

Изъ всего сказано отъ стр. 489 до сихъ-поръ мы видимъ, что на форму тѣла имѣютъ вліяніе различныя внѣшнія обстоятельства, образъ жизни и даже умственное развитіе; изъ этого видно, что по наружности народовъ весьма мало можно судить о происхожденіи ихъ. Это основаніе можетъ имѣть значеніе только для небольшаго промежутка времени, потому что измѣненіе тѣлеснаго устройства происходитъ довольно медленно; напротивъ оно совершенно невѣрно, если захотимъ воспользоваться имъ для того, чтобы судить о древнемъ происхожденіи народа.

Въ новѣйшее время нашли гораздо вѣрнѣйшее путеводное начало въ языкахъ. Основательное изученіе ихъ, которымъ занялись въ послѣднее время, показало, что многіе языки, по видимому весьма различные, имѣютъ въ своемъ внутреннемъ строеніи весьма много сходства,—такъ что ихъ можно считать сродными и принадлежащими къ одному семейству. Другіе языки отличаются отъ этихъ въ своихъ основаніяхъ, но ихъ также можно соединить между собой въ болѣе или менѣе обширныя семейства.

Каждому изъ нашихъ читателей извѣстенъ результатъ выведенный изъ основательнаго изученія мертваго языка господствовавшаго прежде въ нѣкоторой части Индіи, и который сохранился только въ поэтическихъ и религіозныхъ сочиненіяхъ; этотъ результатъ состоитъ въ томъ, что почти всѣ европейскіе и нѣкоторые западно-азіатскіе (каковы персидскій и афганскій) языки такъ сходны съ санскритскимъ, что необходимо предполагать въ нихъ общее происхожденіе. Прежде были наклонны считать санскритскій языкъ коренным, отъ котораго произошли языки всѣхъ этихъ племенъ. Послѣдующія изысканія измѣнили нѣсколько это мнѣніе; лингвисты убѣдились, что санскритской языкъ, хотя и весьма древній, не есть родоначальникъ всѣхъ языковъ этого семейства, но только одинъ изъ самыхъ древнихъ его членовъ, точно также какъ и зендъ—мертвый священный языкъ древнихъ Персовъ. По этому ученые думаютъ, что

эти языки произошли отъ одного общаго корня, совершенно намъ неизвѣстнаго.

Лингвисты думаютъ, что образованіе новыхъ племенъ народовъ идетъ параллельно съ появленіемъ новыхъ языковъ; они принимаютъ, что одно племя людей распространилось изъ какой-нибудь части Азіи, можетъ быть, какъ думаетъ Поттъ, отъ источниковъ Окса (Аму-дерьи) и Яксарта (Сыръ-Дерьи) по Индіи до Ганга, въ Персіи и въ Европѣ до Атлантическаго океана; далѣе это племя въ теченіи времени постепенно разпалось на отдѣльные народы, которые теперь говорятъ санскритскими нарѣчіями. Это первоначальное племя Лингвиты называютъ Индогерманскимъ или лучше Индо-европейскимъ. Точно также должно было бы разсуждать и о всякомъ другомъ коренномъ языкѣ, о которомъ мы можемъ судить по языкамъ отъ него происшедшимъ. Нѣкоторые коренные языки, кромѣ названныхъ, весьма хорошо извѣстны таковы семитическій, монголо-фино-турецкій; объ иныхъ мы имѣемъ только неполныя свѣдѣнія; наконецъ другіе языки, какъ Новой Голландіи и средней Африки еще такъ мало изслѣдованы, что нельзя рѣшить къ сколькимъ кореннымъ можно ихъ привести. Въ настоящее время ученые ревностно занимаются этимъ предметомъ и можно надѣяться, что не далеко то время, когда основываясь на языкахъ, можно будетъ обозрѣть исторію разселенія всего человѣческаго рода.

Вообще мы должны сочувствовать изслѣдованіямъ этого рода. Исторія, на сколько она можетъ проникнуть въ глубину древности, всегда подтверждаетъ заключенія о историческомъ развитіи народовъ и ихъ родоначальникахъ, когда эти сужденія основаны на сродствѣ языковъ. Напротивъ, мы часто встрѣчаемъ въ исторіи противорѣчіе, если захотимъ группировать народы по ихъ наружности. Мы уже выше упомянули о Маджарахъ и Европейскихъ туркахъ; теперь же можемъ еще привести въ примѣръ Іудеевъ и сродные имъ народы, которые хотя по формѣ тѣла и мало отличаются отъ

Индо-европейцевъ, однако совершенно отличны отъ нихъ по своему языку и по своему историческому развитію. По этому можно бы надѣяться, что руководствуясь сродствомъ языковъ, можно всего лучше мысленно проникнуть въ глубину древности, отъ которой до насъ едва дошли преданія, и исторія которой для насъ вовсе недоступна.

И такъ руководствуясь изученіемъ языковъ мы не встрѣчаемъ никакого важнаго противорѣчія въ древней исторіи, и наши выводы при этомъ всегда подтверждаются народными преданіями. Но, не смотря на это, не надо думать, что это путеводное начало приведетъ насъ къ совершенному познанію первоначальнаго состоянія человѣческаго рода, какъ по видимому думаютъ многіе новѣйшіе лингвисты. Прежде всего не должно аабывать, что часто сказанія древнихъ народовъ выражаютъ только ихъ мнѣніе о большей или меньшей степени племеннаго сродства съ другими народами, но не имѣютъ значенія настоящихъ историческихъ преданій. Надо также взять во вниманіе, что прежде чѣмъ извѣстныя нынѣ семейства языковъ сдѣлались господствующими, и именно по этому, многіе народы должны были совершенно исчезнуть. Именно Европа представляетъ многія доказательства этого мнѣнія. Языкъ *Васковъ* (Басковъ) небольшаго народа живущаго у подошвы Пиринеевъ (въ Наваррѣ и Гвипускоѣ) не имѣетъ никакого сходства съ санскритскимъ, таково мнѣніе знаменитѣйшихъ лингвистовъ, которые занимались его изслѣдованіемъ. Такъ думаетъ напримѣръ Вильгельмъ Фонъ-Гумбольдтъ; однако этотъ ученый доказалъ, что Васки суть остатокъ изчезнувшаго народа, который древніе называли Иберами. Куда же дѣвались остальные Иберы? Точно также нашли что языкъ Албанцевъ (или Арнаутовъ), за исключеніемъ того что вошло въ его составъ изъ другихъ наречій, не есть языкъ санскритскій; есть причины, которые заставляютъ считать албанскій языкъ остаткомъ древняго иллирійскаго. Отъ другихъ изчезнувшихъ народовъ осталось

не болѣе того, сколько нужно, чтобы доказать, что они принадлежали къ другому племени. Такъ Этруски прежде явленія римской державы достигли довольно высокой степени образованности. Думали, что эта образованность была весьма древняя греческая, точно также какъ думали и о всякой европейской образованности; однако изслѣдованіе надписей доказало, что языкъ Этрусковъ непринадлежалъ къ санскритскому корню. Сколько есть народовъ о которыхъ упоминаетъ древность, и отъ которыхъ сохранились только имена; эти народы также можетъ быть не принадлежали къ санскритскому семейству.

Древнія гробницы, о которыхъ мы говорили (См. стр. 470) выше, еще болѣе подтверждаютъ выводы филологическихъ изслѣдованій. Эти гробницы заключаютъ черепа различной формы, свидѣтельствующіе о различныхъ степеняхъ развитія; если мы примемъ, что гробницы съ мѣдными вещами принадлежали народу, который былъ порабощенъ, истребленъ и прогнанъ Индо-европейцами, то все таки народы неумѣвшіе обработывать металовъ должны быть гораздо древнѣе; но и грамматическія изслѣдованія языка этихъ народовъ не могутъ дать намъ о сихъ никакихъ свѣдѣній. Такъ Академія Наукъ получила нѣсколько весьма древнихъ череповъ вырытыхъ въ Московской губ.; всѣ они необыкновенно длинны, спереди весьма узки и имѣютъ челюсти нѣсколько выдающіяся впередъ; для рисунка на Таб. 41 выбранъ такой изъ нихъ, въ которомъ рѣзче выразились всѣ эти особенности. Съ этими черепами найдены только горшки, сдѣланные изъ грубой глины съ примѣсью маленькихъ камешковъ, но не было никакихъ металлическихъ издѣлій. Можно было-бы предполагать, что эти черепа составляютъ остатки Финновъ, но они не имѣютъ никакого сходства съ черепами извѣстныхъ финскихъ народовъ, они также весьма отличны отъ древнихъ скандинавскихъ череповъ, изображенныхъ Нильсономъ; для сравненія мы представляемъ копію (Табл. 41) рисунка одного изъ череповъ Нильсона. По

всѣмъ даннымъ я заключаю, что черепа изъ Московской губ. принадлежатъ неизвѣстному, весьма древнему, изчезнувшему народу. Такіе же черепа встрѣчаются и въ самой южной Россіи, но не они тамъ обыкновенны.

Итакъ народы пришедши въ Европу, безъ сомнѣнія нашли здѣсь другихъ народовъ, которыхъ остатки въ Испаніи и Албаніи до сихъ поръ еще сохранили свой языкъ. Также весьма вѣроятно, что эти пришедшіе индо-европейцы встрѣчали финскіе племена, которыя и до сихъ поръ еще живутъ въ самыхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Европы, и не принадлежатъ по своему языку, къ индо-европейскому или санскритскому корню. Преданіе финновъ и ихъ искусства, особенно металлическія производства и земледѣліе, которыя существуютъ у нихъ такъ, какъ у сродныхъ имъ по языку азіатскихъ народовъ; все это доказываетъ что они дѣйствительно пришли изъ Азіи, но прежде переселенія индо-германцевъ; по-крайнемѣрѣ несомнѣнно, что въ Скандинавіи и въ Россіи финскіе народы постоянно были выгоняемы.

Но и другіе народы, которыхъ только имена, да и то вѣроятно не всѣ, мы находимъ у древнихъ писателей, не были истреблены въ собственномъ смыслѣ этого слова: цѣлый народъ истребить трудно. Они вѣроятно потеряли только свою самостоятельность и свой языкъ; но кровь ихъ перешла въ кровь индо-германскихъ народовъ, т. е. они слились съ этими народами. Но Индо-германцы превосходили покоренныхъ ими народовъ своею силою, воинственнымъ духомъ, образованностью и умственнымъ развитіемъ; и потому языкъ послѣднихъ мало по малу перешелъ въ языкъ побѣдителей. Лингвисты по видимому совершенно упускаютъ это обстоятельство изъ вида; говоря о распространеніи и раздѣленіи санскритскаго семейства языковъ и индо-германскихъ народовъ, они принимаютъ оба названія за однозначущія. Но въ нашемъ отечествѣ мы ежедневно можемъ наблюдать такіе переходы и даже различныя ихъ степени. Къ сѣверу отъ Москвы, или по край-

ней-мѣрѣ отъ Твери, постепенное смѣшеніе финскаго племени съ русскимъ совершенно очевидно, хотя самыя смѣшанныя племена считаютъ себя совершенно русскими и различіе ихъ языка отъ московскаго нарѣчія выражается такими тонкими оттѣнками, какіе можетъ быть замѣтитъ только знатокъ. По дорогѣ отъ Петербурга до Архангельска, во многихъ мѣстахъ на станціяхъ живутъ люди, которые не только по складу лица, но и по всей своей наружности болѣе походятъ на Финновъ, чѣмъ на Славянъ. Однако они говорятъ по русски; но какъ говорятъ? Они какъ и всѣ западные Финны не могутъ произносить шипящихъ буквъ ч, ш, щ. Это такъ поразило меня, что сначала я думалъ что они говорятъ по фински, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежащихъ въ сторону отъ дороги, а со мною говорятъ по русски и чтобъ быть понятными. Когда я спросилъ ихъ, русскіе ли они, они чрезвычайно удивились и спросили отъ чего я въ этомъ сомнѣваюсь; но зачѣмъ же вы говорите *мальцикъ* вмѣсто мальчикъ, и *лосадь* вмѣсто лошадь, спросилъ я; они засмѣялись и отвѣчали: нашъ языкъ еще не ломанъ,—выраженіе часто финское. Эсты и другіе Финны, когда имъ трудно произносить какое нибудь слово, говорятъ, что это слово ломаетъ языкъ, какъ будто языкъ у нихъ мало гибокъ для того, чтобы произнести это слово. Ближайшія окрестности Петербурга заселены безъ сомнѣнія финскимъ племенемъ, но ежедневныя сношенія съ русскими принуждаютъ этихъ людей говорить по русски. Здѣсь мы встрѣчаемъ всевозможныя степени переходовъ финскаго языка въ русскій: сначала преобладаніе материнаго языка съ небольшимъ знаніемъ языка господствующаго народа, но безъ всякаго почти знанія его грамматики; далѣе оба языка употребляются уже въ одинаковой степени: родной въ семейной жизни, а другой въ сношеніяхъ съ чужими. Но здѣсь уже слова переходятъ изъ одного языка въ другой, и замѣтна борьба между грамматиками обоихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что русскій языкъ одержитъ верхъ, и что скоро нынѣшніе Финны

совершенно обрусѣютъ. Уже и теперь нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма трудно отличить отъ русскихъ по одному языку.

Въ обширной Россіи мы находимъ впрочемъ и обратные переходы. Въ Якутской области, особенно въ Вилуйскомъ округѣ, есть много русскихъ, которые вовсе разъучились говорить по русски; впрочемъ весьма рѣдко случается, чтобы народъ первенствующій въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, принялъ языкъ низшаго народа; это случается только тогда, когда представители господствующаго племени окружены иноплеменниками, превосходящими ихъ числомъ.

Если между новыми поселенцами нѣтъ женщинъ, то потомки обыкновенно принимаютъ языкъ того племени, между которымъ селятся, и это происходитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе разницы въ образованности обоихъ народовъ.

Переселяясь въ Европу индо-европейскіе народы имѣли на своей сторонѣ всѣ преимущества, и потому языкъ ихъ сдѣлался господствующимъ, какъ въ первомъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ. Однако мнѣ кажется, что нынѣшнія изслѣдованія объ этомъ предметѣ не совершенно полны, именно потому что лингвисты считаютъ слишкомъ незначительнымъ вліяніе языка первоначальнаго населенія на языкъ новаго; они мало стараются уяснить себѣ и другимъ, какимъ образомъ одинъ корень распадается на нѣсколько семействъ языковъ, а эти раздѣляются уже на отдѣльные языки; чтобы достигнуть этой цѣли они принимаютъ явленіе и развитіе какой-то внутренней необходимости. Я не такой филологъ, чтобы спорить съ ними о языкахъ, однако достаточно знаю предметъ, чтобы сказать, что старый латинскій языкъ отличается отъ цицероновскаго, а латынь среднихъ вѣковъ уже не та, что у Цицерона. Мнѣ часто случалось встрѣчать не сходства въ русскомъ и греческомъ языкахъ различныхъ эпохъ. Я нѣсколько лучше знаю измѣненія, которыя испыталъ нѣмецкій языкъ въ теченіи послѣднихъ столѣтій. Но эти перемѣны совершаются постепенно, и по

видимому совершенно ничтожны въ сравненіи съ такимъ образованіемъ различныхъ языковъ, гдѣ люди перестаютъ понимать другъ друга, хотя они и знаютъ нѣкоторые звуки. Я довольно знаю, что языкъ, на которомъ еще не пишутъ, измѣняется гораздо скорѣе. Но мнѣ кажется весьма не справедливо думаютъ тѣ, которые допускаютъ что съ языками дѣлается тоже, что съ нѣкоторыми инфузоріями: мы знаемъ что многія инфузоріи въ старости расплываются, исчезаютъ, потому что молодыя инфузоріи, которыя развились въ нихъ, начинаютъ жить самостоятельною жизнію и выходятъ изъ материняго тѣла. Потому ли латинскій языкъ произвелъ на свѣтъ своихъ дѣтей, что самъ уже былъ старъ и пресыщенъ пищею? Нѣтъ. Германскіе народы какъ море новоднили западныя провинціи римской державы. Въ Галліи и въ Испаніи Римляне были уже за нѣсколько столѣтій до того; но латинскій языкъ медленно сливался съ языкомъ туземцевъ, потому что первый всегда оставался господствующимъ въ высшихъ слояхъ общества, и по самому своему внутреннему развитію исключительно употреблялся въ правительственныхъ дѣлахъ. Вскорѣ нашествіе Германцевъ лишило Римлянъ ихъ высокаго положенія въ обществѣ и сблизило ихъ съ туземцами. Тогда туземцы и Римляне стали по неволѣ говорить такъ, чтобы можно было понять другъ друга; слова обоихъ языковъ смѣшивались, грамматическія формы ихъ сглаживались. Но латинскій языкъ какъ самый богатый, какъ наиболѣе развитая форма мышленія, всегда имѣлъ верхъ, хотя и принужденъ былъ, чтобы сдѣлаться болѣе понятнымъ, принять употребленіе членовъ и вспомогательныхъ глаголовъ; такъ въ не многія столѣтія образовались новые языки. Въ Италіи новый языкъ всего болѣе приближается къ старому, потому что всего менѣе заимствовалъ изъ другихъ языковъ. Гдѣ-же тутъ внутренняя необходимость? развѣ и безъ нея не совершенно понятно? Почему же древній сѣверный или Нормандскій языкъ въ Исландіи остался почти неизмѣн-

нымъ, тогда какъ въ другихъ частяхъ Скандинавіи онъ такъ измѣнился, что изъ него даже образовались новые языки? а между тѣмъ прошло уже тысяча лѣтъ какъ въ Исландіи говорятъ этимъ языкомъ; но здѣсь Норманны не смѣшивались ни съ какимъ другимъ народомъ, тогда какъ въ другихъ скандинавскихъ странахъ они при своемъ поселеніи нашли другихъ жителей.

Въ слѣдствіе такого смѣшенія съ предшествовавшими языками, являлись въ сродныхъ языкахъ совершенно различные слова. Напротивъ, если измѣняется слово одного корня въ различныхъ языкахъ въ слѣдствіе различнаго произношенія, всегда въ немъ можно узнать коренное слово, отъ котораго оно произошло.

Языки въ которыхъ встрѣчается много сходныхъ словъ можно считать весьма сродными; таковы напр. Англійскій, Шведскій и Нѣмецкій, или Русскій, Польскій и Чешскій; такіе языки причисляются къ одному семейству. Сравнивая между собою нѣсколько семействъ языковъ, можно съ перваго взгляда подумать, что слова въ нихъ совершенно различны. Но точнѣйшее изслѣдованіе иногда показываетъ, что въ какомъ нибудь древнемъ языкѣ, находятся многіе общіе корни словъ двухъ, по видимому совершенно различныхъ семействъ; такимъ образомъ видно, что и эти семейства имѣютъ нѣкоторое отдаленное сродство: они произошли отъ одного корня. По этому корень языковъ есть совокупность всѣхъ языковъ, которые можно считать произшедшими отъ одного начальнаго. По мнѣнію величайшихъ лингвистовъ, признакомъ бо́льшаго или меньшаго сродства языковъ должно считать не только сходство въ ихъ словахъ, но преимущественно сходство во внутреннемъ грамматическомъ ихъ строеніи. Дѣйствительно надо думать, что во время перваго образованія языковъ явились сначала только слова означающія совершенно единичныя понятія; и притомъ только понятія дѣйствительныхъ, существующихъ предметовъ; но человѣку нужно было выразить отношенія въ которыхъ представляется предметъ; не довольно

сказать *хлѣбъ, мать, дитя* и прибавить глаголъ *дать*; надо еще выразить мать-ли дитяти, или дитя матери даетъ, или прежде дала, или въ послѣдствіи дастъ хлѣба; эти различныя отношенія въ различныхъ языкахъ выражаются весьма различнымъ образомъ. Китайцы произносятъ только одно задругимъ коренныя слова (которыя у нихъ односложны и никогда не измѣняются): намъ это трудно понять. Также поступаютъ и жители восточнаго полуострова Индіи. Лингвисты называютъ такіе языки, *слово-отдѣльными* (isolirende у Нѣмцевъ) въ этихъ языкахъ нѣтъ различія между глаголами и именами. Въ другихъ языкахъ, каковы напр. языки острововъ Великаго океана, глаголы совершенно не измѣняются; и такъ здѣсь вовсе нѣтъ настоящихъ спряженій; еще въ другихъ языкахъ, каковы напр. монгольскій и турецкій, къ кореннымъ словамъ, будутъ ли это глаголы или имена, прибавляются на концѣ отдѣльные слоги; такимъ образомъ выражаются отношенія, которыя мы передаемъ посредствомъ склоненій и спряженій. Эти прибавочные слоги называются *Suffixa*, или иногда они ставятся сначала и тогда называются *Praefixa*. Такіе языки названы *придающими* (agglutinirende), потому что слоги придаются. Лингвисты склонны думать, что эти *suffixa и praefixa* первоначально имѣли также значеніе словъ. Въ болѣе развитыхъ языкахъ, для выраженія грамматическихъ формъ, измѣняются самыя коренныя слова, иногда въ окончаніяхъ, какъ въ индо-еввопейскихъ языкахъ, а иногда въ срединѣ чрезъ перемѣну гласныхъ, какъ напр. въ семитическихъ языкахъ. Такіе языки называются *измѣняющими* (flectirende). (*) По мнѣнію многихъ лингвистовъ измѣняющіяся окончанія произошли отъ сокращенія *Suffixa*. Академикъ *Бетлингъ* въ одномъ сочиненіи увѣряетъ, что въ писменномъ монгольскомъ языкѣ, который есть самый древній, прибавочные слоги остаются еще отдѣльными, но что въ разговорномъ они уже сливаются съ коренными словами. Такъ напр. въ русскомъ языкѣ прибавочный слогъ еще легко отличить въ родительномъ— отъ дитя — *дитяти*; но — рукѝ родительный отъ рука— представляетъ уже только измѣненіе кореннаго слова.

(*) Языки въ которыхъ при склоненіи и спряженіи измѣняются самыя слова называютъ также *органическими*; а языки въ которыхъ склоненія и спряженія производятся чрезъ прибавленіе слоговъ называются *неорганическими*.

Но и въ послѣднемъ случаѣ, можно думать что измѣненное окончаніе падежа произошло отъ того, что прибавочный слогъ слился съ кореннымъ словомъ; это могло произойти еще въ томъ языкѣ, изъ котораго развился русскій. Въ русскомъ языкѣ иногда измѣняются и средніе слоги, это подтверждаетъ слово дитя, въ которомъ при образованіи множественнаго числа: *дѣти*, измѣняются только гласныя буквы.

Американскіе языки имѣютъ ту особенность, что въ нихъ множество словъ соединяются въ одно; при этомъ изъ нѣкоторыхъ словъ выбрасываются буквы или цѣлые слоги. Такіе языки названы *сливающими* (полисинтетическими).

Измѣняющіе языки имѣютъ очевидно, самое благопріятное устройство, для того чтобы выразить всѣ возможныя отношенія.

Способъ выраженія самой мысли, или Синтаксисъ, гораздо важнѣе, чѣмъ способъ измѣненія коренныхъ словъ; въ грубыхъ языкахъ совсѣмъ нельзя выразить многія формы мышленія, или для этого надо прибѣгать къ самымъ запутаннымъ оборотамъ рѣчи. Напротивъ, въ другихъ болѣе развитыхъ языкахъ эти же формы весьма обыкновенны; у народовъ говорящихъ такими языками, даже люди не одаренные большими умственными способностями съ малолѣтства привыкаютъ къ этимъ формамъ и совершенно ихъ понимаютъ. Вообще можно сказать что народы учась говорить, учатся и мыслить; взрослые передавая дѣтямъ свой способъ выраженія, передаютъ имъ и свой образъ мышленія. Многія идеи, которыя распространяются весьма медленно, и понятны только людямъ глубокомыслящимъ, скоро дѣлаются достояніемъ многихъ, если только будутъ выражены однимъ словомъ. Человѣческій умъ такъ устроенъ, что только постепенно переходитъ отъ чувственныхъ представленій большаго и малаго, круглаго и четвероутольнаго, къ отвлеченнымъ понятіямъ величины и формы. Но эти понятія скоро дѣлаются общедоступными, когда найдены соотвѣтствующія имъ слова; дикіе народы почти вовсе не имѣютъ отвлеченныхъ понятій. Всякій человѣкъ мыслитъ, руководствуясь языкомъ, на которомъ привыкъ говорить. Всего лучше можно убѣдиться въ этомъ, если наблюдать какимъ образомъ мы думаемъ о какомъ нибудь предметѣ; въ этомъ случаѣ мы говоримъ сами съ собою, но внутреннимъ языкомъ и употребляемъ

обыкновенно слова и фразы, а только не произносимъ ихъ. Языкъ потому такъ важенъ для умственнаго развитія, что въ немъ заключается уже образъ мышленія. По этому то мы думаемъ, что племя, принимая другой языкъ дѣлается и другимъ народомъ; чрезъ нѣсколько поколѣній оно уже станетъ мыслить какъ тотъ народъ, котораго языкъ оно приняло. Къ этому надо еще прибавить, что два первоначально различные народа смѣшиваются весьма скоро если они говорятъ однимъ языкомъ, и по этой причинѣ тѣлесныя особенности у такихъ племенъ скоро сглаживаются.

О народахъ въ этомъ отношеніи должно судить иначе нежели объ отдѣльныхъ недѣлимыхъ; человѣкъ который учится говорить и думать на какомъ нибудь языкѣ не теряетъ особенностей, которыя принадлежатъ ему какъ отдѣльному недѣлимому; а народъ, который живетъ долго въ этомъ случаѣ измѣняется послѣдовательно въ поколѣніяхъ.

По этому, мы лучше должны раздѣлить народы по различію ихъ языковъ, ибо тогда всего лучше можемъ понять на какой степени развитія стоитъ каждый народъ сравнительно съ другими; но наука языковъ еще въ юности; сродство корней языковъ наиболѣе изслѣдованныхъ составляетъ еще предметъ споровъ; языки африканскіе и новоголландскіе извѣстны еще менѣе.

По этому, раздѣляя родъ человѣческій на группы, мы будемъ принимать въ соображеніе какъ тѣлесное, такъ и духовное, и общественное развитіе народовъ, для того чтобы по возможности распредѣлить народы по ихъ происхожденію. Такъ напр. мы не отдѣляемъ народовъ Сѣверо-западной оконечности Азіи отъ ихъ сосѣдей, хотя происхожденіе ихъ еще неизвѣстно; потому что сосѣдственные эти народы сходны съ ними въ физическомъ и въ духовномъ отношеніяхъ.

ОБОЗРѢНІЕ ГРУППЪ НАРОДОВЪ НАСЕЛЯЮЩИХЪ ЗЕМНОЙ ШАРЪ.

1-я *Группа. Негритосъ* или *Меланійцы.*

Обитатели западной половины Великаго океана, которые приближаются къ Неграмъ цвѣтомъ кожи, называются *Неграми Южнаго моря, Негритосъ* или *Меланійцами*; они стоятъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи на низшей степени развитія.

Выдающіяся челюсти, покатый къ зади лобъ и темный цвѣтъ кожи, который иногда переходитъ въ черно-бурый, а иногда отъ примѣси голубаго въ пепельный — всѣ эти признаки отличаютъ Негритосъ отъ Малайцевъ и отъ жителей восточной части Великаго океана, и приближаютъ ихъ къ Африканскимъ Неграмъ. Однако они не имѣютъ приплюснаго, съ выдающимся впередъ концемъ, носа настоящихъ Негровъ; даже только не многіе изъ нихъ имѣютъ настоящіе рунообразные волосы.

Основываясь на качествѣ волосъ и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ, Негритосъ, можно раздѣлить на два семейства, изъ которыхъ многіе этнографы сдѣлали 2 и даже 3 отдѣльныя племени.

а) У нѣкоторыхъ народовъ, которые принадлежатъ къ этому семейству, волосы длинные или слегка курчавые; сюда принадлежатъ прежде всего всѣ *обитатели Новой Голландіи* (Т. 40 ф. 1.) Кромѣ выдающихся челюстей и длинныхъ не курчавыхъ волосъ, они характеризуются весьма выдающимися скулами, нависшими бровями и часто имѣютъ весьма тонкія ноги и руки, дѣлающія ихъ похожими на обезьянъ. Въ нѣкоторыхъ плодородныхъ частяхъ во внутренности материка они болѣе развиты. Тонкія, часто кривыя ноги преимущественно составляютъ принадлежность тѣхъ

которые ведутъ нищенскую жизнь въ окрестностяхъ колоній, потому что плантаціи европейскихъ колонистовъ значительно уменьшили количество кэнгуру и другой дичи. Туземцы Новой Голландіи, тамъ гдѣ они еще только съ недавняго времяни подвергаются угнѣтеніямъ болѣе образованныхъ народовъ, питаются только животными которыхъ имъ удастся убить; и при маломъ числѣ съѣдобныхъ растеній, въ этой части свѣта, они вовсе не занимаются земледѣліемъ; за то они не пренебрегаютъ никакими животными, даже червями и бабочками. Всѣ животныя вещества они ѣдятъ какъ добудутъ сырыми, или измѣняютъ ихъ весьма мало. Они вообще довольно добродушны и веселы тамъ, гдѣ не приходятъ въ соприкосновеніе съ европейскими притѣснителями; однако можно сказать, что жизнь ихъ полузвѣрская: имъ вовсе неизвѣстны блага общественности, въ бо́льшей части странъ, они не имѣютъ никакихъ жилищъ; только воткнутыя въ землю вѣтви, доставляютъ имъ скудную защиту отъ непогодъ; въ другихъ мѣстахъ найдены были легко построенныя хижины; но эти люди живутъ въ нихъ только нѣкоторое время, а потомъ оставляютъ. У нихъ нашли дубины, дротики, щиты и булавы; однако луки и стрѣлы имъ совершенно не извѣстны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ племенъ сѣвернаго берега, вѣроятно узнавшихъ употребленіе этихъ орудій отъ Малайцевъ, съ которыми имъ случилось имѣть хотя сношенія. Прибавивъ къ этому сѣти и легкія лодочки, которыя употребляются, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣвернаго берега, мы назвали все, что произвела изобрѣтательность этихъ людей. Такъ какъ они весьма недовѣрчивы къ иностранцамъ и не имѣютъ никакой склонности къ подражанію, то и не выучились отъ Европейцевъ ничему, что могло бы служить къ улучшенію ихъ общественнаго состоянія. Только на сѣверномъ берегу ихъ состояніе нѣсколько лучше, частью потому, что здѣсь природа не такъ скупа, и не господствуетъ такая засуха, а частью можетъ быть и потому, что

жители здѣсь приходятъ въ соприкосновеніе съ Малайцами, которые менѣе отъ нихъ отличаются. Они не приручили ни одного животнаго, хотя въ ихъ отечествѣ есть дикія собаки, которыя часто даже принимаютъ участіе въ ихъ охотахъ, чтобы послѣ подѣлиться съ ними добычею. Не имѣя домовъ, они не могли сдѣлать собакъ домашними животными. Они живутъ небольшими семействами, потому что только такимъ образомъ могутъ снискивать себѣ пропитаніе.

Религіозныя понятія у Новоголландцевъ развиты очень мало; однако эти люди вѣрятъ, по видимому, въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Потому здѣсь не совсѣмъ нѣтъ недостатка въ людяхъ, которые, пользуясь этими вѣрованіями, выдаютъ, а можетъ быть и сами считаютъ себя, за людей находящихся въ близкомъ соприкосновеніи съ міромъ духовъ. Само собою разумѣется что у Новоголландцевъ не найдено никакихъ слѣдовъ писменности.

Число языковъ въ Новой Голландіи весьма велико, такъ что племена живущія весьма не далеко, часто не понимаютъ другъ друга. Впрочемъ внимательное разсмотрѣніе собраній словъ и фразъ, показало что всѣ эти языки принадлежатъ къ одному корню; не только многія слова одинаковы во всѣхъ частяхъ материка, но даже грамматическое строеніе языковъ вездѣ одно и тоже, и различно отъ строенія Малайско-океанійскихъ. Также досихъ-поръ найдено весьма мало словъ общихъ жителямъ Новой Голландіи и другихъ острововъ Южнаго океана, кромѣ весьма близкихъ къ ней. Однако этотъ корень языковъ не такъ отъединенъ отъ другихъ, чтобы можно было думать, что жители Австраліи не суть переселенцы, а живутъ въ ней издревле. Есть сходство между мѣстоименіями языковъ австралійскихъ и одного изъ языковъ Индіи, не принадлежащаго къ санскритскому корню; далѣе въ обоихъ языкахъ замѣтно большое сходство между многими коренными словами. Оба эти факта не позволяютъ сомнѣваться, что Новая Голландія заселена

въ древности индійскими переселенцами. Мы начали нашъ обзоръ съ Новоголландцевъ, потому что они болѣе другихъ народовъ имѣютъ опредѣленный характеръ самостоятельнаго племени.

b) На всей цѣпи Малайскихъ острововъ отъ полуострова Малакки до Новой Гвинеи обитаютъ народы, которые особенно многочисленны на островахъ Борнео и Целебесъ, и живутъ въ совершенно дикомъ состояніи; преслѣдуемые болѣе образованными Малайцами и ужасаемые ими, эти народы должны были удалиться въ горы, гдѣ они ведутъ самую жалкую жизнь; они также вѣроятно жили и на Явѣ, гдѣ теперь ихъ уже нѣтъ. Они вообще весьма похожи на Новоголландцевъ; имѣютъ такіе же длинные, совершенно гладкіе или мало курчавые волосы, но цвѣтъ кожи у нихъ обыкновенно темно-бурый, рѣдко черноватый, свѣтлѣе чѣмъ у обитателей тропической части Новой Голландіи. Ихъ считали особеннымъ племенемъ, которое назвали *Альфуру*, *Гарафора* (Harafora); это имя даютъ имъ въ голландскихъ колоніяхъ, но оно весьма неопредѣленно и имѣетъ почти одинаковое значеніе съ словомъ— дикіе. Въ настоящее время едва ли можно причислять это племя къ австралійскому, на основаніи его языка: въ тѣхъ случаяхъ гдѣ удалось изслѣдовать нарѣчія этого разсѣяннаго племени, они представляютъ большое сродство съ языками малайскаго корня.

По этому должно думать, что если эти люди въ самой глубокой древности составляли одно племя съ Новоголландцами, то послѣдніе съ тѣхъ поръ самостоятельно измѣнились, потому что имѣли мало сношеній съ другими народами. Языки Малайскаго корня произошли, можетъ быть, отъ языка такъ-называемыхъ Альфуру, и въ теченіи времени получили дальнѣйшее развитіе въ слѣдствіе новыхъ переселеній изъ западнаго и восточнаго индійскихъ полуостровъ, и изъ Китая.

c) Но еще болѣе приводятъ въ смущеніе черные съ курчавыми волосами народы, населяющіе большую дугу острововъ

которая начинается Новою Гвинеей и состоитъ изъ Новой Британіи, Соломоновыхъ острововъ, Новой Каледоніи и оканчивается Вандименовой землей. Этихъ-то людей и назвали собственно Австралійскими Неграми. Хотя не многіе изъ нихъ имѣютъ настоящіе рунообразные волосы, у большей части волосы только весьма курчавы, и у не многихъ далеко отстаютъ отъ головы, какъ напр. у Папуасовъ, на Новой Гвинеѣ; у другихъ они висятъ внизъ завитыми прядями. Конечно въ ихъ языкѣ есть нѣкоторые элементы малайскіе; однако онъ отличается отъ малайскаго и отъ языка жителей малыхъ восточныхъ океанійскихъ острововъ, гораздо болѣе, чѣмъ два послѣдніе языка между собою. При томъ въ характерѣ этихъ черныхъ океанійцевъ нѣтъ обходительности восточныхъ океанійцевъ. По этому мы можемъ принять мнѣніе, основанное на результатахъ послѣдняго американскаго путешествія вокругъ свѣта. Это мнѣніе состоитъ въ томъ, что на группѣ острововъ, которую называютъ *Меланійскою* (отъ *μελανος*, черный), жило прежде племя похожее на Негровъ, но впослѣдствіи оно смѣшалось съ Малайцами. Уже прежде французскіе путешественники принимали *Папуасовъ* Новой Гвинеи, за смѣшанное племя. Первоначальное племя въ наибольшей чистотѣ сохранилось можетъ быть на Вандименовой землѣ. У обитателей этихъ острововъ, теперь почти совершенно истребленныхъ, лице можетъ быть наиболѣе удалялось отъ нашего идеала красоты; личной уголъ былъ у нихъ весьма малъ и въ тоже время скулы значительно выдавались въ стороны. При томъ эти народы, по своимъ нравамъ, представляли высшую степень дикости.

2-я *Группа. Океанійцы* или *Полинезійцы.*

Совершенно отличны отъ жителей материка Австраліи и острововъ западной части Великаго океана или Южнаго моря, обитатели маленькихъ острововъ, которые у-

сѣиваютъ, такъ сказать, всю сѣверную часть этого же океана и всю южную, начиная отъ Новой Зеландіи. Лице у нихъ открытое, пріятное, лобъ высокій, профиль похожъ на греческій; глаза у нихъ широко-открытыя, и носъ обыкновенно красиво выдается впередъ. Въ складѣ лица у нихъ есть нѣчто европейское, хотя челюсти и скулы у нихъ часто болѣе выдаются чѣмъ у Европейцевъ, и губы иногда нѣсколько толсты. Цвѣтъ кожи измѣняется, на различныхъ островахъ, отъ оливково-желтаго до красно-бураго и даже до черно-бураго, но никогда не бываетъ такъ черенъ, какъ у *Негритосъ*. Говоря объ этихъ измѣненіяхъ надо еще прибавить, что почти на всѣхъ группахъ острововъ, начальники, которые сами не работаютъ и не заботятся о пропитаніи, бываютъ гораздо свѣтлѣе цвѣтомъ чѣмъ простой народъ; по этому же и женщины этого народа гораздо свѣтлѣе мужчинъ. Туловище и особенно члены, по своей формѣ вообще красивѣе чѣмъ у Негритосъ и часто приближаются къ нашему идеалу красоты. Тилезіусъ, который, какъ искусный живописецъ, хорошо понимаетъ этотъ предметъ, былъ приведенъ въ восхищеніе формами Нукагивовъ и сравнивалъ ихъ съ произведеніями греческаго искусства.

Весьма замѣчательно, что различныя нарѣчія, которыми говорятъ жители всѣхъ этихъ разсѣянныхъ острововъ, принадлежатъ къ одному корню; даже у Малайцевъ, которые совершенно заселяютъ Малые Молукскіе острова и берега Большихъ, языки хотя и отличаются отъ прочихъ, но тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ тому же корню; это семейство или корень языковъ называютъ поэтому *малайскимъ*. Въ южной части Цейлона и на Мадагаскарѣ мы также встрѣчаемъ одинъ изъ малайскихъ языковъ; и такъ распространеніе этого корня по землѣ еще обширнѣе, чѣмъ индо-европейскаго: послѣдній занимаетъ 90° долготы, а первый болѣе 180.

Уже Форстеръ, спутникъ Кука, замѣтилъ что нѣкоторыя мадагаскарскія слова употребительны на всемъ Ти-

хомъ океанѣ до самой Америки. Преимущественно это замѣчаніе и побудило Блуменбаха, который мало зналъ черныхъ жителей острововъ западной половины Великаго океана, составить изъ жителей осторовъ этого океана пятую породу, и назвать ее *малайскою*; подъ этимъ именемъ Блуменбахъ разумѣлъ, кромѣ настоящихъ Малайцевъ, всѣхъ жителей острововъ Южнаго моря. Съ нимъ надо было бы согласиться, не принимая даже въ расчетъ что островитяне Южнаго океана говорятъ не по малайски, если бы мы стали группировать людей по языкамъ.

Но Блуменбахъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ основываться на тѣлесномъ устройствѣ; и онъ встрѣчаетъ здѣсь величайшія трудности, для преодоленія которыхъ долженъ былъ отклониться отъ своихъ началъ. Такъ собственно малайскіе народы индійскихъ острововъ весьма походятъ на Китайцевъ. Они обыкновенно малорослы; лице у нихъ плоское, съ выдающимися скулами, глаза узкіе съ паправленнымъ въ низъ внутреннимъ угломъ; цвѣтъ лица Малайцевъ желтоватый и не много темнѣе чѣмъ у Китайцевъ, только потому что первые болѣе подвергаются дѣйствію солнечнаго жара. Къ этому надо еще прибавить, что Малайцы уже издавна имѣютъ писмена и свою литературу, которая можетъ быть принадлежитъ исключительно имъ. Уже однѣ эти причины заставили бы насъ отдѣлить ихъ отъ Океанійцевъ, съ цѣлію сказать нѣсколько словъ о состояніи образованности послѣднихъ, но кромѣтого и физическій ихъ характеръ дѣлаетъ это раздѣленіе необходимымъ.

Но несмотря но это, языкъ Океанійцевъ неоспоримо доказываетъ, что они по крайней мѣрѣ отчасти, происходятъ отъ Малайцевъ. Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать что послѣдніе произошли отъ смѣшенія Китайцевъ или жителей восточнаго полуостова Индій (которые походятъ на Китайцевъ) съ жителями западнаго и, болѣе или менѣе, съ черными туземцами. Къ предкамъ Малай-

цевъ вѣроятно примѣшались колонисты прибывшіе изъ западной части океана и можетъ быть изъ Америки, особенно изъ сѣверной ея части, которые уже издавна знали искуство мореплаванія; этимъ всего проще объясняется разнообразіе цвѣта кожи у Океанійцевъ, которые иногда бываютъ красноватобурые, а иногда болѣе желтые; часто жители однихъ острововъ весьма темны, а жители другихъ, лежащихъ близко къ первымъ, гораздо свѣтлѣе. Такъ напр: жители Жемчужныхъ острововъ гораздо темнѣе жителей Отаити, который находится недалеко отъ Жемчужныхъ острововъ. Это не можетъ происходить только отъ климата.

Итакъ нельзя сомнѣваться, что Океанійцы произошли отъ смѣшенія трехъ различныхъ народовъ. Это подтверждаетъ наше мнѣніе, что смѣшеніе племенъ развитыхъ одностороннимъ образомъ, въ особенности плосколицыхъ и съ лицемъ выдающимся, производитъ племя, отличающееся красотой тѣла и большею способностью къ умственному образованію.

Дѣйствительно Океанійцы болѣе чѣмъ какое либо другое племя, способны къ воспринятію европейской образованности. Этимъ они совершенно отличаются отъ Австралійцевъ, которые съ самаго начала, принимали Европейцевъ съ ненавистью и недовѣрчивостью и упорно противились всякому измѣненію въ образѣ жизни а соглашались лучше погибнуть чѣмъ перенять что либо у Европейцевъ (*).

Совершенно не такъ дѣйствовали Океанійцы; они почти вездѣ встрѣчали Европейцевъ дружелюбно, и сейчасъ начинали имъ подражать, сначала весьма наивно и по дѣтски; они гордились если могли навѣсить на себя какіе нибудь европейскіе лоскутья, хотя бы эти уборы только обременяли ихъ безъ всякой пользы. Про-

(*) Только два католическіе миссіонера, одинъ на восточномъ а другой на западномъ берегу, на малыхъ пространствахъ, приобрѣли довѣренность туземцевъ.

данные матросами чулки они надѣвали на руки, желая украсить ихъ прежде нежели ноги. Рубашки были также полезны и также нравились имъ. Кто не имѣя рубашки могъ достать себѣ панталоны, жилетъ или фракъ не менѣе гордился этими пріобретѣніями, съ удовольствіемъ надѣвалъ и носилъ ихъ, хотя они были вовсе не впору и хотя потъ градомъ лилъ съ него. Но эти дикіе, въ тоже время были весьма любознательны и старались перенимать все, что касается домашняго быта Европейцевъ. Эта любознательность и переимчивость и также сознаніе превосходства Европейцевъ, имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія; не только нѣкоторые недѣлимые употребляли всѣ средства, чтобы увидѣть Европу, но жители на многихъ островахъ даже приняли христіанскую религію и европейскія искуства, а теперь земледѣліе распространяется болѣе и болѣе между ними.

Обратимся однако къ прежнему быту этихъ островитянъ, который развивался безъ содѣйствія Европейцевъ.

Во многихъ отношеніяхъ, они стояли гораздо выше черной породы; пища ихъ не ограничивалась одними сырыми необработаными произведеніями. Они откормливали свиней и собакъ, обработывали особенный видъ сахарнаго тросника, который былъ перенесенъ Европейцами въ Вестъ-Индію и оказался выгоднѣе прежде извѣстнаго; кромѣ этого они разводили другія растенія, доставляющія пищу, напр: бананы съ съѣдобными плодами и растенія доставляющія питательные корни. Самая малость острововъ естественнымъ образомъ побуждала ихъ перейти къ осѣдлому образу жизни. Этотъ переходъ облегчали еще туземныя деревья кокосовое и хлѣбное, которыя надо только разъ посадить и сберечь, чтобы въ продолженіи долгаго времени имѣть обильный запасъ пищи. Поэтому они и прежде прибытія Европейцевъ, имѣли уже болѣе или менѣе спокойныя жилища и нѣкоторыя домашнія утвари, и у нихъ было даже довольно раз-

вито понятіе о владѣніи собственностью. Правда понятія ихъ о правѣ собственности на движимыя имущества были довольно шатки. Это доказываетъ ихъ общая страсть къ воровству; но эта же страсть служитъ доказательствомъ, что въ нихъ сильно было развито стремленіе къ улучшенію своего быта; тогда какъ топоумный Негритосъ нисколько не имѣетъ предметовъ, которые не могутъ быть ему полезны сейчасъ.

Безстыдство женщинъ, замѣченное первыми путешественниками, вѣроятно происходило частью отъ любви къ прибытку и отъ преобладающей легкомысленности, а частью и отъ униженія въ которомъ находился женскій полъ на этихъ островахъ.

Дѣйствительно, въ послѣдствіи общественныя отношенія вовсе не оказались того идиллическаго характера, какой здѣсь описывали первые путешественники, обольщенные ласковымъ пріемомъ туземцевъ и превосходнымъ климатомъ. На Отаити и многихъ другихъ островахъ, съ женщинами обращались какъ съ низшимъ классомъ людей т. е. считали ихъ нечистыми; многія кушанія были имъ вовсе запрещены; онѣ вообще не могли ѣсть даже и позволенныхъ кушаньевъ, которыхъ прежде поѣлъ мущина; они не могли ѣсть подъ той кровлей, подъ которою ѣли мущины, а имѣли особенныя маленькія хижины, гдѣ должны были насыщать свой голодъ самыми плохими кушаньями. Женщины не могли даже пользоваться тѣмъ огнемъ, который зажегъ мущина: такой огонь былъ поэтому самому выше ихъ. Въ слѣдствіе всего этого настоящей семейной жизни вовсе не было. Женщина конечно не была въ строгомъ смыслѣ рабою мужа, какъ у американскихъ дикарей: тяжелыя работы исправлялъ мужъ на открытомъ воздухѣ, а женщина преимущественно была обязана выдѣлывать ткани; однако она была только служанка мужа, которая должна была заботиться о его пищѣ и одеждѣ. Можно ли удивляться что при этомъ

положеніи, женщины, во время открытія этихъ острововъ, не оказывали вовсе женской стыдливости, такъ, что впослѣдствіи христіанскіе миссіонеры съ большимъ трудомъ могли приучить ихъ къ этой добродѣтели. Но это еще не все, Материнское чувство, которое живо даже и у голодающихъ женщинъ Огненной земли, и въ бразильскихъ лѣсахъ, и у Негритянокъ, это чувство на Отаити развито весьма мало: даже дѣтоубійство тамъ такъ обыкновенно, что могъ бы обезлюдѣть островъ. Хотя не въ такой степени, какъ на Отаити, положеніе женщинъ было весьма жалко и на всѣхъ восточныхъ островахъ. Но далѣе къ западу на Каролинскихъ, Маріанскихъ, островахъ Радакъ женщина является настоящей подругой мущины; она гораздо честнѣе и безъ сомнѣнія болѣе нѣжная мать. Униженное состояніе женщинъ въ восточной части Архипелага основано на чрезвычайно спутанныхъ религіозныхъ понятіяхъ, которыя и до сихъ поръ еще не изслѣдованы во всей полнотѣ. Извѣстно только что эти понятія, которыя не смотря на добродушіе туземцевъ требуютъ человѣческихъ жертвъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ, во всей силѣ поддерживаются сословіемъ наслѣдственныхъ жрецовъ. На западныхъ островахъ нѣтъ касты жрецовъ, тамъ даже повидимому вовсе нѣтъ жрецовъ.

Въ отношеніи высшаго умственнаго развитія, надо положить различіе между Океанійцами и собственно Малайцами. Послѣдніе имѣютъ свою литературу на двухъ языкахъ, на языкѣ Тагала (на Филипинскихъ островахъ) и особенно на языкѣ Кави, на островѣ Явѣ. Напротивъ у Океанійцевъ не нашли никакихъ слѣдовъ писменности. Но языки жителей океанійскихъ острововъ принадлежатъ къ малайскому корню, поэтому мы не можемъ сомнѣваться, что самые жители, по крайней мѣрѣ частію, происходятъ отъ Малайцевъ. Однако островитяне неимѣютъ писменъ, а потому мы должны принять что острова населились прежде появленія литературъ Кави и Тагала. Мы и описы-

вали этихъ островитянъ, какъ отдѣльную группу; потому что они развивались особеннымъ образомъ.

Миссіонеры нашли у жителей океанійскихъ острововъ весьма много пѣсенъ.

По мѣрѣ развитія особенностей, народъ раздѣлился на рѣзко разграниченныя касты. Онъ не имѣлъ недостатка въ изобрѣтательности, занимался многими ремеслами требующими большаго искуства, и скоро понялъ и перенялъ производства европейской промышленности.

Вообще можно сказать, что Океанійцы отъ природы надѣлены многими хорошими качествами, и невыгодныя условія для ихъ общественнаго быта должно приписать кастѣ жрецовъ, которая, при недостаткѣ сношеній съ другими народами, приобрѣла слишкомъ большую власть. Она распоряжалась совершенно произвольно и народъ, не имѣя никакихъ основательныхъ познаній, не могъ имъ противостоять или противорѣчить.

III. *Группа. Американцы.*

Мы обращаемся теперь къ этой группѣ, для того чтобы въ послѣдствіи не разъединять группъ стараго свѣта.

Лингвисты изумляются, замѣчая во множествѣ языковъ и нарѣчіи (ихъ насчитываютъ 1800—2000), которые существуютъ въ Америкѣ, большое сходство въ грамматическихъ формахъ и въ тоже время чрезвычайное разнообразіе словъ. Сходство грамматическихъ формъ замѣчается во всѣхъ языкахъ Америки отъ самаго глубокаго сѣвера до южнаго предѣла (Мысъ Горнъ). На основаніи законовъ новѣйшаго языкознанія это сходство коренныхъ словъ доказываетъ общность происхожденія; въ лѣсахъ Америки какъ въ южной, такъ и въ сѣверной ея половинѣ, многіе народы живутъ отдѣльными семействами, потому что снискиваютъ себѣ пропитаніе охотой. Поэтому здѣсь всего удобнѣе могутъ образоваться новыя слова. Семей-

ства языковъ этого, далеко распространеннаго корня, разработаны довольно удовлетворительно, какъ въ сѣверной такъ и въ южной половинѣ Америки. Если здѣсь еще есть языки имѣющіе другое строеніе, то ихъ распространеніе должно быть весьма ограниченно; всѣ хорошо изслѣдованные американскіе языки — полисинтетическіе.

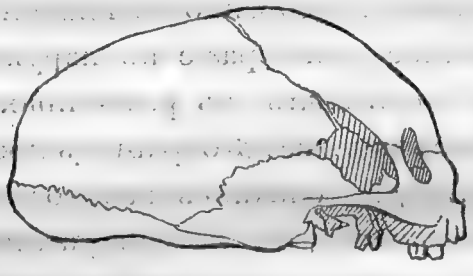
Мы придемъ гораздо болѣе въ замѣшательство, если захотимъ, основываясь на самыхъ вѣрныхъ авторитетахъ представить общую картину физическихъ свойствъ всѣхъ природныхъ жителей Америки. Выраженіе «кто видѣлъ одного индійца видѣлъ и всѣхъ» прежде имѣло значеніе пословицы; извѣстно что Коллумбъ назвалъ американскихъ туземцевъ *Индійцами*, думая что открытый имъ Архипеллагъ составляетъ продолженіе Индій: почему онъ и назвалъ этотъ Архипеллагъ западной Индіей. Произшедшее отсюда названіе Индійцевъ сохранилось до сихъ поръ. Наблюденія вовсе не подтвердили предположенія о сходствѣ Американцевъ между собою, и показали что туземцы, особенно въ южной Америкѣ, представляютъ большое разнобразіе въ наружномъ видѣ. Дорбиньи, который изъѣздилъ въ различныхъ направленіяхъ всю южную Америку, и вездѣ обращалъ преимущественное вниманіе на людей, считаетъ необходимымъ раздѣлить всѣхъ южно—американцевъ на три различныя породы. Поэтому прежніи взглядъ совершенно ложенъ? Едва-ли! самъ Мортонъ, объ которомъ мы уже упоминали и съ которымъ теперь познакомимся еще ближе, Мортонъ, который самъ живетъ въ сѣверной Америкѣ и не только видалъ, но и хорошо изслѣдовалъ и различнымъ образомъ измѣрялъ сотни американскихъ череповъ изъ разныхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе весьма рѣшительно выражаетъ мнѣніе, что всѣ американскіе народы, по тѣлесному устройству принадлежатъ къ одному типу. Онъ думаетъ что Американца никакъ нельзя смѣшать съ человѣкомъ другаго племени «взгляните, говоритъ онъ, на атлетическаго Карайба, на приземистаго Хайма, на черна-

го Калифорница, или на красиваго Борроа, всегда вездѣ вы узнаете Индійца.»

Какой-же результатъ вывести изъ этихъ рѣзко—противорѣчащихъ мнѣній.

Прежде всего надо обратить вниманіе на удобства наблюденія и основныя начала спорящихъ сторонъ и тогда уже выводитъ свой собственный результатъ. Тутъ мы увидимъ, что Мортонъ изслѣдовалъ преимущественно черепа и что онъ или совсѣмъ не видалъ народовъ южной Америки, или изслѣдывалъ ихъ не со всѣхъ сторонъ. Конечно черепа различныхъ Американцевъ весьма значительно различаются другъ отъ друга своею наружною формою, съ перваго взгляда болѣе даже чѣмъ всѣ черепа стараго свѣта. На высокихъ равнинахъ въ Перу находятъ могильные своды, въ которыхъ во множествѣ свалены черепа, принадлежащіе древнему изчезнувшему народу Аймара. Въ этихъ черепахъ лобъ такъ далеко уходитъ назадъ, собственно черепъ такъ низокъ и вытянутъ въ длину, что въ нихъ едва можно узнать человѣческую форму; съ перваго взгляда можно даже предполагать особенный видъ человѣческаго рода, если принимать эту форму за естественную, какъ это дѣлали достойные уваженія путешественники. Однако Мортонъ нисколько несомнѣвался что эти черепа обезображены искуствомъ; потому что этотъ дикій обрядъ еще до сихъ поръ существуетъ въ сѣверной Америкѣ у племяни туземцевъ, которыхъ называютъ поэтому *плоскоголовными Индѣйцами*; притомъ же найдены весьма древніе перуанскіе черепа, но которые небезображены такимъ образомъ. Ка-

Фиг. 36.



Черепъ Аймара, дитяти.

жется даже этому искаженію подверглись исключительно головы начальниковъ, и притомъ только мужескаго пола (*). На оборотъ, другіе народы сдавливаютъ черепъ спереди назадъ, такъ что онъ дѣлается чрезвычайно высокимъ и короткимъ. (ф. 37). Подобнымъ же образомъ, хотя въ меньшей степени былъ сдавленъ и черепъ который мы получили изъ Новой Калифорніи отъ Капитана Купріянова, который привезъ его съ собою изъ окрестностей прежней русской коллоніи Россъ. (См. Табл. 29. фиг. 5.)

Фиг. 37.

Черепъ Начеза (Natchez).

Хотя Дорбиньи хорошо зналъ, что форма этихъ череповъ измѣнена искуственнымъ образомъ, но онъ явственно придавалъ слишкомъ много важности цвѣту кожи.

Мортонъ предлагаетъ слѣдующіе признаки, какъ общіе всѣмъ Американцамъ: всѣ имѣютъ длинныя, гладкія, черныя волосы; цвѣтъ кожи бурый или коричневый (этотъ признакъ имѣетъ много важныхъ исключеній); густыя, надвинутыя на глаза брови и странныя, сонныя глаза; губы толстыя (но не отвислыя), выдающійся но широкій носъ. Въ черепѣ Американцевъ Мортонъ нахо-

(*) Описанія очевидцевъ сдѣлали теперь извѣстными многіе способы этой операціи: обыкновенно дитя привязываютъ къ выдолбленной доскѣ, въ которой продѣлано отверстіе для затылка, и придавливаютъ ему къ темяни, посредствомъ ремней или веревокъ, маленькую дощечку. Въ этихъ ужасныхъ оковахъ остается несчастное дитя въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; покуда сростутся кости. Глаза его при этомъ выпячиваются къ наружи, какъ у крысы. Извѣстно что Американцы, у которыхъ это обыкновеніе до сихъ поръ еще существуетъ, нисколько не ниже другихъ въ отношеніи умственныхъ способностей.

дить слѣдующіе признаки: задняя часть головы плоская или вертикальная, лобъ низкій наклоненый къ зади, челюсти массивныя, скуловыя кости высокія, глазныя впадины большія четыреугольныя, верхній ихъ край немного а нижній весьма значительно изогнуты.

Эта характеристика должна прилагаться какъ къ дикимъ, такъ и къ полуобразованнымъ народамъ Америки. Однако намъ встрѣтятся значительныя уклоненія въ отношеніи цвѣта кожи. Что касается до волосъ, то весьма замѣчательно, что во всей Америкѣ нельзя найти людей съ настоящими рунообразными волосами. Но извѣстны еще нѣкоторыя другія уклоненія, и многія изъ нихъ весьма странны. Такъ на берегахъ р. Миссисипи живетъ небольшой народъ *Мандары*, въ которомъ весьма часто встрѣчаются сребристо-сѣрые волосы у молодыхъ совершенно здоровыхъ людей, что во всѣхъ мѣстахъ во всемъ свѣтѣ составляетъ величайшую рѣдкость. Но у бо̀льшей части недѣлимыхъ этого народа, волосы бываютъ черные лосняціеся, какъ обыкновенно у Американцевъ. Еще страннѣе что сребристобѣлые волосы бываютъ, по увѣренію достойныхъ вѣроятія очевидцевъ, жестки и прямы какъ лошадиная грива, тогда какъ черные волосы остальныхъ недѣлимыхъ мягки какъ шелкъ. Словами: сонные глаза, Мортонъ безъ сомнѣнія хотѣлъ выразить, что глазныя щели открыты у Американцевъ обыкновенно менѣе, чѣмъ у Европейцевъ. У большей части Американцевъ глаза не впалые; они таковы только у нѣкоторыхъ южно американскихъ народовъ, которые поэтому похожи на Калмыковъ. Однако глазныя яблоки, не смотря на величину глазныхъ впадинъ, должны быть менѣе чѣмъ у Европейцевъ. Носъ по бо̀льшей части бо̀льшой, часто горбатый; черепъ по бо̀льшей части коротокъ и широкъ, что болѣе замѣтно въ нижней части нежели въ верхней. Поэтому верхняя часть черепа имѣетъ форму крыши, такъ что это я сей часъ узналъ, когда увидѣлъ живыхъ сѣверо-американскихъ дикарей, хотя у нихъ волосы

были приподняты только спереди. Слабый ростъ бороды есть кажется общее свойство всѣхъ Американцевъ.

Но вмѣсто того чтобы характеризовать вообще всѣхъ Американцевъ, что необходимо заставляло бы насъ безпрестанно говорить объ исключеніяхъ, мы лучше разсмотримъ различныя семейства американскихъ народовъ.

Весь сѣверный берегъ Америки, а именно оба берега Гренландіи, весь берегъ Лабрадора, большіе острова между Бафиновымъ и Гудзоновымъ заливами и весь сѣверный край континента до Берингова пролива и отъ сюда до залива Чугачь, все это пространство земли населено *Эскимосами*. Весьма замѣчательно, что на всемъ этомъ огромномъ протяженіи береговъ (до 10, 000 верстъ, невключая еще сюда маленькихъ заливовъ) господствуетъ одинъ языкъ. Вообще мы встрѣчаемъ одни и тѣже слова отъ Гренландіи до Берингова пролива; различные народы говорятъ только различными нарѣчіями одного языка. Эти нарѣчія суть слѣдующія: гренландское, лабрадорское, и на сѣверномъ берегу материка: западное и восточное.

Эскимосы отличаются отъ самыхъ близкихъ сосѣдей на югѣ, болѣе плоскимъ носомъ и болѣе узкими глазами и особенно болѣе выдающимися скуловыми костями. Плоское лице и невыразительныя черты даютъ имъ болѣе сходства съ жителями сѣверной Азіи, и Блуменбахъ поэтому причислялъ ихъ къ монгольской породѣ. Однако строеніе ихъ языка въ общихъ чертахъ такое же, какъ въ другихъ семействахъ языковъ Америки. Поэтому Эскимосы имѣютъ такое же право быть причисленными къ американской группѣ народовъ, какъ и остальные жители этой части свѣта. Сходство ихъ съ Самоѣдами доказываетъ только, что одинаковыя климатическія и другія условія жизни, одинаковымъ образомъ дѣйствуютъ на физическую организацію. Что эти Эскимосы питаются тюленями, китовымъ жиромъ, рыбою и вообще морскими произведеніями, что они дѣлаютъ на своихъ собакахъ

большія путешествія и живутъ по нѣскольку семействъ вмѣстѣ въ большихъ хижинахъ, которыя они, въ нѣкоторыхъ частяхъ своей страны, строютъ зимою изъ снѣгу, что они почти цѣлый годъ ходятъ въ двойныхъ шубахъ, все это можно предположить извѣстнымъ нашимъ читателямъ.

У Западныхъ Эскимосовъ принадлежащихъ къ Россійскимъ владѣніямъ служатъ домашними животными не собаки, а олени; они отъ восточныхъ Эскимосовъ отличаются языкомъ болѣе, нежели эти между собою. Нѣкоторые изъ Русскихъ Эскимосовъ, вставляютъ себѣ въ щеки стеклянной бисеръ или раскрашенные камешки, а иные продѣваютъ въ нижнюю губу деревянныя палочки. Они раздѣляются на разныя племена, которыхъ наименованія почти обыкновенно оканчиваются на слоги: *миоты*, означающіе *жители* или *люди*. — Какъ наименованія сіи заимствуются отъ мѣстностей, то многія изъ названій по видимому и не служатъ различіемъ племенъ, но показываютъ только разность мѣста и нарѣчія. Такимъ образомъ, между мысомъ Барровъ и Беринговымъ проливомъ находятся: *Каклигмюты Салалинагмюты, Тыкагагмюты, Кыктагагмюты, Малегмюты.* Населяющіе берега залива Нортонъ,—какъ замѣчаетъ Загоскинъ,—называются общимъ именемъ *Чнагмюты*, а кромѣ того еще особенно по различію небольшихъ мѣстностей. Далѣе къ Югу слѣдующіе: *Квихлюагмюты, Магмюты, Агуллюты, Кускоквигмюты.* Послѣдніе, которые въ нашихъ колоніяхъ называются: *Кускоквимцы*, (*) живутъ при устьяхъ рѣки Кускоквима. Далѣе на Югъ живутъ *Аглегмюты* и *Кіятайгмюты*, при истокѣ рѣки Нушагакъ; еще далѣе *Кадьяки* или *Коняги* на островѣ Кадьякѣ, и наконецъ *Чугачи* у залива, кото-

(*) Однако это имя тамошніе русскіе даютъ также людямъ живущимъ у верховьевъ рѣки Кускоквима, хотя это племя не принадлежитъ къ Эскимосамъ

рый по нимъ и названъ. Къ Эскимосамъ же принадлежатъ, по другую сторону Берингова пролива на Сѣверо-Восточной оконечности Азіи, такъ называемые *Осѣдлые Чукчи*, которые сами себя однако же называютъ *Намолы*. Всѣ новѣйшіе путешественники, посѣщавшіе этотъ народъ, признаютъ не только разительное сходство съ Эскимосами въ ихъ лицахъ, но даже и въ языкѣ. Въ бытность тамъ Адмирала Литке, находившійся у него на кораблѣ одинъ Кадьякецъ, объяснялся весьма свободно съ этими Чукчами. Всѣ эти племена Эскимосовъ, составляютъ въ Русскихъ владѣніяхъ одинъ народъ; ибо говорятъ, по увѣренію Веніаминова однимъ языкомъ, которой признаетъ онъ раздѣляющимся на 6 нарѣній; а именно: Кадьякское Аглегмютское, Чугатское, Чнагомютское, Малемютское и Чукотское.

Къ Югу отъ Эскимосовъ живутъ охотничьи народы, которыхъ назвали *Атапаскасъ*, отъ имени одного озера. Земля, которую они занимаютъ простирается отъ Гудзонова залива далеко на западъ; они можетъ быть проникаютъ и въ тѣ земли, которыя въ силу трактатовъ, принадлежатъ Россійской Американской Компаніи, и потому составляютъ часть Россійской Имперіи. Эти народы имѣютъ мало особенностей въ тѣлесномъ устройствѣ, и можно сказать только, что они занимаютъ средину между Эскимосами и мѣдноцвѣтными охотничьими народами, которые живутъ далѣе на югъ. Они крѣпки и ростомъ нѣсколько выше первыхъ, но ниже послѣднихъ. Цвѣтъ ихъ кожи скорѣе можно назвать желтобурымъ, чѣмъ краснымъ.

За этими слѣдуютъ народы живущіе въ обширныхъ лѣсахъ Канады и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ: впрочемъ лѣса, во время открытія Америки были здѣсь гораздо обширнѣе. Эти народы раздѣлялись на множество поколѣній, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на небольшія племена; многія изъ послѣднихъ въ настоящее время совершенно уничтожились. Этихъ

то народовъ преимущественно называли красными или мѣдно-цвѣтными, — названіе, которое впослѣдствіи начали давать всему американскому племени. Цвѣтъ ихъ кожи въ самомъ дѣлѣ похожъ на цвѣтъ тусклой мѣди, но далѣе къ югу онъ часто переходитъ въ темно-бурый а къ сѣверу въ буро-желтый. Тѣлосложеніе ихъ крѣпкое, ростъ большой; носъ бываетъ часто горбатый. По бо́льшей части они возбуждаютъ участіе, своею непреодолимою страстью къ независимости, храбростью и презрѣніемъ смерти; несмотря на свою малочисленность, они еще въ прошломъ столѣтіи наводили ужасъ на Европейцевъ. Ихъ суровость и мрачная молчаливость; ихъ гордая самоувѣренность; жестокость, съ которою они замучиваютъ своихъ плѣнниковъ до смерти и геройское хладнокровіе, съ которымъ они сами переносятъ такія же мученія, когда не могутъ избѣжать этой участи; любовь къ безпокойной и дѣятельной жизни, заставляющая ихъ пренебрегать тихою и сидячею жизнью жителей городовъ; безпрерывныя наслѣдственныя войны, одного племени съ другимъ; все это вмѣстѣ возбуждало въ европейскихъ переселенцахъ уваженіе смѣшанное съ отвращеніемъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, мнѣніе что эти люди не способны ни къ какимъ усовершенствованіямъ въ общественномъ отношеніи, было всеобщимъ. Но воспитаніе этихъ народовъ или улучшеніе ихъ общественнаго состоянія всегда хотѣли начинать насиліями, которыя возбуждали въ нихъ только противодѣйствіе. Однако въ новѣйшее время, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ эти дикари болѣе предоставлены самимъ себѣ, они значительно подвинулись впередъ. Такъ *Чирокезы* сами собой изобрѣли особенный шрифтъ, приспособленный къ ихъ языку и состоящій изъ слоговъ; они даже издаютъ свой журналъ, этимъ же шрифтомъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ отдѣлило имъ участокъ земли на берегу Миссисипи; и здѣсь Чирокезы занимаются земледѣліемъ въ большемъ размѣрѣ, и даже держатъ негровъ-невольниковъ. Они написали для себя за-

коны; они равно какъ и *Криксъ* (Creeks) и *Чоктасы* (Choctaws) живутъ въ отведенной имъ землѣ, въ хорошоустроенныхъ домахъ, окруженныхъ полями пшеницы; имѣютъ школы, церкви и ревностныхъ священнослужителей. Однако бо́льшею частью другіе охотничьи народы Сѣверной Америки хотятъ лучше погибнуть въ борьбѣ съ Европейцами, нежели принять ихъ образъ жизни; и многіе изъ нихъ уже дѣйствительно погибли.

Съ Эскимосами, живущими на западномъ берегу Сѣверной Америки, граничитъ другое племя, которое много отличается отъ охотничьихъ народовъ живущихъ на востокѣ. Живя на берегахъ изрѣзанныхъ многочисленными заливами, оно много занимается рыбной ловлей, хотя также живетъ и охотой. Къ этому племени принадлежатъ столь извѣстные намъ *Колоши*. Сначала ихъ собственно назвали *Колюжами*, по названію круглыхъ кусочковъ дерева, которые продѣваютъ себѣ въ нижнюю губу. Это обыкновеніе Колошей, обще имъ съ Ботокудами, — отдаленнымъ отъ нихъ народомъ, который живетъ въ Южной Америкѣ.

Замѣчательно, что многіе звуки попадающіеся очень часто въ мексиканскомъ языкѣ, также очень обыкновенны и въ колошскомъ языкѣ. Не отсюда ли произошли Мексиканцы? Колошскія племена, начиная отъ мѣстъ занимаемыхъ Эскимосами, живутъ по всему протяженію сѣверозападныхъ береговъ Америки до границъ русскихъ владѣній и переходятъ далѣе. На сѣверѣ они распространялись по внутренности страны. Веніаминовъ, изучавшій языки русскихъ колоній, различаетъ ихъ четыре, которые онъ принимаетъ не какъ различныя нарѣчія, но какъ 4 отдѣльные языка, поставивши ихъ рядомъ съ языками Эскимосовъ и Алеутовъ. Эти 4 языка начиная съ сѣвера идутъ на югъ въ слѣдующемъ порядкѣ 1) *Кенайскій*, которымъ говорятъ *Кенайцы*, *Атнахтяне* (жители Мѣдной рѣки) *Кольчане*, жители верхне-Кускоквима и Квихпаки. 2) *Якутатскій* распадающійся на два нарѣчія: *Якутатское* и *Угаленское*. 3) *Ситхинскій* или собственно называемый

колошскій языкъ, употребляемый отъ Льтуа до Стахина, и 4) *Кайганскій* южнѣе отъ рѣки Стахинъ. Этого маленькаго примѣра множества народовъ и языковъ, будетъ довольно нашимъ читателямъ.

Далѣе на Югъ, въ сухихъ степныхъ мѣстностяхъ Новой и Старой Калифорніи, живутъ почти черные *Калифорницы*. Ихъ сравнивали по цвѣту кожи съ Неграми; но волосы у Калифорнѣцевъ гладкіе, носъ хотя плоскій, но конецъ его не поднятъ вверхъ.

Мы не будемъ здѣсь говорить объ узкихъ возвышенныхъ полосахъ земли Мексики и центральной Америки; уже во время завоеванія странъ Европейцами, образованность стояла на весьма высокой степени развитія. Объ этой образованности мы поговоримъ въ послѣдствіи.

Туземцы Южной Америки такъ различны между собой, что Дорбиньи счелъ нужнымъ установить три особенныя породы людей для одной этой части свѣта. Но не смотря на большія различія формы черепа, въ складѣ лица и особенно въ цвѣтѣ кожи, между племенами нельзя положить рѣзкихъ границъ, потому-что переходныя формы отъ одного къ другому чрезвычайно многоразличны. Что касается до цвѣта Южно-Американцевъ, то краснокожими ихъ вовсе нельзя назвать; по крайней мѣрѣ это названіе нисколько не прилагается къ жителямъ восточной части этой страны. У туземцевъ Бразиліи кожа желтоватая, съ слабымъ оттѣнкомъ краснаго цвѣта и они походятъ, въ этомъ отношеніи, на Китайцевъ. Они живутъ разсѣянно въ глубинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ; племена ближайшія къ берегу моря, разчищаютъ среди лѣсовъ не большіе участки, на которыхъ воздѣлываютъ маисъ, маніокъ и другія съѣдобныя растенія; здѣсь же они строятъ большіе дома, въ которыхъ живетъ по нѣскольку семействъ вмѣстѣ. Дорбиньи говоритъ положительно, что у нихъ скуловыя кости невыдаются замѣтно, въ стороны. Это подтверждаетъ то, что мы выше сказали о вліяніи мясной пищи на организацію. Такъ, далѣе во внутренности страны, мы

находимъ самыя дикія племена, которыя вовсе не разводятъ никакихъ растеній и живутъ отдѣльными семействами; они поэтому питаются исключительно мясомъ и лице у нихъ дѣйствительно гораздо шире чѣмъ у предъидущихъ: почти всѣ путешественники находятъ въ нихъ большое сходство съ Монголами. Эти народы еще недавно были людоѣдами.

Караибы живущіе у сѣвернаго берега въ лѣсистыхъ мѣстахъ, отличаются весьма свѣтлымъ цвѣтомъ кожи: на самыхъ берегахъ они гораздо темнѣе. Напротивъ, у народовъ населяющихъ голыя высоты межтропическихъ Кордильеровъ кожа темно-бурая. Таковы *Мuyscas*, *Перуанцы* и *Аймара*. Изъ этого видно, что темный цвѣтъ кожи происходитъ не столько отъ самой теплоты, сколько отъ непрерывнаго дѣйствія солнечнаго свѣта, тахъ-какъ воздухъ на высотахъ Андовъ гораздо свѣжее чѣмъ въ Бразиліи. Такъ, даже люди населяющіе восточныя, весьма лѣсистыя страны Андовъ, гораздо свѣтлѣе цвѣтомъ, нежели бы можно предполагать, суда по странѣ въ которой они живутъ. Совершенно другое видимъ мы въ безлѣсныхъ Пампасъ, служащихъ пастбищемъ огромнымъ табунамъ дикихъ лошадей, которыя происходятъ отъ домашнихъ оставленныхъ Испанцами. Жители пампасъ, имѣя всегда подъ руками лошадей, сдѣлались совершенными наѣздниками или номадами, цвѣтъ кожи ихъ бурый безъ всякой примѣси краснаго. Племя *Шарруасъ* даже походитъ на негровъ почти чернымъ цвѣтомъ. У всѣхъ этихъ номадовъ лице широкое, носъ плоскій, нѣсколько утолщенный на концѣ. Они коренасты, но не высоки ростомъ.

На самомъ югѣ Америки живутъ три знаменитые народа. Равнины лежащія на востокъ до Магелланова пролива населяютъ сильные и высокорослые *Патагонцы*. Крѣпкое тѣлосложеніе ихъ повидимому такъ поразило первыхъ путешественниковъ, что послѣдніе приписали имъ слишкомъ большой ростъ. Дорбиньи, который долго жилъ между Патагонцами, говоритъ, что нѣко-

торые изъ нихъ дѣйствительно достигаютъ 6 фут. 7 д. (русской мѣры), но средній ихъ ростъ, выведенный изъ многихъ измѣреній, простирается только до 6 футовъ. Патагонцы вообще народъ дикій, но добродушный. Сосѣди ихъ, живущіе на горахъ, *Арауканцы* меньше ростомъ и славятся своимъ воинственнымъ духомъ; они еще никогда не были покорены Европейцами, а сами разорили уже много испанскихъ городовъ. Ихъ по этому назвали Спартанцами Америки.

Наконецъ самую южную оконечность Америки занимаютъ коротконогіе *Пешерэ*; они весьма глупы, ведутъ самую несчастную жизнь и питаются исключительно произведеніями моря. Ихъ широкое, безсмысленное, съ плоскимъ носомъ лице довольно походитъ на физіономію Готтентотовъ, и чрезвычайно отвратительно: это доказываетъ что народы могутъ быть сходны между собою, хотя и вовсе непроисходятъ одинъ отъ другаго; весьма замѣчательно что оба эти сходные народа живутъ въ южныхъ оконечностяхъ 2 материковъ, стараго и новаго. Но у Готтентотовъ волосы весьма курчавы, какъ и у сосѣдей ихъ Негровъ, а у Пешерэ гладкіе, висячіе, какъ у прочихъ Американцевъ. Не ясно-ли изъ этого видно что оба типа измѣнились въ слѣдствіе одинаковыхъ внѣшнихъ условій?

Когда Европейцы открыли Америку, жители ея находились на весьма различныхъ степеняхъ развитія: весьма многіе жили, какъ и нынѣ, только охотой; настоящихъ кочующихъ народовъ, какіе теперь встрѣчаются въ старомъ свѣтѣ, вовсе не было. Это происходитъ отъ того, что въ Америкѣ не только не было лошадей, но даже овцы и коровы не принадлежатъ здѣсь къ числу домашнихъ животныхъ. Конечно въ Америкѣ водятся 2 вида рогатыхъ отрыгающихъ жвачку животныхъ; именно: 1 видъ быка, который едва отличается отъ нашего зубра, и мускусовый быкъ; но вообще животныя этихъ видовъ никогда не были домашними, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что американ-

скій зубръ или бизонъ былъ прежде домашнимъ въ одномъ не большомъ округѣ; виды изъ рода *лама* могутъ жить только на горахъ, гдѣ человѣкъ всегда предпочитаетъ жизнь осѣдлую кочевой. Напротивъ, на обширныхъ равнинахъ сѣверной и южной Америки, жили охотники, которые вели жизнь нѣкоторымъ образомъ кочевую. Вскорѣ послѣ вторженія Европейцевъ, ихъ лошади разбѣжались по степямъ и чрезвычайно здѣсь размножились; такъ, что многіе народы, имѣющіе весьма мало сношеній съ Европейцами, научились объѣзжать этихъ лошадей и потому сдѣлались наѣздниками. Доказательство, что не безпечность мѣшала имъ заняться прирученіемъ животныхъ. Напротивъ, обработкою маиса занимались уже здѣсь на всемъ пространствѣ земли на западъ отъ Миссисипи до самой внутренности материка южной Америки. Въ послѣдней странѣ кромѣ маиса воздѣлывали еще бананы приносящіе много плодовъ, и нѣкоторые съѣдобные коренья, каковы наприм. маніокъ.

На плоскихъ возвышенностяхъ Андовъ, Мексики и центральной Америки Европейцы нашли образованность гораздо болѣе развитую. Здѣсь существовали большія государства съ правильно-организованнымъ правленіемъ, которыхъ города и въ развалинахъ возбуждаютъ еще удивленіе историковъ. Здѣсь умѣли уже соединить силы множества людей для совершенія большихъ предпріятій; въ Мексикѣ даже учреждена была черезъ всю страну почта изъ нарочныхъ; а изъ Перу въ Хили построена такая дорога, которая можетъ соперничить съ самыми огромными постройками Римской Имперіи; она была проведена чрезъ пропасти и чрезъ вершины высокихъ горъ и имѣетъ въ длину до 250 географ. миль. Обыкновенныя ремесла, какъ напр. тканье, стояли на высокой степени совершенства; многіе металлы особенно золото, добывались изъ рудниковъ съ большимъ искуствомъ и обдѣлывались весьма изящно. Впрочемъ до сихъ поръ не найдено никакого слѣда добыванія и обработыванія желѣза. По-

этому должно думать, что Америка населилась прежде, чѣмъ употребленіе этого металла сдѣлалось извѣстнымъ въ старомъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ въ восточной его части. Желѣзо во многихъ случаяхъ такъ полезно, что пришлецы, если бы его знали въ старомъ отечествѣ и только не нашли въ новомъ отечествѣ, или не умѣли обработывать, то непремѣнно продолжали бы сношенія со своимъ первымъ отечествомъ. Мексиканцы, Перуанцы и вообще всѣ образованные народы Андской цѣпи, точно также незнали и нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, которые въ старомъ свѣтѣ были извѣстны уже во времена доисторическія. Перуанцы сѣяли маисъ, какъ и другіе американскіе народы, и кромѣ того разводили картофель и особенный родъ лебеды, называемый квиноа (Chenopodium quinoa). Лама и Алпака были въ Перу домашними животными. Такимъ-же образомъ они сдѣлали первый шагъ къ изобрѣтенію писменъ. Религія ихъ была весьма кротка; они признавали невидимаго Бога, творца вселенной; но солнце было для нихъ представителемъ этого бога. Царствующая фамилія Инковъ происходила по ихъ мнѣнію отъ него.

Въ Мексикѣ цивилизація, во многихъ отношеніяхъ, была развита еще болѣе чѣмъ въ Перу и имѣла совершенно другой характеръ. Земледѣліе было и здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи, а обработка металловъ, особенно золота, была доведена еще до высшей степени совершенства. Различныя постройки, дворцы и храмы еще громаднѣе чѣмъ въ Перу. Мексиканскія четырехъ-сторонія пирамиды можно сравнить съ египетскими. Первыя конечно не такъ высоки, но за то основаніе ихъ часто еще шире; въ самой древней каждая сторона основанія имѣетъ до 1443 рус. Ф. (почти $\frac{1}{2}$ версты) длины, а высота простирается только до 25 сажень. Въ Мексикѣ существовалъ особаго рода картинный шрифтъ, въ которомъ многіе знаки изображали дѣйствительные предметы, но другіе, за то выражали только понятія. Этотъ шрифтъ былъ весьма употребителенъ во всѣхъ отросляхъ правленія; такъ можно

думать потому, что каждой годъ правительство взимало съ подданныхъ до 5000 стопокъ (Ballots) писчей бумаги сдѣланной изъ хлопчатой бумаги. Мексиканцы имѣли также и астрономическія свѣдѣнія, потому что употребляли довольно полный и правильный календарь. Годъ у нихъ раздѣлялся на 18 мѣсяцевъ, каждый въ 20 дней, а потому состоялъ изъ 360 дней: напротивъ въ старомъ свѣтѣ, годъ обыкновенно раздѣляется на 12 мѣсяцевъ, въ 30 дней. Конечно Мексиканцы знали также, что въ году болѣе 360 дней: они дѣлили мѣсяцы на недѣли, въ 5 дней каждая, и прибавляли къ концу года лишнюю недѣлю; такъ что годъ у нихъ заключалъ 72+1 недѣли, и потому состоялъ изъ 360+5=365 дней. Но они также замѣтили, что это число дней не обнимаетъ еще полнаго оборота солнца, а потому, чтобы избѣгнуть неравномѣрности расположенія временъ года, прибавляли къ каждому 52 году 13 дней, или время полуоборота луны. Такимъ образомъ составлялись у нихъ періоды времени въ 52 года Странно что многіе знаки, которые Мексиканцы употребляли для означенія различныхъ дѣленій года, точно такъ же употребляются и во многихъ восточно-азіатскихъ календаряхъ, какъ напр. въ японскомъ. Основываясь на этомъ, предполагали что Мексиканцы заимствовали свои астрономическія свѣдѣнія отъ восточно-азіатскихъ народовъ. Но съ этимъ трудно согласить тотъ фактъ, что они не знали употребленія желѣза и не имѣли азіатскихъ хлѣбныхъ растеній. Но какъ-бы ни казались развитыми астрономическія знанія Мексиканцевъ, религія ихъ была весьма груба и жестока. Множество боговъ, если ихъ такъ можно назвать, чествовались человѣческими жертвами. Въ честь бога войны, самаго могущественнаго изъ всѣхъ, ежегодно убивали сотни людей: у нихъ вырѣзывали сердце и приносили его въ жертву; тѣло умерщвленныхъ съѣдали сами Мексиканцы; въ жертву приносились частью военно-плѣнные, а частью и сами туземцы.

Чтобы понять это надо припомнить, что людоѣдство

прежде повидимому было весьма распространено въ Америкѣ, и что *Ацтеки*, найденные Испанцами въ Мексикѣ пришли сюда, за нѣсколько столѣтій до того съ сѣвера, покорили болѣе образованныхъ *Толтековъ*, которымъ повидимому принадлежатъ и самыя большія постройки.

Также и въ центральной Америкѣ, Испанцы нашли уже разрушенными памятники строительнаго искуства, свидѣтельствовавшіе о прежней болѣе высокой образованности.

Еще далѣе къ сѣверу, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ найдены другіе памятники древности, которые также не принадлежатъ нынѣшнимъ охотничьимъ народамъ населяющимъ эту страну; таковы напр. большіе курганы (Tumuli), редуты, больщія пространства земли окруженныя валомъ, и наконецъ въ Калифорніи строенія огромной величины, которыя Испанцы назвали Casas-Grandes.

Всѣ преданія народовъ сѣверной Америки приводятъ къ тому, что эти народы пришли съ сѣверо-запада, т. е. изъ Азіи; едва ли можно сомнѣваться, что главная масса народонаселенія Америки происходитъ изъ этой части свѣта. Замѣчательно, что сказанія многихъ народовъ приписываютъ водвореніе прежней высокой образованности людямъ съ длинными бородами, одѣтымъ въ длинныя платья. Но Американскіе туземцы малобороды, равно какъ и жители восточной Азіи, за исключеніемъ *Ainos*. Но послѣдніе весьма мало образованы и едва ли могли внести образованность въ Америку. Поэтому надобы думать что образованность внесена Европейцами. Извѣстно, что около 1000 года Скандинавы основали въ Гренландіи колонію; и что отсюда они въ продолженіи долгаго времени дѣлали моремъ путешествія къ восточнымъ берегамъ Америки, которыя теперь принадлежатъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Извѣстно также, что объ нихъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій небыло ничего извѣстно и что когда стали искать потомковъ этихъ Скандинавовъ въ Гренландіи, не нашли тамъ никакихъ ихъ слѣдовъ. Не переѣхали ли вся колонія на твердую землю и потомки колонис-

товъ (вѣроятно смѣшанной крови) не сдѣлались ли просвѣтителями тѣхъ странъ, въ которыя попали? Нѣкоторыя другія данныя заставили ученыхъ подумать о Васкахъ; это одинъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, который произноситъ слова также слитно какъ и Американцы. Притомъ же система счисленія у Васковъ двадцатеричная, а эта система весьма обыкновенна у жителей Америки; однако же Перуанцы считаютъ десятками.

IV. *Группа. Негры.*

Чѣмъ больше узнавали американскую группу, тѣмъ болѣе находили различій между народами ее составляющими; тоже самое было и съ негритянскою группой. За 30 лѣтъ тому назадъ, или по крайней-мѣрѣ не далѣе какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, считали возможнымъ не многими словами характеризовать обѣ группы, составить общее выраженіе свойствъ каждой группы, которое бы прилагалось ко всѣмъ народамъ ее составляющимъ. Такъ, говорили, что всѣ Негры суть люди чернаго цвѣта съ рунообразными волосами, съ узкимъ лбомъ, съ выдающимися впередъ какъ у звѣрей челюстями, съ приплюснутымъ только на концѣ приподнятымъ и выдающимся носомъ, съ толстыми губами и съ направленными впередъ зубами. Ихъ считали лѣнивыми, глупыми, неспособными ни къ какому образованію. Въ европейскихъ колоніяхъ извѣстны были многіе весьма даровитые Негры, которые даже были хорошими учеными; но не смотря на то всѣхъ вообще Негровъ считали неспособными ни къ какому общественному или политическому развитію, потому что ничего не знали о существованіи большихъ обществъ или державъ въ странѣ Негровъ. Въ небольшихъ государствахъ Гвинеи, наблюдателя поражаетъ твердо укоренившееся рабство. Даже знаменитый Географъ Риттеръ думалъ, что ни одинъ народъ негритянскаго племени не умѣетъ обдѣлывать желѣза, исключая тѣ народы, которые находятся въ безпрестанныхъ сноше-

ніяхъ съ Европейцами и Арабами, сообщившими имъ это искусство. Къ тому же хорошо было извѣстно, что уже въ древности другіе народы держали негритянскихъ невольниковъ. Принимали, безъ всякихъ предварительныхъ изслѣдованій, что мозгъ у негровъ долженъ быть гораздо менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ.

Мы уже прежде сказали, что мозгъ Негровъ только не много уступаетъ въ величинѣ мозгу Европейцевъ, только лобная его часть развита нѣсколько менѣе. Но въ этомъ отношеніи, всѣ необразованные народы уступаютъ образованнымъ. Каффровъ же, у которыхъ лобъ гораздо выше чѣмъ у Негровъ живущихъ на Гвинейскомъ берегу, въ этомъ отношеніи ставятъ даже выше другихъ народовъ. Въ послѣднее время проникли значительно глубже, чѣмъ прежде, во внутренность Африки, по Бѣлому Нилу; и убѣдились что Негры, живущіе недалеко отъ экватора знаютъ желѣзо и умѣютъ его обработывать; что они высоки, сильны и хорошо сложены; они хотя черны однако челюсти ихъ почти невыдаются впередъ. Вообще они показались очень добродушными. Далѣе къ сѣверо-западу, особенно въ странахъ орошаемыхъ Нигеромъ и около озера *Тсадъ*, нашли большія благоустроенныя государства. Извѣстны также Негры не чернаго, а только краснобураго цвѣта; знаютъ и такихъ, у которыхъ волосы не рунообразны, а только курчавы и даже совершенно гладки, но которые по другимъ признакамъ ни чѣмъ не отличаются отъ прочихъ Негровъ. Однимъ словомъ, факты болѣе и болѣе утверждаютъ, что представленная характеристика Негровъ, вовсе не такъ всеобща, какъ думали прежде, а прилагается только къ тѣмъ жалкимъ племенамъ, которыя живутъ на берегахъ моря, безъ всякаго государственнаго устройства. Особенно это справедливо въ отношеніи тѣхъ Негровъ, которые живутъ около благоустроенныхъ негритянскихъ государствъ, въ дикихъ мѣстахъ или на уединенныхъ горахъ; болѣе образованные сосѣди часто преслѣдуютъ и ловятъ ихъ, чтобы продавать

купцамъ торгующимъ невольниками; частыя вторженія въ ихъ убѣжища, принуждаютъ ихъ вести самую жалкую жизнь и непозволяютъ имъ даже думать объ общественномъ благоустройствѣ. Такимъ образомъ, мы по негритянскимъ невольникамъ, составили понятіе о Неграхъ: почти также справедливо было бы принять и спартанскихъ илотовъ за норму для сужденія о Грекахъ.

Видя всѣ эти различія, можно серьезно спросить: — есть-ли во всѣхъ вообще Неграхъ что-нибудь общее? Мнѣ кажется что общихъ свойствъ надо искать въ характерѣ, въ языкѣ Негровъ и въ ихъ общественномъ развитіи.

Что касается до характера Негровъ, то мы всего лучше поймемъ его, если сравнимъ съ характеромъ Американцевъ. Американецъ серьезенъ, часто мраченъ, гордъ и храбръ; независимость ему необходима какъ воздухъ. Негръ веселъ, дѣтски безпеченъ, часто трусливъ, добродушенъ, и потому легко подчиняется чужой власти. Негръ-невольникъ скоро привыкаетъ къ своей судьбѣ и, если съ нимъ хорошо обращаются, часто привязывается къ своему господину, бываетъ признателенъ и вѣренъ. Это различіе обѣихъ группъ высказывается всего сильнѣе, если разсматривать ихъ во всей цѣлости. Во всей Африкѣ, гдѣ только есть Негры, они любятъ танцовать; танцы составляютъ наружное проявленіе ихъ внутренняго беззаботно-веселаго характера; танцы шумны и сопровождаются крикомъ. Путешественникъ Ландеръ, который проѣзжалъ земли орошаемыя Нигеромъ, говоритъ, что онъ часто ночуя около населенныхъ мѣстъ не могъ сомкнуть глазъ: шумъ, который подымался по закатѣ солнца, мѣшалъ ему спать и даже пугалъ его. Этотъ путешественникъ былъ рѣшительно принужденъ избѣгать жилыхъ мѣстъ, чтобы имѣть возможность отдыхать ночью отъ трудовъ дневнаго путешествія. Негры невольники въ европейскихъ колоніяхъ также любятъ шумные танцы. Они предаются этой забавѣ даже послѣ самыхъ тяжкихъ работъ, и считаютъ

самымъ жестокимъ наказаніемъ, если имъ запретятъ танцовать. Американцы танцуютъ рѣдко и по большей части только въ важныхъ случаяхъ. У нихъ есть танцы священные и военные, далѣе танцы похоронные и для другихъ важныхъ случаевъ жизни. Эти танцы выражаютъ не веселость, а скорѣе высшую степень важности. Негръ такъ беззаботенъ и послушенъ, что какъ будто рожденъ для рабства. Уже въ глубокой древности извѣстны были Негры невольники въ Азіи и Европѣ; а когда была открыта и завоевана Америка, она также наполнилась этими невольниками. Напротивъ, невольниковъ изъ Американцевъ теперь, когда прошло болѣе трехъ столѣтій послѣ завоеванія Америки, въ другихъ странахъ вовсе не извѣстно.

Конечно у не многихъ американскихъ народовъ существуетъ обыкновеніе обращать въ невольниковъ военноплѣнныхъ. Но такіе невольники скоро дѣлаются членами племени, въ противномъ случаѣ они страшно мстятъ за себя; во время вторженія Европейцевъ, народы Америки большею частью соглашались лучше умереть, чѣмъ покориться. И тѣ не многіе Американцы, которые мало воинственны не могли пережить потерю своей свободы. Туземцы Вестъ-Индіи считались самыми кроткими изъ Американцевъ; они радушно и гостепріимно приняли Колумба и его спутниковъ. Но скоро число пришельцевъ увеличилось и они стали принуждать туземцевъ къ работѣ; послѣдніе не имѣли никакихъ средствъ къ сопротивленію; тогда между ними распространилась ужасная смертность, такъ что черезъ 30 лѣтъ осталось въ живыхъ едвали $\frac{1}{10}$ часть ихъ. Это-то и заставило обратиться къ негритянскимъ невольникамъ, которые оказались столь крѣпкими, что колонисты обыкновенно говорили: Негра не уничтожишь, пока не повѣсишь. Тогда думали что туземцы вымираютъ отъ того, что тѣлосложеніе у нихъ слабо для работы. Но въ другихъ частяхъ Америки, туземцы хотя и принадлежатъ къ подобнымъ же народамъ, однако способны къ значительному на-

пряженію силъ, если только работаютъ для себя; при томъ Индѣйцы на Сенъ-Доминго, хотя и были освобождены отъ продолжительныхъ работъ, тѣмъ не менѣе совершенно вымерли еще въ прошломъ столѣтіи. По этому гораздо справедливѣе думать, что они гибли отъ нравственной болѣзни; они не могли переносить потери своей независимости, безъ которой по видимому Американецъ не можетъ жить.

Легкомысленность, которая облегчаетъ для Негра неволю, и отсутствіе въ немъ той высшей степени эгоизма, которую мы называемъ честолюбіемъ, обѣ эти черты характера составляютъ по видимому причину, почему Негры такъ далеко отстали отъ народовъ другихъ группъ, въ отношеніи государственной жизни. Они конечно и безъ сношеній съ другими народами стали заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ и самыми грубыми ремеслами; но сами собой они никогда не могли образовать благоустроеннаго и долго существовавшаго государства. Если какому нибудь начальнику и удавалось соединить подъ свою власть большое число племенъ, то въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ или страхъ внушаемый имъ, или племена надѣялись дѣйствуя совокупно лучше отразить другія племена. По смерти такого начальника, союзъ скоро разрушался; оставались только небольшія общины безъ всякой государственной связи между собой; у каждой былъ свой особенный начальникъ. Но сношенія съ Арабами имѣли на Негровъ весьма благопріятное дѣйствіе. Арабы дѣлались начальниками отдѣльныхъ племенъ и, покоряя себѣ другія племена, полагали основаніе большимъ государствамъ, которыя хотя разрушали одно другое, но обыкновенно новыя державы скоро являлись изъ остатковъ старыхъ. Въ тоже время Арабы обращали Негровъ въ исламизмъ. А государства держащіяся магометанства достигаютъ нѣсколько высшей степени развитія въ общественномъ отношеніи.

Теперь мы сдѣлаемъ краткій обзоръ замѣчательнѣйшихъ народовъ.

На южной оконечности Африки живутъ добродушные и лѣнивые *Готтентоты*; волосы у нихъ рунообразные, короткіе и стоятъ пучками въ отдѣльныхъ мѣстахъ, какъ и у другихъ Негровъ, но скуловыя кости у нихъ весьма выдаются въ стороны, такъ что лицо по срединѣ очень широко, а къ низу значительно съуживается; далѣе кожа у нихъ не черная, а грязно-желтаго цвѣта, или у *Бушмановъ*—которые занимаютъ сѣверную часть Готтентотіи—свѣтло-бурая. По этому многіе антропологи не хотѣли причислять Готтентотовъ къ негритянской группѣ. Но Готтентоты народъ кочующій; а у такихъ народовъ, какъ мы уже говорили, скулы часто выдаются. Свѣтлый цвѣтъ кожи надо считать слѣдствіемъ умѣренности климата, какъ это мы еще лучше увидимъ при описаніи слѣдующихъ народовъ. Языкъ Готтентотовъ весьма отличенъ отъ языка сосѣднихъ народовъ, можетъ быть потому, что первые гораздо ранѣе другихъ племенъ этой группы, поселились на югѣ Африки; это мнѣніе подтверждается различными фактами.

На сѣверо-востокѣ отъ Готтентотовъ живетъ народъ, который уже давно извѣстенъ подъ именемъ *Каффровъ*. Каффры гораздо чернѣе Готтентотовъ, болѣе воинственны и болѣе образованы. Въ складѣ лица они отличаются отъ гвинейскихъ Негровъ болѣе высокимъ лбомъ. Новѣйшія изслѣдованія доказали что языки всѣхъ народовъ, живущихъ на восточномъ и западномъ берегу до экватора и во внутренности Африки, на сколько проникли туда путешественники (во внутренности Африки никогда еще даже и не приблизились къ экватору) принадлежатъ къ одному корню. Потому должно причислять къ одному племени всѣ народы Африки, которые живутъ на пространствѣ земли отъ страны Каффровъ до Гвинейскаго залива, включая сюда и царство Конго. Но тѣмъ замѣчательнѣе разнообразіе этихъ народовъ; тѣ которые жи-

вуть по берегамъ суть самые безобразные и враждебные изъ всѣхъ, особенно жители западнаго берега. Эти береговыя племена весьма темноцвѣтны, но совершенно черны только близь экватора. Отъ береговъ страна подымается террасами и внутреннія части Африки по видимому довольно высоки. Народы населяющіе внутренность страны тѣмъ свѣтлѣе цвѣтомъ, тѣмъ красивѣе и вмѣстѣ тѣмъ менѣе грубы, чѣмъ выше терраса, на которой они живутъ и чѣмъ дальше она отъ моря. У *Бечуановъ*, живущихъ къ сѣверу отъ Готтентотовъ, дома уже гораздо лучше устроены и расположены по нѣскольку на одномъ участкѣ земли, такъ что составляютъ постоянные деревни или города, заключающіе иногда до 10,000 жителей; къ нимъ принадлежатъ поля засѣянныя хлѣбомъ, которыя иногда покрываютъ пространство на нѣсколько соть десятинъ. *Мурутсу*, живущіе еще далѣе къ сѣверу, занимаются различными ремеслами. Они не только умѣютъ выдѣлывать желѣзо, но приготовляютъ изъ него ножи и даже особеннаго рода бритвы. По расказамъ африканскихъ туземцевъ, къ сѣверу отъ Мурутсу живутъ еще болѣе образованные народы, которые занимаются торговлею на протяженіи до обоихъ океановъ омывающихъ Африку. На восточномъ берегу встрѣчаются народы, которые, не смотря на черный цвѣтъ кожи, имѣютъ волосы не рунообразные а только волнистые. Жители Нижней Гвинеи (Лоанго Конго Таб. 40. Ф. 2.,) на западномъ берегу весьма черны и тучны; носъ весьма широкій, губы толстыя; но здѣсь же попадаются недѣлимыя весьма красивой и благородной наружности. Это различіе объясняютъ примѣсью португальской крови, основываясь на томъ, что за 300 лѣтъ здѣсь жили многіе Португальцы

Въ Верхней Гвинеѣ мы встрѣчаемъ другія племена, и еще не доказано имѣетъ ли языкъ ихъ сродство съ другими южно-африканскими языками. Здѣсь прежде всего поражаютъ насъ жители такъ называемаго Невольничьяго берега, который представляетъ низменную узкую полосу земли ограниченную моремъ. Челюсти у этихъ людей зна-

чительно выдаются впередъ, лице вообще непріятное; въ немъ въ высшей степени развиты всѣ особенности физіономіи, которую мы привыкли считать типическою у Негровъ. Рабство принимаетъ у этихъ людей самыя отвратительныя формы: на гробѣ начальника здѣсь приносятся въ жертву нѣсколько человѣкъ. Далѣе на западъ, гдѣ горы болѣе приближаются къ морю, люди, особенно живущіе на высотахъ, гораздо живѣе и смышленѣе. Между народами живущими здѣсь, особенно замѣчательны *Фанти*; волосы у нихъ не рунообразные, а висятъ до плечъ большими локонами. Къ сѣверу отъ горъ Конгъ, въ Сенегамбіи, живутъ народы, которые держатся магометанства и во многихъ отношеніяхъ стоятъ выше Негровъ идолопоклонниковъ. Къ числу этихъ народовъ принадлежатъ *Мандинго*, населяющіе высокія равнины Сенегамбіи; они отличаются большею частію отъ негритянскихъ народовъ своею дѣятельностью и не только занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыбною ловлею, но даже многими ремеслами, требующими большаго искуства. Волосы у нихъ рунообразные, но лице благороднѣе, чѣмъ у гвинейскихъ Негровъ, хотя въ немъ легко виденъ негритянскій типъ. Доказательство что усовершенствованіе общественнаго быта можетъ улучшить и этотъ типъ. Еще замѣчательнѣе *Фула*; волосы у нихъ, особенно у тѣхъ племенъ которыя живутъ въ южной части возвышенной равнины и въ самыхъ высокихъ частяхъ горной страны, совершенно гладкіе и кожа не черная а только свѣтло-бурая, такъ что они сами себя называютъ бѣлыми. Другія племена, которыя живутъ въ мѣстахъ болѣе низменныхъ, гораздо темнѣе цвѣтомъ; но волосы и у нихъ также гладкіе. Самые берега населяютъ темно-черные *Джолофъ*, у которыхъ волосы рунообразные; но личная часть у нихъ такъ мало выдается впередъ, что, по словамъ многихъ путешественниковъ, лица ихъ по своему складу весьма походятъ на европейскія. Эти люди описываются самыми честными и вообще самыми

лучшими изъ всѣхъ Негровъ. Напротивъ, *Фула* отличается воинственнымъ духомъ и предпріимчивостью въ общественныхъ дѣлахъ; эти два качества въ нихъ развиты въ довольно высокой степени, тогда какъ они едва замѣтны въ другихъ африканскихъ народахъ; Фула покорили всѣхъ народовъ на востокъ до озера Тсадъ и основали державу, подъ именемъ Феллатагъ, которая существуетъ уже сотни лѣтъ. Въ этихъ царствахъ процвѣтаютъ ремесла и торговля, которая поддерживаетъ существованіе большихъ городовъ (какъ напр. Сего и знаменитаго Тумбукту). Правители имѣютъ особаго рода гвардію; весьма замѣчательно, что иногда эта гвардія состоитъ изъ конныхъ дѣвушекъ; такъ разсказываетъ путешественникъ Клаппертонъ, который самъ видѣлъ этотъ полкъ; такую гвардію амазонокъ видѣли и въ Гвинеѣ. Всѣ эти страны, которыя вмѣстѣ занимаютъ большое пространство и которыя на востокъ доходятъ до земель Нила, называютъ вообще Суданомъ. Всѣхъ жителей Судана можно назвать черными; волосы у нихъ рунообразные, но челюсти мало выдаются впередъ, а носъ довольно высокъ; вѣроятно лице *Суданцевъ* облагородилось потому, что они болѣе чѣмъ другіе Негры подвинулись впередъ въ отношеніи нравственнаго развитія. Это дѣлается еще вѣроятнѣе, если обратить вниманіе на образъ ихъ жизни. Хотя не всѣ жители Судана приняли магометанство, но по крайней-мѣрѣ господствующіе фамиліи и роды слѣдуютъ ей. Магометане презираютъ идолопоклонниковъ, которые населяютъ возвышенныя страны Африки, граничащія съ южною частію Судана; они часто дѣлаютъ набѣги въ земли этихъ язычниковъ, ловятъ ихъ и продаютъ въ неволю. Конечно, эти набѣги не простираются далеко въ глубь страны и бо́льшею частію ограничиваются тою террасою, которая составляетъ первый уступъ возвышенной равнины средней Африки. Несчастные обитатели странъ подверженныхъ этимъ набѣгомъ по неволѣ ведутъ самую жалкую жизнь; они скрываются небольши-

ми семействами на вершинахъ высочайшихъ горъ. Они не знаютъ никакихъ удобствъ жизни и вовсе не имѣютъ средствъ улучшить свой бытъ. Жители этихъ пограничныхъ провинцій весьма не красивы, тѣло у нихъ слабо развито, и въ ихъ наружности снова является негритянскій типъ во всей его отвратительности. Совершенно тоже замѣчаемъ мы и въ жителяхъ странъ пограничныхъ съ Кордофаномъ и Сенаромъ принадлежащимъ теперь Туркамъ; напротивъ во внутренности страны жители гораздо болѣе ростомъ и лучше сложены: такъ ихъ нашли до 4° сѣв. ш.

Мы уже замѣтили, что *Барабра* прежде были Неграми, хотя и настоящіе отличаются отъ послѣднихъ своими длинными волнистыми волосами и высокимъ носомъ; впрочемъ вѣроятно въ нихъ много и арабской крови.

Этимъ мы окончимъ описаніе IV-й группы, потому что далѣе къ сѣверу, въ большой пустынѣ, которая тянется чрезъ всю Африку, жители уже не имѣютъ негритянскаго характера. Вся эта полоса земли представляетъ пустыню, потому что въ ней нѣтъ періодическихъ дождей. По этому можно вообще сказать, что сѣверная граница тропическихъ дождей составляетъ также границу негритянской группы.

V Группа. Народы Восточной Азіи.

Не безъ нѣкотораго размышленія ставимъ мы въ одну группу тѣ азіатскіе народы, которые не принадлежатъ ни къ индо-европейскимъ, ни къ семитическимъ народамъ и включаемъ туда-же Чудь, (Финновъ) и Турокъ. Къ этому ведетъ насъ то обстоятельство, что хотя языки монгольскій, тунгузскій, турецкій и финскій весьма различаются одинъ отъ другаго; но по основательному изученію лингвистовъ имѣютъ и признаки общаго происхожденія. Къ этому должно еще прибавить, что преданія всѣхъ этихъ народовъ, начальнымъ жилищемъ своимъ полагаютъ возвышенную плоскость восточной Азіи, или горы окаймляющія эту же плоскость. Самоѣды не могутъ также имѣть иного происхожденія, и нѣкоторые остатки сплеменныхъ имъ на-

родовъ жили долго на сѣверныхъ предгоріяхъ Саянскаго хребта. Если же лингвисты и настаиваютъ на различіи языковъ Китайцевъ и обитателей Индо-Китая отъ языковъ другихъ народовъ, приводя что первые не только состоятъ изъ односложныхъ словъ, но что и слова самыя ставятся безъ всякаго грамматическаго измѣненія, а только порядкомъ расположенія обозначаются тѣ взаимныя ихъ соотношенія, которыя опредѣляются въ прочихъ языкахъ измѣненіями (склоненіями именъ и спряженіями глаголовъ), однако-же, почти всѣ лингвисты новѣйшихъ временъ выражаютъ довольно общее убѣжденіе, что измѣненія эти въ обыкновенныхъ языкахъ обозначаются также и чрезъ присоединеніе слоговъ (Suffixa), и что самыя эти дополненія первоначально имѣли свое собственное значеніе, особенно что еще и теперь въ другихъ главныхъ языкахъ восточной Азіи Suffixa весьма ясно узнаются; а потому и нельзя рѣшительно сказать, чтобы грамматическій составъ этихъ односложныхъ языковъ былъ для нихъ существенный. Болѣе вѣроятно, что языки ихъ еще не развиты, а находятся въ зародышномъ состояніи. Къ тому же всѣ преданія Китайцевъ подтверждаютъ, что они, придя отъ горъ Кюэнь-Лунь (Küen-lün) сѣвернаго края возвышенной плоскости, заняли Китай, гдѣ впрочемъ уже нашли людей. Что полуостровъ Индо-Китай населенъ выходцами изъ Китая кажется несомнѣнно. Но и здѣсь Китайцы нашли народы болѣе темноцвѣтные, отъ которыхъ сохранились еще нѣкоторые самостоятельные остатки. Какъ и въ Индостанѣ встрѣчаются народы совершенно различающіеся отъ Индусовъ (*Hindus* о которыхъ говорено будетъ при послѣдней группѣ) и говорящіе совсѣмъ инымъ языкомъ, и какъ въ древнихъ историческихъ книгахъ Японіи упоминается, что государство это прежде населено было черноватыми людьми, а болѣе свѣтлый народъ прибылъ уже въ послѣдствіи, и частію истребилъ первобытныхъ жителей, а частію смѣшался съ ними; то и кажется довольно вѣроят-

нымъ, что народы, которыхъ мы встрѣчаемъ нынѣ господствующими въ юго-восточной Азіи, всѣ суть пришельцы изъ средней Азіи, и частію истребили племя, котораго нынѣ и слѣдовъ нѣтъ, частію вытѣснили, а частію смѣшались съ нимъ. Можетъ статься, что этотъ смѣшавшійся первоначальный народъ былъ сходенъ съ Альфуру, къ которымъ принадлежатъ и люди живущіе во внутренности Малакки. Сказали мы даже, что въ языкѣ Новой Голландіи находили нѣкоторые слова языка (это *Тамульскаго*), который не принадлежитъ къ санскритскимъ языкамъ Индостана. Въ сѣверо-восточной части Азіи остается еще нѣсколько небольшихъ народовъ, какъ-то: Коряки, Камчадалы и проч., о языкахъ и происхожденіи которыхъ ничего неизвѣстно; но какъ они вообще похожи на людей происходящихъ изъ средней Азіи, то, хотя языки ихъ не достаточно еще изслѣдованы, ихъ можно не обинуясь причислить сюда же. Одно небольшое племя восточной Азіи весьма отличается отъ прочихъ Азіатцевъ своею длинною бородою, и густо ростущими по всѣмъ остальнымъ частямъ тѣла волосами; но оно слишкомъ малочисленно, чтобъ составлять особую группу даже и тогда, если бы и языкъ его, — совсѣмъ впрочемъ еще неизслѣдованный, — представлялъ какую-либо особенность или различіе.

Такимъ образомъ наша группа восточной Азіи довольно соотвѣтствуетъ Монгольской породѣ Блуменбаха. Только Эскимосовъ и Чукчей мы причислили къ Американцамъ, а вмѣсто того мы ставимъ здѣсь же татарскія поколѣнія, которыя Блуменбахъ относилъ къ Кавказской породѣ, такъ какъ языкъ ихъ болѣе сроденъ съ монгольскими нежели съ Индо-европейскими; языки же татарскихъ народовъ многими постепенностями переходятъ въ языки финскіе, а съ другой стороны и въ монгольскіе.

Причардъ предложилъ назвать *Туранскою* всю группу народовъ восточной Азіи, которыхъ языки происходятъ отъ одного корня.

Впрочемъ, какъ мы намѣрены составить большія

группы по состоянію душевныхъ качествъ; то тѣмъ болѣе еще въ правѣ слить азіатскіе народы въ одну группу, ибо обо всѣхъ можно сказать утвердительно, что они неимѣютъ ни безпечной веселости Негровъ, ни твердаго духа Американцевъ, ни пламеннаго религіознаго рвенія Семитовъ (семитическихъ народовъ), ни оборотливой смышленности (Speculativ) Индо-европейцевъ; но они лишены чувства изящнаго, а умственная дѣятельность ихъ паправлена особенно къ тому, что непосредственно приноситъ пользу. Трудно въ короткихъ словахъ очертить это направленіе характера, но оно въ исторіи міра рѣзко выразилось. Оно объясняетъ, почему народы восточной Азіи вообще долго коснѣютъ на самой низшей степени цивилизаціи тамъ, куда, какъ въ Китаѣ и Японіи, плодоносность почвы не привлекаетъ стеченія людей. По своей склонности къ грабительству восточные Азіатцы, находясь сами на низшей степени образованности, не только препятствуютъ общественному развитію своихъ сосѣдей, но дѣлались весьма часто даже разрушителями высшей цивилизаціи. Я привожу въ примѣръ этого не только нашествіе Монголовъ на Россію, но и опустошенія нанесенныя Гуннами; а что Гунны были похожи на Монголовъ это мы подтвердимъ далѣе свидѣтельствами изъ древнихъ писателей. За нѣсколько столѣтій Турки вторглись въ Европу и оказали не менѣе вредное вліяніе на образованность. Но со всѣмъ иначе дѣйствовали Арабы при своемъ вторженіи: они не только разрушали, но и сооружали. При томъ въ Испаніи война была жестокая, потому что съ обѣихъ сторонъ дѣйствовалъ религіозный фанатизмъ; однакожъ едва Арабы завладѣвали какою нибудь провинціей, какъ тамъ уже начинали процвѣтать промышленность, искуства и науки. Куда же достигали Монголы и Турки тамъ упадали промышленность, художества и науки. Гдѣ многолюдство, плодородіе и мѣстность благопріятствовали улучшеніямъ общественныхъ учрежденій, тамъ они почти сами собою возникали, какъ-то въ Индіи, Ки-

тат и Японіи: но совсѣмъ съ инымъ характеромъ, нежели въ Европѣ. — Въ Китаѣ процвѣтаютъ искусства, и процвѣтали уже въ глубокой древности, но, не смотря на то, высокія, идеальныя отрасли искуствъ тамъ на низкой степени развитія. По предпочтительной привязанности Китайцевъ и Японцевъ къ каррикатурѣ, можно, какъ кажется намъ, на вѣрно заключать что чувство изящнаго у нихъ не развивается, а упадаетъ. Ни въ одномъ китайскомъ стихотвореніи не видно поэтическаго порыва. Почти тоже можно сказать и о наукахъ Китайцевъ. Не смотря на древность ихъ словесности они не имѣютъ настоящей науки. Географическія ихъ описанія могутъ имѣть для насъ большую цѣну, ибо говорятъ о странахъ которыхъ мы не знаемъ, но въ нихъ не описано достаточно ни одно изъ произведеній природы этихъ странъ: такія описанія Китайцы считаютъ безполезными.

Стремленіе къ полезному произвело нѣкоторыя учрежденія и сооруженія въ высшей степени полезныя, и при томъ въ такихъ обширныхъ и многообразныхъ размѣрахъ, что мы должны удивляться имъ; таково напр. множество каналовъ, изъ коихъ одинъ Императорскій длиною въ 1700 верстъ; также длинна и великая стѣна. Послѣдняя однакоже не воспрепятствовала Монголамъ и Манджуро-Тунгузамъ вторнуться въ Китай и покорить его.

Правда многіе Восточно-Азіатцы нынѣшняго времени ревностные приверженцы Буддиской религіи. Но религія эта не въ этой группѣ народовъ возникшая, а въ Индо-Китаѣ, нынѣ кажется унизилась такъ, что ограничивается одними обрядами безъ значенія. Китайцы довольствовались нѣкоторымъ родомъ философіи (ученіемъ Кон-фу-це) прежде, нежели приняли религію Будды. Такимъ образомъ кажется, что у восточныхъ Азіатцевъ не достаетъ въ наукахъ, художествахъ и религіи чувства, которымъ такъ богато надѣлены столь многія племена нашей послѣдней

группы.—Мнѣ можетъ быть возразятъ: Восточно-Азіатцы стоятъ такъ низко въ отношеніи государственнаго устройства, и нападенія ихъ на западъ такъ разрушительны только въ слѣдствіе преобладающаго у нихъ образа жизни. Если народъ живетъ въ степной странѣ, онъ по неволѣ долженъ вести кочевую жизнь и въ немъ вовсе не могутъ развиться многія условія общественной жизни. По этому-то нападенія номадовъ такъ разрушительны. — Это предположеніе нисколько не измѣняетъ моего мнѣнія; я съ нимъ совершенно согласенъ, и даже убѣжденъ что кочующему народу нужно, чтобы перейти къ другому образу жизни, тѣмъ болѣе времени, чѣмъ долѣе этотъ народъ былъ кочевымъ. Я вовсе не думаю что у восточно-азіатскихъ или турянскихъ народовъ начало духовныхъ способностей другое, чѣмъ у индо-европейцевъ.

Вся группа этихъ народовъ распадается на нѣсколько семействъ, на которыхъ мы теперь нѣсколько остановимся.

1. Мы начинаемъ *Монгольскимъ семействомъ*, потому-что въ немъ рѣзче выказывается физическій характеръ восточно-азіатскихъ народовъ; по этому и вся группа получила названіе отъ нихъ. Всѣ народы этого семейства, сколько извѣстно изъ Исторіи, вели всегда кочевую жизнь, и доселѣ ведутъ ее, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ поколѣній, которыя въ Монголіи и Сибири обратились къ хлѣбопашеству. Монгольское семейство занимаетъ бо́льшую часть возвышенной плоскости средней Азіи, исключая однакоже восточнаго края этой плоскости, гдѣ живутъ Тунгузскіе народы. Оно заселило также сѣверный склонъ этой равнины и именно Сибирскую Даурію; сверхъ того кочуетъ одна калмыцкая орда на Приволжскихъ степяхъ. Монгольское семейство раздѣляется на три отрасли или народа *Калмыковъ*, *Монголовъ и Бурятовъ*, которыхъ языки такъ сходны между собою, что три эти народа при какихъ либо сдѣлкахъ или взаимныхъ сношеніяхъ, могутъ изъясняться между собою легко.

Извѣстнѣйшіе изъ нихъ суть *Калмыки*. Они отлича-

ются особенно широкимъ лицомъ, что происходитъ частію отъ большой величины полости носа, частію отъ того, что скулы очень выпуклы. Наружная часть носа весьма низка, такъ что боковыя его плоскости почти не замѣтно переходятъ въ щоки и сливаются съ ними. Какъ при этомъ челюсти мало выдаются и губы едва толще нежели у Европейцевъ, то и дѣлается все лице чрезвычайно плоскимъ и всѣ черты сплываются однѣ съ другими, что можно видѣть на портретѣ Калмыка, который посредствомъ зеркала самъ себя нарисовалъ (Табл. 40. Ф. 3). Глаза поразительны узкостію отверстія вѣкъ, котораго внутренній уголъ обыкновенно нѣсколько опущенъ внизъ; это происходитъ отъ того, что у этого народа и у ближайшихъ его соплеменниковъ края костяной впадины, къ которымъ прикрѣплены связкою вѣки, вдаются глубже нежели у Европейцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, верхнее вѣко въ бо́льшей своей части опущено внизъ, какъ завѣса, а у внутренняго (иногда также у наружнаго) угла глаза кажется нѣсколько перевисшимъ чрезъ край разрѣза вѣкъ. То и другое происходитъ, какъ нами уже замѣчено, можетъ статься оттого, что глазное яблоко нѣсколько меньше, нежели у Европейцевъ (впрочемъ оно никогда не было точно измѣрено), или же оттого, что оно лежитъ глубже въ глазной впадинѣ, и по этому верхнее вѣко менѣе выгнуто наружу. У Европейцевъ же отъ выпуклости глазнаго яблока, вѣки дѣлаются сами по себѣ выпуклыми. Обыкновенно говорятъ, что у монгольскихъ народовъ внѣшній уголъ глаза выше. Но это кажется только исключеніе, которое у этихъ народовъ, конечно, чаще можетъ встрѣтиться, нежели у Европейцевъ. Напротивъ общее правило слѣдующее: внутренній глазной уголъ пониженъ, отчего линія между обоими углами глаза дѣлается косвенною; отверстіе вѣкъ малое, какъ у дремлющихъ, и при всемъ томъ взглядъ долженъ быть живой; радужина темнаго цвѣта и по узкости отверстія вѣкъ часть ея остается всегда закрытою.

Брови узки и мало изогнуты; уши торчатъ въ стороны. Волосы совершенно черные и нѣсколько жесткіе. Борода небольшая и рѣдкая; а по словамъ Палласа извѣстно, что у Калмыковъ она еще не такъ мала, какъ у другихъ монгольскихъ племенъ.

Черепъ коротокъ, но необыкновенно широкъ; и въ трехъ черепахъ, которые я теперь имѣю передъ собою, наибольшій поперечный діаметръ находится не въ верхней трети, гдѣ у Европейцевъ замѣчаются выпуклости, называемыя у анатомовъ *Tubera parietalia*, но гораздо ниже; однако черепъ не имѣетъ крыше-образной формы, какъ у многихъ Американцевъ, а представляетъ вверху нѣсколько плоскій сводъ; затылочное отверстіе необыкновенно широко. Ширина лба также увеличивается отъ ширины черепа; брови весьма мало выпуклы.

Они скорѣе малы, нежели высоки; сухощавы но съ широкими костями и плечисты. Ноги часто кривы до того, что колѣна выпячиваются наружу; это приписываютъ отчасти тому, что дѣти весьма рано начинаютъ ѣздить верьхомъ. Цвѣтъ кожи обыкновенно свѣтло-буро-желтый. Однакоже женщины свѣтлѣе цвѣтомъ, и иногда не только бѣлы, но даже и красивы, потому что скулы у женскаго пола вообще менѣе выдаются. Умственныя способности ихъ вообще развиты хорошо; особенно необыкновенна память, живое воображеніе и остроуміе; нѣкоторыя чувства, особенно зрѣніе, чрезвычайно остры. Со времени паденія великаго Монгольскаго царства Калмыки раздѣляются на четыре главныхъ племени: *Хошотовъ, Джунгаровъ, Торготовъ* и *Дербэтовъ*. *Хошоты* живутъ большею частію въ гористой странѣ между Тибетомъ и Китаемъ въ окрестностяхъ Хохонора или Голубаго озера. *Джунгары* составляютъ главный народъ въ западной части великой средне-азіатской возвышенной степи, которая по нимъ названа Джунгаріею. *Торготы*, которые прежде имѣли свои пастбища въ Россійскихъ владѣніяхъ отъ р. Эмбы до рѣки Урала, прикочевали также въ 1770 г.

числомъ отъ 50 т. до 60 т. кибитокъ въ эту страну, которую и населяютъ по нынѣ вмѣстѣ съ Джунгарами. *Дербэты* жили далѣе къ западу на Ишимской степи, а въ 17-мъ столѣтіи, чтобы снискать покровительство Россіи, откочевали еще далѣе на западъ къ Волгѣ и даже до Дона. Они не участвовали въ побѣгѣ Торготовъ. И нынѣ еще Калмыки живутъ по обѣимъ сторонамъ нижней Волги до Дона и въ ближайшей къ намъ части Кавказской области (по сю сторону Кавказа), также и въ Саратовской губерніи. Число ихъ простирается до 100,000 душъ обоего пола. Они принадлежатъ бо́льшею частію къ племени Дербэтовъ; однакоже есть между ними и остатки другихъ трехъ племенъ. Сверхъ того есть еще нѣкоторое число Калмыковъ на сѣверныхъ склонахъ Алтайскаго кряжа горъ, а особливо въ Томской губерніи, но всего болѣе въ Китайской Джунгаріи.

Калмыки извѣстны какъ совершенно кочевой народъ. Они содержатъ большія стада верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота и овецъ, почему и пищу ихъ составляютъ преимущественно мясо и молоко этихъ животныхъ. Но чтобы прибавить пищи и изъ растительнаго царства, питаются они съѣдобными корнями и травами, находимыми въ степи; но какъ этого весьма недостаточно, то нынѣ они покупаютъ муку у Русскихъ. Однако же прежде они не могли ее доставать, потому что не были въ сосѣдствѣ съ народами-земледѣльцами. По этому я не сомнѣваюсь, что столь рѣзко выраженныя особенности ихъ черепа происходятъ отъ ихъ прежней, исключительно животной пищи. Замѣчательно, что Калмыки сами различаютъ у себя рѣзко разграниченныя поколѣнія: по ихъ мнѣнію у благородныхъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ ихъ начальники, кости бѣлыя, а у простаго народа черныя.

Бо́льшая часть Калмыковъ — Буддисты, но въ Симбирской губерніи есть изъ нихъ и Христіане, а въ Оренбургской нѣсколько деревень магометанскаго закона.

Собственно *Монголы*, которые весьма похожи на Кал-

мыковъ, но имѣютъ еще болѣе рѣдкую бороду, населяютъ возвышенную степь между Сибирью и Китаемъ, гдѣ они раздѣляются на Орды, управляемыя наслѣдственными князьками. Каждая орда подраздѣляется еще на роды (Аймаки), изъ которыхъ каждый имѣетъ свое собственное пастбище, и управляется низшимъ князькомъ (Сайсаномъ). Всѣ они поклонники Будды, и многіе учатся читать. Вообще они болѣе образованы, и этимъ обязаны сношеніямъ съ Китаемъ, а въ южныхъ частяхъ Монголіи они начали свыкаться съ земледѣліемъ, и поводомъ къ тому обыкновенно служитъ потеря скота отъ заразительныхъ болѣзней. Только нѣкоторое число настоящихъ Монголовъ обитаютъ въ Россійскихъ владѣніяхъ на юговостокъ отъ Байкала и по рѣкѣ Селенгѣ, Чикоѣ и нѣсколько далѣе къ востоку. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія ихъ было тамъ до 7000 душъ обоего пола. Нынѣ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и буматахъ они обыкновенно причисляются къ слѣдующимъ народамъ.

Третій народъ *Буряты* или, какъ ихъ называютъ Русскіе, *Братскіе*, живутъ почти всѣ въ предѣлахъ Россійской Имперіи: около рѣки Ангары, при верховьяхъ Лены, около Байкала и на его островахъ, также далѣе къ востоку, въ Нерчинской области.

По замѣчаніямъ Палласа, Буряты гораздо слабѣе Калмыковъ. Пятеро или шестеро Бурятовъ сработаютъ то, для чего нужно одного Русскаго,— это онъ приписываетъ жестокому климату. Притомъ тѣло ихъ такъ легко, что лошади, загнанныя подъ Русскими верховыми ѣздоками, поправляются когда на нихъ ѣздятъ Буряты. Эти разсказы не много преувеличены, но справедливы.

На многихъ черепахъ передо мною лежащихъ замѣчаю я, что лица ихъ нѣсколько менѣе въ ширину нежели у Калмыковъ, но что напротивъ полость черепа еще короче чѣмъ у послѣднихъ, за то весьма широка для вмѣщенія мозга, и хотя сама по себѣ не шире какъ и у

Калмыковъ, однако въ отношеніи къ лицу все-же болѣе чѣмъ у этихъ.

Буряты, какъ и другіе Монголы, большею частію Буддисты; однако нѣсколько сотень ихъ обратились въ Христіанство. Точно также они большею частію номады. Въ послѣднее время Правительство старалось ввести между ними земледѣліе, которое мало по малу усвоивается, особенно въ *Хоринскомъ* племени.

2. Изъ всѣхъ семействъ народовъ принадлежащихъ къ восточно-азіатской группѣ, народы *Самоѣдскіе* имѣютъ кажется мнѣ наиболѣе сходства въ устройствѣ тѣла съ Монголами. Лицо ихъ плоско и также широко, какъ у Монголовъ; только приплюснутый носъ на концѣ нѣсколько утолщенъ и вздернутъ. Судя по черепу, который передо мною теперь, основаніе носа не такъ широко какъ у Монголовъ. Но черепъ этотъ доставленъ съ береговъ Тиманскихъ, гдѣ кровь Самоѣдовъ издревле могла смѣшаться съ Финскою. На нашей таблицѣ 34 фиг. 1., которая представляетъ портретъ Самоѣдовъ живущихъ на Тундрахъ далѣе къ востоку, разстояніе глазъ довольно широко. Также во многихъ лежащихъ передо мною портретахъ привезенныхъ изъ путешествій гг. Академикомъ Миддендорфомъ и Полковникомъ Гофманомъ, носъ короткой и часть лица подъ отверстіями носовыми нѣсколько вытянута. Глаза такіе же, какъ у монгольскихъ семействъ. Также лобъ обыкновенно широкій, и мѣсто надъ корнемъ носа (Glabella, анатомовъ) у нихъ, какъ и у Калмыковъ, плоско и широко, между тѣмъ какъ костяныя дуги бровей мало развиты. Волосы черные и прямые. Самоѣды вообще малорослы. Цвѣтъ кожи по мнѣнію б. ч. наблюдателей свѣтло-желтый съ темнымъ оттѣнкомъ.

Самоѣды населяютъ исключительно самыя сѣверныя страны Европейской Россіи, отъ р. Мезени до Урала, также самыя сѣверныя части Западной Сибири отъ Урала до прибрежія р. Лены. Только самыя крайнія, выдавшіяся въ океанъ полуострова къ сѣ-

веру отъ Таймирскаго озера и Новая Земля остаются ни ими, ни кѣмъ либо другимъ не заселенными. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подвигаются они довольно далеко къ югу, такъ напр. вверхъ по Оби они приближаются къ городу Томску; но здѣсь они называются уже *Остяками*, названіе это впрочемъ присвоивается одному изъ финскихъ народовъ. Нѣкогда было нѣсколько Самоѣдскихъ племенъ или отродій въ Салнскихъ горахъ: какъ напр. *Камашинцы* или *Камасинцы*, *Карагассы*, *Сойоты*. Они совсѣмъ отдѣлены были отъ сѣверныхъ Самоѣдовъ, и существуетъ мнѣніе, что Татары, при вторженіи своемъ въ Сибирь, отдѣлили этихъ Самоѣдовъ отъ прочихъ. Нынѣ Г-нъ Кастренъ нашелъ, что эти остатки народовъ или люди, которыхъ считаютъ ими, говорятъ татарскимъ языкомъ; и потому они или приняли татарской языкъ, или вымерли и перевелись, а нѣкоторые изъ вторгшихся Татаръ наслѣдовали ихъ названіе. Что древніе Карагасы принадлежали къ Самоѣдамъ, заключаю я по крайней мѣрѣ изъ одного древняго черепа, доставленнаго въ Академію Наукъ Полковникомъ Гофманомъ.

И такъ нынѣ существуютъ только на сѣверѣ Самоѣды, изъ которыхъ однако-же Южные живутъ въ лѣсахъ. О первыхъ извѣстно, что съ своими оленьими стадами они кочуютъ по тундрамъ и при наступленіи лѣта обыкновенно подвигаются еще далѣе на сѣверъ, а при наступленіи зимы далѣе на югъ. Кромѣ оленьяго мяса главною пищею служитъ имъ рыба. Живущіе въ лѣсахъ Самоѣды составляютъ собственно говоря охотниковъ и рыболововъ; потому что преимущественно живутъ охотою и рыбною ловлею. Но частію они занимаются и скотоводствомъ. Эти начали уже употреблять и хлѣбъ, который они однакожъ сами не воздѣлываютъ, а вымѣниваютъ отъ русскихъ.

Они раздѣляются на особые отдѣльные роды, которые описывать здѣсь было-бы излишне. О бо́льшей части изъ нихъ доставилъ новѣйшія извѣстія Г. Кастренъ.

Далѣе на западъ отъ пространства занимаемаго мон-

гольскими племенами слѣдуютъ два семейства народовъ: *Турецкое* или *Татарское*, и *Финское* или *Чудское;* первое занимаетъ южную часть этого пространства, а второе подается болѣе къ сѣверу.

3. *Турецкое* семейство много затрудняетъ систематическое раздѣленіе народовъ, и одно изъ такихъ затрудненій есть уже самое имя его. Въ Россіи мы привыкли называть татарами народовъ этого семейства живущихъ въ предѣлахъ ея, потому что они сами себя такъ называли издревле, а многіе изъ нихъ и теперь даютъ себѣ это-же названіе. Извѣстно, что Турки Османскіе говорятъ языкомъ столь похожимъ на Татарскій, что языки Турецкій и Татарскій, судя по тому, какъ они употребляются во многихъ областяхъ нашего отечества, должно считать, если не за нарѣчія одного, то по крайней-мѣрѣ за два сродственные языка. Извѣстно также, что Турки, такъ называемые Османны, вышедъ изъ окрестностей Окса или Аму-Дерьи, бывшихъ прежде жилищемъ Татаръ, вторглись чрезъ Персію и малую Азію въ Европу; кромѣ того мы знаемъ, что византійскіе писатели VI-го столѣтія, Турками (*Τουρκοι*), называли, не одинъ тотъ народъ, который въ послѣдствіи овладѣлъ византійскимъ трономъ, но и сродственныхъ съ нимъ народовъ, которые населяли большую степь отъ Алтая до устья Дуная, и дѣлали частыя нашествія на Византійское государство. И нынѣ часто случается что одно семейство народа носитъ у другихъ племенъ различныя названія, смотря потому, какое ихъ названіи, принадлежащихъ къ этому семейству отдѣльныхъ народовъ, принимается за общее для всего семейства. Такъ Нѣмцы называются у Французовъ Аллеманами «Allemands», по имени одного изъ западныхъ племенъ Аллемановъ; Финны называютъ ихъ «Саксадъ» (Saksad), также по имени одного сѣвернаго поколѣнія Саксонцовъ; Римляне же называли ихъ «Германцами» то есть братскіе или братственные; это же имя употребляютъ и Англичане, которые произносятъ его по своему Germans; но Англичане-же сосѣдственное съ ними племя

Голландцевъ называютъ Dutch, имя которое и нѣмецкой народъ самъ присвоиваетъ себѣ въ общемъ значеніи. Русскіе же какъ вообще, такъ и въ частностяхъ употребляютъ названіе *Нѣмецъ* (Stumm, нѣмой). Точно также и оба слова—Татары, въ Россіи, и Турки, въ остальной Европѣ, означаютъ одно и тоже семейство народовъ. Слѣдовательно, такое различіе названій присвояемое отдѣльнымъ народамъ, или ихъ группамъ весьма обыкновенно. Но относительно Татаръ встрѣчается еще, какъ думали нѣкоторые ученые, другое обстоятельство. Клапротъ доказывалъ или силился доказать, основываясь на китайскихъ источникахъ, что названіе *Татаръ* (или *Тата*), которое Китайцы узнали въ IX-мъ столѣтіи, принадлежитъ собственно Монгольскому народу живущему въ пустынѣ Шамо; и когда, распространивъ владычество на большую часть Азіи, Монголы предприняли нашествіе на восточную Европу, то по словамъ Клапрота, войско состояло главнымъ образомъ изъ турецкихъ народовъ, а изъ Монголовъ были только князья или главные начальники. Самые Монголы назывались Татарами; это же названіе, послѣ паденія Монгольскаго царства, перешло на покоренныхъ Турковъ. Первая половина этого доказательства т. е. будто бы большинство наѣздниковъ были Турки, не подлежатъ сомнѣнію; другая же половина весьма сомнительна. Откуда можно было бы вывести то, что русскія хроники говорятъ то о Татарахъ, то о Монголахъ, если бы оба названія не означали разныхъ народовъ? Какимъ образомъ могли тогда всѣ Турецкіе народы называться однимъ именемъ? Если слово Татары означало Монголовъ, то необходимо, чтобъ Турки имѣли какое либо другое собирательное имя. Скоро мы узнаемъ, что такая мѣна названій по видимому происходила изъ другихъ источниковъ. Клапротъ далѣе говорилъ, что совершенно не правильно было бы народы называемые нынѣ Татарами, продолжать и впредь называть Татарами же; но слѣдовало бы ихъ именовать Турками. Это послѣднее имя сдѣлалось уже довольно общимъ во Франціи и въ Герма-

ніи: въ Россіи же имя Татаръ не можетъ изгладиться. Да это и не нужно вовсе; потому что, вѣроятно это названіе есть древнее, подъ которымъ разумѣются и Турецкіе народы. Китайцы, всѣхъ народовъ возвышенной Азіи называютъ Та-тсе (Ta-tsö) или Та-че (Ta-tsche) (букву *р* они со всѣмъ не могутъ произносить), не различая ни Турокъ, ни Монголовъ, хотя для каждаго отдѣльнаго народа они также имѣютъ и особыя названія; также поступаютъ и Французы, которые половину Азіи называютъ Тартаріею. Но въ томъ мѣстѣ или источникѣ, которому Клапротъ даетъ такую важность, сказано: «Та-та состояли изъ трехъ племенъ: 1) бѣлыхъ, которые не имѣютъ ничего отвратительнаго въ наружности, 2) дикихъ и 3) черныхъ Та-та; изъ послѣднихъ произошелъ Чингиз-ханъ; и такъ ясно, что сюда причисляются какъ Монгольскіе, такъ и Турецкіе народы, которые и теперь населяютъ западную часть горной страны Китайской средней Азіи, и можетъ быть оба эти семейства народовъ, въ прежнія времена, вообще имѣли болѣе сходства между собою. Еще и нынѣ восточные народы говорящіе Турецкимъ языкомъ болѣе похожи на Монголовъ, нежели подавшіеся далѣе къ западу; и по счастливому случаю удалось лингвистамъ найти историческія доказательства, что одинъ изъ древнихъ Турецкихъ языковъ средней Азіи, былъ гораздо болѣе сходенъ съ Монгольскимъ, нежели нынѣшній языкъ Османлы, въ которой вошло много элементовъ Персидскаго и Арабскаго. *Уигуры*, восточно-турецкій народъ, который, по преданіямъ своимъ, первоначальнымъ отечествомъ считаетъ страну у рѣки Орхонъ, на югъ отъ Байкала, — въ VIII столѣтіи подался къ западу, покорилъ на южномъ склонѣ Алтая другое Турецкое поколѣніе и основалъ государство, далеко простиравшееся въ Среднюю Азію; но въ X столѣтіи оно опять раззорено Китайцами и Киргизами. Эти *Уигуры* научились отъ христіанъ несторіанскихъ сирской азбукѣ и ввели ее въ свой языкъ. Такимъ образомъ родилась у нихъ словесность, отъ которой сохрани-

лись нѣкоторыя сочиненія, въ недавнее время изслѣдованныя Абель-Ремюза. Послѣ того профессоръ Шоттъ предпринялъ всеобщее изслѣдованіе языковъ: Монгольскаго, Манджу-Тунгускаго, Татарскихъ и Финскихъ; изъ этихъ изслѣдованій, какъ кажется, вывести можно, что всѣ эти языки происходятъ отъ одного общаго корня, отъ котораго впрочемъ Финскіе болѣе всѣхъ удаляются. Въ началѣ этого отдѣла (см. 558) мы уже говорили объ этомъ общемъ происхожденіи, но все же считаемъ необходимымъ въ нѣсколькихъ строкахъ еще точнѣе объяснить его.

Слова въ этихъ языкахъ вообще не подлежатъ настоящимъ измѣненіямъ, въ замѣнъ которыхъ есть только прибавочныя или управляющія частицы (Suffixa); только въ Финскихъ языкахъ Suffixa часто переходятъ въ настоящія склоненія или спряженія. Частицы (Suffixa) для означенія падежей въ Манджурскомъ, Монгольскомъ и Татарскомъ языкахъ часто такъ сходны между собою, что непремѣнно должны имѣть общее происхожденіе. Такъ напр. частица родительнаго въ Манджурскомъ есть: *ни, и*, въ Турецкомъ: *нинг, юнг* (üng), въ Монгольскомъ: *уне, уг, йин, ис.* Ходный падежъ производится въ Манджурскомъ прибавленіемъ частицы *чи,* въ Монгольскомъ: *эце*, которое похожее на: *ст* или *ста* въ Финскомъ. Чтобъ означить множество употребляются разныя прибавочныя частицы, которыя въ трехъ большихъ языкахъ внутреннеи Азіи однѣ и тѣже, только съ нѣкоторыми измѣненіями: *хамук* въ Монгольскомъ, *камук* или *каму* въ Турецкомъ, *гему* въ Манжурскомъ. Прочія частицы множественнаго числа въ Манжурскомъ: *са, се, си, та, те, ри* сходны съ Монгольскими: *с, д, од, нар,* и послѣдняя походитъ на *лар* или *лер* въ Турецкомъ,—ибо часто въ этихъ языкахъ *н* превращается въ *л.* — Другое характеристическое свойство не только Внутрене-Азіатскаго, (Тунгускаго, Монгольскаго и Турецкаго), но и Финскаго и Маджарскаго языковъ—состоитъ въ томъ, что существительныя и прилагательныя не имѣютъ родовъ, т. е. что онѣ ни мужескаго, ни женскаго

рода. Когда же нужно различить родъ, говоря о существахъ одушевленныхъ, то для этого прибавляютъ цѣлое слово. Это несовершенство измѣненій, вознаграждается точностью правилъ разстановки словъ. Предлоги слѣдуютъ всегда за тѣмъ словомъ, къ которому относятся; существительное за прилагательнымъ ему приписываемымъ, глаголъ за своимъ нарѣчіемъ. Въ языкѣ Османлы эти правила порядка не столько опредѣлительны и не такъ однообразны, что приписывается примѣси другихъ языковъ. Что касается до запаса словъ, то Абель-Ремюза полагалъ, что какъ ни сходно построеніе рѣчи въ трехъ семействахъ языковъ внутренней Азіи, но число одинаковыхъ словъ или корней словъ въ нихъ не значительно. Однако Шоттъ убѣдительно доказываетъ, что число одинаковыхъ словъ гораздо больше, нежели думаетъ французскій лингвистъ, но только въ значеніи ихъ есть нѣкоторыя измѣненія, которыя также встрѣчаются и въ языкахъ Санскритскаго корня. Онъ также показалъ, что можно бы доказать общее происхожденіе многихъ словъ, которыя теперь кажутся различными, если бы только языки были болѣе извѣстны. Напр. турецкое слово *гёкъ*—небо, во множественномъ *гёклеръ*, не встрѣчается въ этомъ значеніи въ другихъ языкахъ; но въ значеніи *голубой* оно находится и въ Монгольскомъ языкѣ, въ измѣненномъ видѣ: *кёкё*, въ Манджурскомъ: — *куку* и др. Такъ нѣмецкое слово *berg* встрѣчается и въ русскомъ языкѣ какъ *берегъ*, съ нѣсколько измѣненнымъ значеніемъ. Ясно что нѣмецкое *wetter* и наше *вѣтеръ* одно и тоже слово, но въ нѣмецкомъ *wetter* означаетъ вообще погоду, а въ русскомъ *вѣтеръ* особенное состояніе погоды, при которомъ воздухъ находится въ движеніи.

Антропологи и лингвисты кажется согласились съ замѣчаніями Шотта, изъ которыхъ я естественно могъ сообщить здѣсь только не многія. Эти замѣчанія побудили Причарда, который обработывая физическую антропологію въ тоже время занимался и лингвистикой, согла-

ситься, что выше-поименованные народы, происходятъ отъ одного корня, тогда какъ прежде ихъ причисляли къ различнымъ породамъ. Также и Регули, молодой венгерскій ученый, по видимому совершенно согласенъ съ Шоттомъ; еще недавно онъ выразилъ мнѣніе, что 6 семействъ языковъ, именно 1) *Монгольское*, 2) *Тунгузское*, 3) *Турецкое* или *Татарское*, 4) *Самоѣдское*, 5) *Финское* и 6) *Маджарское* происходятъ отъ одного корня, и что 2 послѣднія изъ нихъ болѣе сродны между собою, нежели всѣ прочія. Я говорилъ объ этомъ съ академикомъ Бэтлингомъ, который основательно изучилъ Якутскій языкъ и сравнилъ его съ другими Татарскими, а эти съ Монгольскими; такимъ образомъ онъ составилъ себѣ ясное понятіе объ этомъ предметѣ. Вотъ мнѣніе этого академика: ученые нѣсколько преувеличили взаимное сходство названныхъ семействъ языковъ, и различіе ихъ отъ другихъ семействъ: даже въ Монгольскихъ языкахъ въ разговорѣ слова подвергаются уже измѣненіямъ; неизмѣнныя suffixa совершенно отдѣльны отъ словъ, только въ письменномъ языкѣ. Однако и Г. Бэтлингъ согласенъ съ главнымъ положеніемъ Шотта, что всѣ эти языки происходятъ отъ одного корня.

Мы нѣсколько остановились на коренномъ сродствѣ языковъ, потому что со временъ Блуменбаха вошло въ привычку причислять Турокъ, а слѣдовательно и Татаръ къ Кавказской породѣ. Дѣйствительно *западные Турки* или *Османлы* въ складѣ лица, не отличаются рѣзко отъ прочихъ Европейцевъ. Они не только имѣютъ большія бороды, какихъ мы не находимъ у восточно-азіатскихъ народовъ (исключая Ainos); но и лица ихъ не слишкомъ широки, а глаза довольно открытыя. Важность же, выражающуюся во всей ихъ наружности и поступкахъ, можно считать слѣдствіемъ ихъ воспитанія и религіи, или же привычки. Бо́льшая часть народовъ, особливо западныхъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ Татаръ, не имѣютъ въ лицѣ никакого сходства съ такъ называемою Монголь-

скою физіономіею. Лицо у нихъ бо̀льшею частію продолговатое, носъ довольно выдающійся и часто даже длинный, горбатый. Конечно, скуловыя кости ихъ обыкновенно значительно выставляются, но это, какъ мнѣ кажется, происходитъ не оттого что лицо широко, а оттого что передняя плоскость каждой скуловой кости, образуетъ, переходя въ боковую, крутой уголъ. Притомъ же скуловая кость—какъ это видно на всѣхъ черепахъ—далеко не такъ вытянута сверху внизъ, какъ у Монгольскихъ, Тунгузскихъ и Самоѣдскихъ народовъ. Кажется, что всѣ Татары схожи съ живущими далѣе къ востоку народами Азіи, въ томъ, что черепъ ихъ коротокъ, вытянутъ вверхъ и почти четыреугольный, тогда какъ, напротивъ, у бо̀льшей части Европейцевъ онъ вытянутъ болѣе въ длину. Короткость этихъ череповъ при длинномъ лицѣ видѣть можно на нашей табл. 41, фиг. 3. Что касается до носа, то на очищенномъ черепѣ можно замѣтить только начало его; однакожъ и этого одного достаточно, чтобы видѣть, что корень носа замѣтно выдается впередъ. Глазная впадина у Татаръ весьма большая, и имѣетъ нѣсколько форму четыреугольника. Я назвалъ эти черепа *четыреугольными;* потому что Татарскіе черепа, которые могъ сличить, почти также широки вверху при темянныхъ бугрàхъ (Tubera parietalia) какъ и внизу; напротивъ черепы Калмыцкіе всегда книзу болѣе разширены. Киргизскіе черепы, приближаются по формѣ то къ собственно Татарскимъ, то къ Калмыцкимъ. Даже на одномъ Узбекскомъ черепѣ мѣсто около темянныхъ бугровъ значительно уже, нежели основаніе черепа. Вмѣстѣ съ тѣмъ и лобъ уже, а оттого и скуловыя кости кажутся въ этомъ черепѣ болѣе выдающимися, нежели въ черепахъ всѣхъ нашихъ собственно-Татаръ. Впрочемъ, всегда ли это встрѣчается я не могу утверждать, потому что въ Академіи есть одинъ только Узбекскій черепъ. И такъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, у всѣхъ Турецкихъ или Татарскихъ племенъ черепъ коро-

токъ и возвышенъ. Лице западныхъ племенъ, какъ уже сказано нами, существенно отличается отъ Монгольскаго типа; да и волосы не рѣдко бываютъ у нихъ свѣтло-русыя, а борода довольно густая. Но многіе изъ народовъ живущихъ далѣе къ востоку весьма похожи на Монголовъ. Наши путешественники уже давно замѣтили это на *Кузнецкихъ* и особенно *Телеутскихъ* Татарахъ, или по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части изъ нихъ, также какъ и въ Якутахъ. Д-ръ Штубендорфъ говоритъ тоже о всѣхъ Сибирскихъ Татарахъ, которыхъ онъ долженъ хорошо знать. Еще рѣзче это выказывается въ Восточныхъ Турецкихъ народахъ живущихъ въ ханствахъ *Балхъ*, *Хундусъ*, и *Хокандъ*, по крайней мѣрѣ въ восточныхъ частяхъ этихъ странъ: такъ говорятъ англійскіе путешественники Burnes и Wood, которые объѣзжали эти земли. Тоже кажется можно сказать съ вѣроятностью и о тѣхъ Туркахъ, которые живутъ на Восточной сторонѣ горъ Бэлуръ-Тагъ, но о которыхъ къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Да и *Восточные Киргизы* должны походить болѣе на Монголовъ, нежели Западные, которые живутъ на нашей Оренбургской границѣ. Г. Миддендорфъ говорилъ мнѣ, что Восточные Киргизы въ Омской губерніи также отличаются широкимъ лицомъ похожимъ на Монгольское. Что касается до тѣхъ Западныхъ Киргизовъ, которые живутъ на сѣверъ отъ Хивы по обоимъ сторонамъ Аральскаго озера: то ихъ Султаны, изъ которыхъ нѣкоторыхъ я самъ видѣлъ, — имѣютъ рѣшительно Монгольскую физіогномію и происхожденіе ихъ Монгольское. Но тамошнихъ Киргизовъ простаго званія и малыхъ князьковъ нельзя назвать Монголами; отверстіе вѣкъ у нихъ широкое и внутренній его уголъ не опущенъ внизъ, однако нерѣдко верхнее вѣко бываетъ выпукло и перевѣшивается черезъ нижній край; часто также у мужчинъ борода бываетъ рѣдкая или ея совсѣмъ нѣтъ; другіе же мужчины имѣютъ бороду довольно большую, и у этихъ иногда носъ бываетъ согнутый, какъ это видно на Табл. 42 фиг. 2. Вообще по описаніямъ до-

ставленнымъ Капитаномъ Abbot, бывшимъ нѣкоторое время въ плѣну у Киргизовъ, по изустнымъ разсказамъ Полковника Гельмерсена, и наконецъ по портретамъ, которые послѣдній мнѣ сообщилъ, можно бы думать, что въ западныхъ Киргизахъ являются физіономіи двухъ смѣшанныхъ народовъ, но только они не успѣли еще слиться въ одну какую нибудь среднюю. Абботъ замѣтилъ у нѣкоторыхъ Киргизовъ благородный и пріятный складъ лица, особенно женщинъ называетъ онъ красивыми, и говоритъ что многія изъ нихъ также бѣлокуры и отличаются такимъ же цвѣтущимъ тономъ лица какъ Англичанки; наружность другихъ Киргизовъ казалась ему отвратительною. Къ сожалѣнію онъ не описываетъ этихъ послѣднихъ подробнѣе. Но, произошли-ли Киргизы отъ смѣшенія двухъ группъ народовъ, Турецкой и другой, которая имѣла тѣлесное устройство такъ называемой Кавказской группы, и по этому въ нихъ преимущественно смѣшались-ли племена турецкое и индо-европейское? (о незначительныхъ примѣсяхъ не можетъ тутъ быть рѣчи), или не смѣшались ли только два турецкія племени, изъ которыхъ одно уже прежде подверглось измѣненіямъ въ тѣлесномъ устройствѣ? Послѣднее мнѣніе кажется вѣроятнѣе, потому что исторія несомнѣнно доказываетъ намъ, что турецкія племена занимали степь уже въ началѣ среднихъ вѣковъ. Должно-ли и древнѣйшихъ Скиѳовъ считать турецкимъ народомъ, объ этомъ я не рѣшаюсь высказать свое мнѣніе. Ученый Гриммъ хотѣлъ видѣть въ нихъ Германцевъ; напротивъ другіе выдаютъ ихъ за Финновъ или Монголовъ. Черепы, которые добыты изъ кургановъ степныхъ и которые я до сихъ поръ видѣлъ, походили по формѣ на турецкіе, или приближались къ монгольскимъ. Но я считаю вѣроятнымъ, что если вообще можетъ имѣть мѣсто медленное постепенное измѣненіе, то первоначально здѣсь появившіеся Турки, не такъ рѣзко отличались отъ Монголовъ, какъ нынѣшніе Татары. Предполагая что это смѣшеніе съ древними татарскими или турецкими народами

дѣйствительно имѣло мѣсто, трудно объяснить то обстоятельство, что нынѣшніе Татары тѣмъ болѣе отличаются отъ Монголовъ, чѣмъ западнѣе мѣсто ихъ жительства. Но такъ какъ языкъ ихъ имѣетъ коренное сродство съ монгольскимъ, то должно думать, что турецкіе народы, вышедъ изъ средней Азіи, подверглись медленнымъ и постепнымъ измѣненіямъ, въ слѣдствіе перемѣны климата или образа жизни. И нынѣшніе крымскіе Татары, по замѣчанію Палласа, не всѣ одинаковы; тѣ которые, живя въ степяхъ, ведутъ жизнь кочевую, гораздо болѣе походятъ на Калмыковъ, нежели тѣ, которые живутъ въ горахъ и ведутъ жизнь осѣдлую.

Несомнѣнно—турецкіе народы населявшіе прежде Татаръ южныя области европейской Россіи были *Половцы* (или *Команы*) и *Печенѣги*, а прежде ихъ *Хазары*; у послѣднихъ торговля и ремесла болѣе процвѣтали, нежели у первыхъ. Многіе Историки причисляютъ къ Туркамъ и *Гунновъ*, которые хотя сдѣлались страшными, но имя которыхъ скоро послѣ того пропадаетъ въ Исторіи. Еслибъ это было доказано, то служило бы доказательствомъ что въ IV-мъ столѣтіи народы говорящіе турецкимъ языкомъ, имѣли вполнѣ физіономію монгольскую. Но это болѣе чѣмъ можно бы ожидать; я не знаю никакого доказательства, чтобъ Гунны говорили турецкимъ языкомъ. Ихъ наружный видъ описываетъ древній писатель Jornandes такъ: Гунны всю жизнь почти ѣздятъ верхомъ, роста они небольшаго, но крѣпкаго тѣлосложенія и широкоплечи, цвѣтъ кожи темный, выраженіе физіономіи свирѣпое, на лицѣ вмѣсто глазъ находятся только точки, борода не выростаетъ почти до смерти. Это описаніе совершенно прилагается къ Калмыкамъ. Даже вовсе не принимая въ расчетъ Гунновъ можно сказать, что вообще турецкіе народы, когда оказывали вліяніе на образованность Европы, то всегда только разрушительное; котда были побѣдителями они не умѣли ничего созидать. Не врожденная ли ихъ гордость виною то-

му, что когда они господствуютъ то охотно заставляютъ за себя работать другихъ, напротивъ, если имъ приходится работать для себя, то заслуживаютъ похвалу своею правотою, прилѣжаніемъ и опрятностію. Всѣ почти Турки магометанскаго закона.

Внѣ предѣловъ Россійской Имперіи принадлежатъ къ турецкимъ народамъ жители Китайскаго Туркестана, потомки древнихъ *Уигуровъ*, *Узбеки* въ Бухаріи, Хокандѣ, Хивѣ, Хундусѣ, большею частію кочевые смѣшались съ *Таджикалцы*, народомъ который должно причислять къ нашей послѣдней группѣ; *Киргизы* кочующіе по великой степи начиная отъ Белурь-Тага; *Туркмены* (*Трухменцы* по русски) живутъ также внѣ Россіи и большею частію занимаютъ степь къ сѣверу отъ Персіи до Тюкъ-Карагана у Каспійскаго моря. Сверхъ того они проникли въ самую Персію, гдѣ преимущественно занимаютъ высокую равнину. Также нынѣ въ Персіи царствующая династія происходитъ отъ нихъ. Они также занимали западныя земли Кавказа. Наконецъ сюда же принадлежатъ *Османы*, составляющіе бо́льшую часть народонаселенія малой Азіи, тогда какъ въ европейской Турціи и въ Египтѣ они хотя и считаются господствующимъ племенемъ, но гораздо малочисленнѣе другихъ жителей.

Число Татаръ въ предѣлахъ Россійской Имперіи весьма значительно. Они происходятъ бо́льшею частію изъ остатковъ распавшагося Кипчакскаго царства, основаннаго Батыемъ, отъ котораго сначала отложилось Сибирское Ханство, а въ послѣдствіи Казанское, Астраханское и Крымское. Всѣ эти ханства одно за другимъ разрушены, и вошли въ составъ Россійской Державы. При каждомъ изъ этихъ покореній Татары частію только оставались въ покоренной странѣ, другая же часть удалялась и переселялась въ другія страны. Въ послѣдствіи они также уходили бо́льшими и меньшими толпами и присоединялись или къ другимъ Татарамъ, или къ иноплемен-

нымъ народамъ. По этому Татары находятся теперь въ весьма многихъ областяхъ Россійскаго Государства, гдѣ составляютъ болѣе или менѣе обширныя населенія; такъ они встрѣчаются не только до Пермской, а и въ Гродненской губерніи и даже въ области Бѣлостокской. При томъ они такъ смѣшались съ другими народами, что напр. Астраханскіе Татары сами считаютъ себя частію туземцами, и говорятъ что живутъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ; частію выдаютъ себя за выходцевъ изъ Бухаріи, изъ Гилана (а слѣдовательно за Трухменовъ), частію даже изъ Индіи или Кабулистана; а потому почти невозможно раздѣлить ихъ по племенамъ.

Народы, которыхъ обыкновенно называютъ Татарами, населяютъ Крымъ и степь протягивающуюся отъ Перекопа по сѣверному берегу Азовскаго моря къ р. Дону. Жители Крыма и особливо гористой его части составляютъ большую смѣсь; Татары при Азовскомъ морѣ причисляютъ себя къ племени *Ногайскому* или *Манкатскому*. Къ тому же племени принадлежатъ Татары живущіе на сѣверо-кавказской степи отъ Кубани до Камы. На сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ живутъ племена *Наврузовъ* и *Мансуровъ*, которые, какъ и *Нагорные Татары Крыма*, имѣютъ носъ болѣе выдавшійся и глаза болѣе открытые, нежели Татары степные. Между восточной оконечностію Кавказа и Каспійскимъ моремъ живетъ одинъ народъ Турецкаго племени подъ названіемъ *Кумыковъ*; и даже къ югу въ Дагестанѣ, Ширванѣ находятся Татары, которые происходятъ отъ Трухменцовъ. Въ губерніяхъ: Астраханской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Нижегородской, Вятской, Пермской, Тобольской, Томской и далѣе въ глубь Сибири, Татары находятся или между другими народами, или вовсе съ ними смѣшались. Вообще они ведутъ кочевую жизнь только въ странахъ совершенно степныхъ, а въ прочихъ мѣстахъ они занимаются земледѣліемъ, ремеслами и нанимаются работниками всякаго рода, и всѣ дѣятельны и промы-

пленны. У *Сибирскимъ Татаръ* лице чаще всего походитъ по своему складу на Монгольское или Самоѣдское, что приписываютъ обыкновенно древнимъ смѣшеніямъ ихъ съ Самоѣдами или Монголами.—Это можетъ быть справедливо. Къ сожалѣнію языки ихъ еще не довольно изслѣдованы для того, чтобы совершенно рѣшить этотъ вопросъ. Однакожъ по поверхностнымъ свѣденіямъ, которыя у насъ есть, можно думать что языки Татаръ живущихъ къ востоку, отъ р. Оби весьма смѣшаны, отъ чего всѣ эти, даже большею частію малыя племена, имѣютъ свои особенныя названія; таковы *Барабинцы*, живущіе по степи къ востоку отъ Иртыша; *Телеуты*, изъ которыхъ болѣе южные живущіе на горахъ имѣютъ совсѣмъ калмыцкое лицо; *Качинцы*, *Калашинцы*, *Бирюсы*. — Мы уже сказали, что нѣкоторые небольшіе народы которые должно считать рѣшительно Самоѣдами, какъ напр. *Карагасы* и другіе, говорятъ теперь татарскими языками. Многіе орды *Киргизовъ*, особенно тѣ, которые живутъ далѣе къ востоку, находятся подъ властью Россіи, также какъ и одна орда во внутренности Астраханской губерніи. *Якутовъ* должно считать за особенный народъ принадлежащій къ Турецкому племени; отдѣлясь отъ соплеменниковъ своихъ, они откочевали далеко къ сѣверо-востоку на прирѣчныя пространства Лены, Колымы и даже Хатанги, и тамъ преимущественно занимаются разведеніемъ скота и лошадей, гдѣ это возможно, а на Хатангѣ держатъ также и оленей. По изслѣдованіямъ господина Бэтлинга, Якутскій языкъ значительно удаляется отъ другихъ татарскихъ діалектовъ и содержитъ много элементовъ Монгольскаго. Тоже можно сказать и о складѣ лица. Портреты доставленные путешествіемъ г. Миддендорфа показываютъ, что Якуты отличаются отъ настоящихъ Татаръ, имѣющихъ орлиный носъ, плоскимъ лицомъ; по видимому они, по своему тѣлесному устройству, болѣе похожи на Самоѣдскихъ или Тунгузскихъ народовъ.

Казанскій Профессоръ Березинъ, который посвятилъ

много лѣтъ сравнительному изученію языковъ Татарскихъ или Турецкихъ, раздѣляетъ всѣ языки этого семейства, на слѣдующія три вѣтви. I) *Восточная* или *Джагатайская;* сюда онъ относитъ слѣдующія нарѣчія 1) *Уйгурское* (древнее) 2) языкъ (древнихъ) *Половцевъ* или *Кумановъ*, который извѣстенъ по одному манускрипту сохраняющемуся въ библіотекѣ знаменитаго Петрарки. 3) *Джагатайское* нарѣчіе (въ Хивѣ) 4) *Узбекское*, 5) *Туркменское*, 6) *Казанское* (письменное). II) *Сѣверная* или *Кипчакская вѣтвь;* сюда относятся нарѣчія: 1, *Киргизское.* 2, *Башкирское.* 3, *Ногайское.* 4, *Кумыкское.* 5, *Карачайское.* 6, Нарѣчіе *Мещеряковъ.* 7, Нарѣчіе *Сибирскихъ Татаръ.* III) *Западная* или *Турецкая* вѣтвь, къ которой относятся нарѣчія: 1, *Дагестанское*, 2, *Адзербиджанское.* 3, *Крымское.* 4, *Малоазіатское* и 5, *Константинопольское.* Сюда же надо отнести, какъ четвертую наиболѣе удаляющуюся отъ другихъ вѣтвей IV) языкъ *Якутскій*, и можетъ быть еще нѣкоторые другіе Татарскіе языки Сибири.

Къ западу отъ р. Урала встрѣчаемъ мы два народа, которыхъ физіономія представляетъ нѣчто среднее между Татарскою и Финскою; это *Мещеряки* и *Башкиры.* Послѣдніе особенно имѣютъ рѣшительно менѣе сходства съ Турецкими народами, а напротивъ болѣе подходятъ къ Финскимъ. Одинъ ученый, который долго жилъ между ними и весьма хорошо знаетъ Финскіе народы, говорилъ мнѣ, что женщины у нихъ всѣ имѣютъ Финскую физіономію, но мужчины не такъ похожи на Финновъ; какъ между ними никогда небываетъ свѣтлорусыхъ и всѣ узкоглазы, то и можно думать, что въ нихъ есть примѣсь крови монгольской.

4. Нынѣ *семейство финскихъ* или *чудскихъ народовъ* распространено отъ верховьевъ Оби къ западу, до Нордкапа и далѣе до сѣверной половины Лифляндіи и даже до сѣверныхъ береговъ Курляндіи, если причислить къ Финнамъ малое племя Ливонцевъ, которое уже переводится. Можно на вѣрное полагать, что прежде Финскіе народы были болѣе распространены и населяли весь Скан-

динавскій полуостровъ; потому что черепа, находимые здѣсь въ самыхъ древнихъ могилахъ, по своей формѣ совершенно похожи на Финскіе и особенно сходны съ Лапландскими. Въ послѣдствіи Финны мало по малу вытѣснены были далѣе къ сѣверу Европейскими народами. Подобно этому случилось и въ Россіи. Они были вытѣснены или смѣшались съ Славянами. При этихъ смѣшеніяхъ русской языкъ взялъ верхъ; а въ мѣстахъ болѣе доступныхъ и именно при большихъ рѣкахъ славянская кровь конечно преобладаетъ. По этому уже за нѣсколько столѣтій начали раздѣлять Финскихъ народовъ и обыкновенно различаютъ Финновъ западныхъ отъ восточныхъ; еще далѣе къ востоку Финны переходятъ уже въ Турецкіе народы.

Что они владѣли этою частію сѣверо-восточной Европы уже издревле, и безъ сомнѣнія прежде появленія индо-германскихъ народовъ въ средней Европѣ, это можно полагать навѣрное, также какъ и то, что они издавна занимались скотоводствомъ, а въ удобныхъ мѣстахъ также и хлѣбопашествомъ. Въ Скандинавскихъ Сагахъ они представляются искуснѣйшими мастерами металлическихъ издѣлій и въ тоже время искусными въ чародѣйствіяхъ? Хотя путемъ Исторіи нельзя доказать, что они пришли въ Европу изъ Азіи: потому что самыя древнія свѣдѣнія, которыя мы о нихъ имѣемъ, показываютъ, что они не любили оставлять своей родины; однакожъ ясные слѣды древнихъ рудниковъ въ Алтайскихъ горахъ, приписываемые, проникшими туда русскими, древней вымершей уже Чуди; далѣе, древнее искуство въ обработкѣ металловъ, которымъ западные Финны изъ давна занимаются; весьма древнія мифологическія саги, шаманство съ волшебнымъ барабаномъ, которое и за сто лѣтъ предъ этимъ, было въ большемъ употребленіи у Лапландцевъ, а наконецъ и самый языкъ заставляютъ думать что Финны пришли изъ Азіи, хотя конечно въ глубокой древности.

Блуменбахъ думалъ найти въ Финскихъ народахъ сходство съ Монгольскими; и дѣйствительно, первые также имѣютъ короткій и широкій черепъ; однакожъ черепъ этотъ широкъ и отъ темени (по крайней мѣрѣ у западныхъ Финновъ) къ основанію ширина въ немъ не увеличивается. Въ лицѣ скуловыя кости обыкновенно примѣтно выдаются; но это происходитъ, кромѣ худощавости, болѣе оттого что передняя плоскость ихъ весьма круто изгибается къ плоскостямъ боковымъ, нежели отъ того, что скуловыя дуги дѣйствительно выпуклы; разрѣзъ вѣкъ не узокъ и внутренній его уголъ не опущенъ. Глазная впадина уже нежели у Монголовъ и Турокъ, и наружное отверстіе ея обыкновенно примѣтно четыреугольно. Носъ обыкновенно у нихъ хотя при корнѣ довольно низокъ, но другія его части значительно выдаются и онъ вовсе не такъ широкъ, какъ у Монголовъ; отъ турецкаго отличается онъ тѣмъ, что никогда почти небываетъ горбатый, а напротивъ не рѣдко на концѣ вздернутъ; послѣдняя форма носа повидимому наще встрѣчается у Финновъ живущихъ далѣе къ сѣверу, какъ это можно видѣть ясно на нашемъ портретѣ одного Зырянина (Табл. 33. ф. 1). Еще больше отличаются Финскіе народы отъ Турецкихъ своею осанкою и походкою, которыя у первыхъ не такъ тверды и не столь величавы, какъ у послѣднихъ. Что бо́льшая часть Финскихъ народовъ имѣютъ походку слабую и тяжелую, при чемъ какъ бы волочатъ ноги, это можно объяснить тѣмъ, что они издревле занимались землепашествомъ. Лопари гораздо живѣе и подвижнѣе, нежели земледѣльческіе народы. Но они такъ малорослы и слабы, что, не смотря на это, осанка ихъ вовсе невыражаетъ силы.

Но всего болѣе различія находимъ мы въ умственныхъ способностяхъ. Финскіе народы промышленны и добродушны, но не воинственны; они очень уважаютъ умъ, но мало цѣнятъ храбрость и мужество. Это доказываетъ вся ихъ исторія и поэзія. У сѣверныхъ Финновъ найдена

*

національная эпопея, которая даже длиннѣе Гомеровой Иліады. Въ этой эпопеѣ вовсе не воспѣваются геройскіе подвиги, а только множество волшебствъ различнаго рода. Въ небольшихъ сказкахъ, которыми такъ богатъ этотъ народъ, мы часто встрѣчаемъ поэтическое выраженіе какой нибудь идеи, счастья доставляемаго богатствомъ или умомъ; но никогда въ нихъ не воспѣваются подвиги храбрости. Почти тоже показываетъ намъ ихъ исторія; ни одинъ изъ несомнѣнно Финскихъ народовъ не былъ завоевателемъ, хотя они храбро и упорно защищались, когда непріятели нападали на ихъ отечество. Напротивъ, они рано начали, недовольствуясь скотоводствомъ и земледѣліемъ, заниматься торговлею, хотя страна, въ которой они жили, вовсе ей неблагопріятствовала. Старинные рынки Пермяковъ были въ большой славѣ у древнихъ Скандинавовъ, въ то время когда послѣдніе, были еще настоящими морскими разбойниками. Татарскіе народы отличаются отъ Финскихъ своимъ характеромъ, вѣроятно потому что уже въ глубокой древности жили въ степныхъ странахъ, тогда какъ Финны обитали болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, а въ степномъ народѣ любовь къ отечеству никогда не развивается съ такою силою, какъ въ народѣ живущемъ въ лѣсахъ, особенно если онъ при этомъ занимается земледѣліемъ. И такъ оба эти народа могутъ имѣть общее происхожденіе.

Финскихъ народовъ раздѣляютъ весьма естественно, на Финновъ *западныхъ*, *восточныхъ* и *приволжскихъ*. Въ языкахъ западныхъ Финновъ вовсе нѣтъ шипящихъ согласныхъ *ш*, *щ* и *ч*, которыя встрѣчаются въ языкѣ восточныхъ и частью даже весьма обыкновенны.

Западные Финскіе народы, отъ сѣвера къ югу, суть слѣдующіе: 1) *Лопари*, которые теперь занимаютъ только самую сѣверную оконечность Скандинавіи, и находятся въ подданствѣ частью Норвегіи и Швеціи, и частью Россіи. Весьма замѣчательно, что тѣ Лопари, которые сохранили чистоту крови и которые наиболѣе удалены отъ народовъ восточно-азіатскихъ, во многихъ отношеніяхъ

гораздо болѣе походятъ на нихъ, нежели другіе Финскіе народы, хотя послѣдніе по мѣсту жительства и ближе къ Восточно-Азіатцамъ. Волосы у Лопарей черные, глаза темно-каріе, скулы выдающіяся. Не заключается ли причина этого сходства въ пищѣ ихъ, которая состоитъ изъ рыбы и мяса сѣверныхъ оленей?. Мнѣ кажется, что изъ Русскихъ Лопарей, чисто-кровны только самые западные, которые живутъ на границѣ Норвегіи, напротивъ въ восточныхъ примѣшано много крови Кореловъ. Между Лопарями живущими на южной границѣ Русской Лапландіи, я даже находилъ недѣлимыхъ съ голубыми глазами. 2) *Финны.* Они распадаются на 3 главныя вѣтви: a) *собственно Финны* живущіе въ западной части великаго Княжества Финляндскаго (въ древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ они называются *Емь*); b) *Корелы,* которые занимаютъ восточную часть этого же Княжества и кромѣ того пограничные части губерній Олонецкой и Архангельской до границы Лапландіи; c) *Ижорцы* (Ingrikot) преимущественно живутъ въ Ингерманландіи, но весьма смѣшаны съ другими Финскими поселенцами и очень обрусѣли. Всѣ эти Финны не такъ черно-волосы, какъ Лопари. У собственно Финновъ волосы часто бываютъ темно-коричневые или красноватые, а у Кореловъ не рѣдко свѣтло-русые. Изъ послѣднихъ мнѣ часто случалось видѣть недѣлимыхъ съ голубыми или сѣрыми глазами. 3) Въ Нарвскомъ округѣ Шегренъ нашелъ остатки древнихъ обитателей Ингерманландіи (*Водь* или *Вотъ* нашихъ лѣтописцевъ), это небольшое племя, которое сохранило чистоту своей крови и по языку замѣтно отличается отъ другихъ. 4) За Нарвой, до средней части Лифляндіи, живутъ *Эсты* или *Чухонцы,* которые до сихъ поръ довольно мало смѣшались съ другими племенами. Они по бо́льшей части бѣлокуры съ нѣсколько волнистыми волосами и зелеными или голубыми глазами; особенно у дѣтей волосы свѣтлѣе и гладкіе. Отъ 5-го народа *Ливы,* который въ древности населялъ юго-западную Лифляндію и сѣверную часть Курляндіи, сохранились нѣкото-

рые остатки только на оконечности Курляндскихъ береговъ.

Къ *Восточнымъ Финнамъ*, принадлежатъ: 1) *Зыряне*, граничащіе съ Самоѣдами и 2), мало различающіеся отъ первыхъ, *Пермяки*. Въ глубокой древности, оба племена составляли одинъ большой народъ, который велъ обширную торговлю; и теперь еще оба племени весьма промышленны и превосходятъ въ этомъ отношеніи другихъ жителей сѣвера. Нѣсколько къ югу отъ этихъ двухъ народовъ живутъ *Вотяки*, которые почти всѣ рыже-волосы. Далѣе на востокъ отъ Зырянъ и Пермяковъ, по обѣимъ сторонамъ Урала, живутъ *Вогулы*, которые долгое время занимались преимущественно охотой и должны быть смугляе, чѣмъ другіе сѣверные жители. На самомъ востокѣ, до рѣки Оби и за нею живутъ *Остяки*. Къ сѣверу земли населяемыя ими простираются до Обдорска, а къ югу за Сюргутъ. По верхней Оби, вверхъ до Томска, живутъ племена, которыхъ странно почему-то называютъ *Остяками*, но которые принадлежатъ къ племени Самоѣдовъ (см. стр. 569). Однако и Финскіе Остяки, на нижней Оби, по видимому въ значительной степени смѣшались съ Самоѣдами. Нѣкоторые портреты сдѣланные, Г-нъ Бермелѣевымъ, вовремя экспедиціи полковника Гофмана, показываютъ въ нихъ большее сходство съ Самоѣдами; напротивъ, портреты другихъ недѣлимыхъ этого же народа, имѣютъ совершенно Финскую физіономію, какъ наша ф. 3, табл. 37.

Третье отдѣленіе, *Финны волжскіе* или *болгарскіе*. Они значительно отличаются отъ предъидущихъ своимъ языкомъ, въ которомъ есть много шипящихъ согласныхъ и весьма много словъ происходящихъ отъ татарскихъ корней; кромѣ того въ настоящее время эти Финны скоро перенимаютъ русскій языкъ. Къ этому отдѣленію относятъ *Мордву* и *Черемисовъ*, которые занимаютъ участки земли разсѣянные по бассейну Волги. *Чувашей*, которые главнымъ образомъ живутъ по нижней Волгѣ, также причисляютъ обыкновенно сюда. Однако ученый лингвистъ

Раскъ, который особенно занимался изслѣдованіемъ финскихъ языковъ, доказалъ что чувашскій языкъ значительно отличается отъ всѣхъ Финскихъ, и эта разность такъ велика, что его никакъ нельзя причислять къ нимъ; въ тоже время это не есть языкъ татарскій и даже собственно не смѣсь татарскаго съ финскимъ. Раскъ думаетъ что чувашскій языкъ въ отношеніи своего грамматическаго устройства скорѣе занимаетъ средину между финскими и татарскими. Чуваши, которыхъ я самъ видѣлъ (конечно только 3-хъ недѣлимыхъ) похожи лицемъ скорѣе на Татаръ чѣмъ на Финновъ.

5. Все это указываетъ на особенную группу языковъ, занимающую средину между Финнами и татарскими вѣтвями и эта новая вѣтвь языковъ, повидимому показываетъ, что обѣ вѣтви произошли отъ одного корня. Это напоминаетъ что страна въ которой нынѣ живутъ *Башкиры* и *Чуваши*, въ средніе вѣки называлась Hungaria Magna—Великая Венгрія; и что по сказаніямъ одного путешественника 13-го столѣтія (Рубруквисъ) въ землѣ Pascatir (конечно Башкировъ) говорили венгерскимъ языкомъ. Это извѣстіе выпущено было совсѣмъ изъ вида, когда въ прошломъ столѣтіи ревностно приступили къ рѣшенію вопроса, откуда произошли *Венгры* (Унгары), которыхъ языкъ совсѣмъ не имѣетъ никакого сходства съ Индо-Европейскими; напротивъ въ немъ находится много словъ и правилъ грамматическаго построенія рѣчи взятыхъ изъ Финскихъ языковъ. Однако воинственный духъ и даже складъ лица рѣзко отличаютъ ихъ отъ финскихъ народовъ, да и византійскіе писатели называли ихъ Турками (*Τουρκοι*). Съ тѣхъ поръ много было споровъ, справедливѣе ли причислить ихъ къ Финнамъ, или къ Туркамъ. Образованный Венгерецъ Регули, путешествовавшій на Уралъ, чтобы собрать свѣденія для рѣшенія этого вопроса, наконецъ склонился къ той мысли, что Венгры составляютъ сами по себѣ особенное племя восточно-азіатскаго происхожденія, и что

языкъ ихъ ближе подходитъ къ финскому, нежели ко всѣмъ прочимъ. Да и наши историческія повѣтствованія указываютъ на то, что Угры, т. е. Венгры пришли отъ Урала. Мещеряковъ и Башкировъ можно признать за ихъ соплеменниковъ, которые во время владычества Татаръ, болѣе, такъ сказать, отуречились, особенно въ отношеніи языка.

6. Къ востоку и сѣверовостоку отъ Монголовъ находятся *Тунгузскіе* народы, во владѣніяхъ частію Китайской Имперіи, частію Россійской, въ восточной части Сибири отъ нижней Тунгузки до Охотскаго моря и Пенжинской Губы; однакожъ они не вполнѣ занимаютъ это пространство земли: въ нѣкоторыхъ частяхъ мѣста ихъ занимаютъ Якуты, а въ другихъ оба народа перепутываются между собою.

Въ Россійскихъ владѣніяхъ они ведутъ жизнь бродячую и занимаются звѣроловствомъ; они живутъ порознь въ лѣсахъ и держатъ собакъ, оленей или-же, какъ въ Нерчинской области, лошадей, и даже называются по роду разводимыхъ животныхъ. Нѣкоторыя отдѣльныя партіи *Тунгузовъ* имѣютъ впрочемъ и свои особенныя названія, какъ напр. *Чапогиры* и *Ламуты* на берегахъ Охотскаго моря. Въ Китайскихъ владѣніяхъ, гдѣ ихъ бо̀льшее число, они нѣсколько занимаются и хлѣбопашествомъ и вообще замѣчается въ нихъ нѣкоторая высшая степень общественнаго развитія. Къ этому же племени принадлежатъ *Манджуры*, которые въ XVII столѣтіи завоевали Китай, и нынѣ не только владѣютъ тамъ Императорскимъ тро̀номъ, но и захватили себѣ значительнѣйшія государственныя должности.

Тунгузы имѣютъ довольно сходства съ Монголами; однакожъ изъ доставленныхъ г. Миддендорфомъ портретовъ съ которыхъ мы даемъ нѣсколько копій (табл. 35 особливо 36), и судя по черепамъ, лобъ у нихъ нѣсколько уже, отчего скуловыя кости еще болѣе кажутся выдавшимися въ стороны, и сверхъ того темя головы бо-

лѣе имѣетъ видъ кровли, нежели у Монголовъ. Въ этомъ отношеніи они болѣе походятъ на нѣкоторые американскіе народы, нежели на Монголовъ.

Еще есть въ сѣверовосточной Сибири нѣкоторыя племена народовъ, которыхъ мы не можемъ группировать, такъ какъ ихъ языки еще не довольно изслѣдованы. *Юкагиры* къ востоку отъ Колымы, были прежде многочисленнѣе, нежели нынѣ. Они также какъ и Самоѣды живутъ звѣриной и рыбною ловлею.

Коряки занимаютъ самую сѣверную безлѣсную часть Камчатки и такъ называемую страну Чукчей.

Названіе *Чукчей* даютъ двумъ различнымъ народамъ, живущимъ на пространствѣ къ сѣверу отъ Анадыра, и отличаютъ *Чукчей осѣдлыхъ* или рыболововъ занимающихъ морской берегъ, отъ *Чукчей кочевыхъ*. По замѣчанію всѣхъ новѣйшихъ наблюдателей, первые похожи на Эскимосовъ и говорятъ Эскимоскимъ нарѣчіемъ, такъ что нельзя ихъ не причислить къ самимъ Эскимосамъ (см. выше); напротивъ кочевые Чукчи говорятъ однимъ языкомъ съ Коряками, и отличаются длиннымъ лицомъ.

Къ югу отъ Коряковъ, въ Камчаткѣ живутъ *Калчадалы*, которые нынѣ уже переводятся; судя по всѣмъ портретамъ, у нихъ кости скуловыя выдаются, оттого что лобъ кажется уже нежели у Монголовъ.

Отъ Камчатки почти до Аляски простирается извѣстная гряда острововъ, на которыхъ живутъ *Алеуты;* они, хотя большую часть жизни проводятъ на морѣ какъ и Эскимосы, но весьма разительно отличаются, отъ нихъ строеніемъ черепа. У Эскимосовъ, особенно восточныхъ, черепъ къ верху имѣетъ форму крыши, только рѣдко въ такой степени какъ въ нашей Таб. 41, фиг. 2, гдѣ эта особенность преувеличена, и я близокъ къ мнѣнію, что эта форма произведена искуственно. У Алеутовъ же, напротивъ, черепы, которыхъ я имѣю много передъ собою, вверху совсѣмъ плоско округлены;

лице имѣетъ характеръ общій восточнымъ Азіатцамъ и въ особенности поразительно сходство съ Японцами для тѣхъ, кто знаетъ и тотъ и другой народъ. Языкъ Алеутовъ особенный, имъ собственно принадлежащій; но отъ долговременныхъ торговыхъ сношеній съ Эскимосами многія слова сдѣлались общими языкамъ этихъ народовъ, по этому-то нѣкоторые этнографы не рѣдко предполагаютъ, что Алеуты суть прищелыцы съ твердой земли. Физическое и духовное развитіе Алеутовъ обличаетъ въ нихъ болѣе что то азіатское. Узкіе глаза, плоско закругленный черепъ, добродушіе и нѣкоторая мягкость, гибкость характера, довольно обыкновенны у жителей восточнаго края Азіи.

Замѣчательно, что на восточномъ берегу Азіи находятъ одно племя народа, которое отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что тѣло его сильно обросло волосами. Къ этому племени принадлежатъ жители Курильскихъ острововъ, и большаго острова Сахалина (или Таракай), которые сами себя называютъ *Айносами* (Ainos). Сюда же принадлежатъ *Гиляки* обитающіе около устьевъ Амура и далѣе вверхъ по этой большой рѣкѣ. Къ этому же племени можно относить и жителей всего восточнаго берега Манжуріи; а что сѣверные острова Японскаго государства, со включеніемъ острова Іессо, ими же населены, то въ этомъ нельзя сомнѣваться.

У этихъ людей нетолько волосы на головѣ длинны, но у мужчинъ и бороды большія висящія даже на грудь; а также и все тѣло столь сильно обросло волосами, какъ это рѣдко бываетъ у Европейцевъ. Тѣ не многіе мореходцы, которые ихъ видѣли находили даже лица у нихъ, а особенно у мужчинъ, рѣшительно европейскими. Извѣстны ихъ портреты, которые легко счесть представляющими Европейцевъ (Табл. 42. фиг. 3). По увѣреніямъ Крузенштерна однакожъ женщины кажется менѣе подходятъ къ типу европейскому.

Мы не можемъ окончить народы восточной Азіи не остановившись еще нѣсколько времени на *Китайцахъ* и *Индокитайцахъ*. Уже прежде мы замѣтили, что эти народы, какъ доказываютъ ихъ преданія, пришли изъ возвышенныхъ частей Азіи и, смѣшавшись съ туземцами новаго ихъ отечества, образовали новый народъ. Наружный видъ ихъ подтверждаетъ это мнѣніе. Отверстіе вѣкъ у нихъ узкое, по крайней мѣрѣ внутренній его уголъ отогнутъ къ низу, а иногда отверстіе глазъ косвенное, такъ что наружный его конецъ лежитъ выше внутренняго. Послѣдняя форма глазъ, какъ кажется, еще чаще встрѣчается у Манджуровъ (Т. 44), чѣмъ у настоящихъ Китайцевъ. Впрочемъ Китайцы значительно отличаются отъ Монголовъ; черепъ у первыхъ не разширяется замѣтно къ основанію, а напротивъ теменные бугры явственно выдаются въ стороны; притомъ же черепъ далеко не такъ широкъ, но за то длиннѣе чѣмъ у Монголовъ. Во всѣхъ китайскихъ черепахъ, которые я наблюдалъ (7 отъ настоящихъ китайцевъ и 7 отъ смѣшанныхъ) челюсти замѣтно выдаются. Волосы бываютъ у нихъ черные и глаза темно-коричневые; кожа у жителей сѣвернаго Китая, по крайней мѣрѣ у тѣхъ изъ нихъ, которые не подвергаются вліянію солнца, почти также бѣла какъ и у Европейцевъ. Напротивъ, у жителей южнаго Китая, цвѣтъ кожи свѣтлобурый или желтоватый. Китайцы вообще ниже ростомъ и не отличаются такимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, какъ монгольскіе народы.

Мы уже прежде сказали, что языки Китайцевъ и Индо-китайцевъ состоятъ изъ односложныхъ неизмѣнныхъ словъ, при томъ же у Китайцевъ, по крайней-мѣрѣ въ письменномъ языкѣ, недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ, такъ: *r*, *b*, *d*, *x* вовсе нѣтъ; даже другія согласныя менѣе соединяются; кромѣ того, въ языкѣ образованныхъ людей, или мандаринскомъ, каждое слово можетъ оканчиваться только гласною буквою или, по крайней мѣрѣ, буквами *n* или *ng*, а не другою какою нибудь согласною. По

этому число звуковъ, изъ которыхъ состоитъ весь языкъ, чрезвычайно ограничено: Гицлавъ считаетъ ихъ 487, а монахъ Іоакимфъ только 446; но посредствомъ измѣненія удареній и произношенія это число доходитъ до 1445. Смотря по различію удареній, слова имѣютъ совершенно различныя значенія. Такъ, по Абель-Ремюза, звукъ *лу* значитъ путь, драгоцѣнный камень, роса, повозка, баклань (корморанъ), подъущать; слогъ *тао* значитъ знамя, зерно (плодъ), путь, и кромѣ того множество глаголовъ, какъ вести, грабить, опрокидывать, сказать и т. д.

Есть такія, слова, которыя означаютъ только предметы и потому суть исключительно имена существительныя; есть также такія, которыя выражаютъ только дѣйствія и потому суть чистые глаголы. Но часто одинъ и тотъ-же звукъ означаетъ предметъ и его дѣйствіе, какъ напр. вышеприведенный звукъ *лу*, а иногда кромѣ того и его качества. Такимъ образомъ многія слова могутъ быть въ одно время и существительными или прилагательными, и глаголами или нарѣчіями; а что именно означаютъ они, это можно узнать только по мѣсту, которое они занимаютъ въ фразѣ и по всему составу предложенія. По этому, мѣсто каждаго слова въ рѣчи и опредѣлено чрезвычайно точно; кромѣ того въ этомъ языкѣ, чтобы придать словамъ болѣе опредѣленное значеніе, ихъ соединяютъ одно съ другимъ напр. *тао* значитъ—путь и кромѣ того имѣетъ значеніе другихъ существительныхъ и глаголовъ; *лу* означаетъ также дорогу и многіе другіе предметы. Но когда говорятъ *Тао-лу*, то оба слова вмѣстѣ имѣютъ только одно значеніе—*дорога*. Кромѣ этого извѣстны еще многіе другіе способы соединенія словъ, для приданія имъ опредѣленнаго значенія. Такъ напр. *фу* значитъ отецъ и кромѣ того имѣетъ и другія значенія; но если я къ нему прибавлю *родной* или подобное ему слово, то *фу* будетъ имѣть только одно значеніе—отецъ.

Падежи составляются посредствомъ прибавленія опредѣленныхъ слоговъ, изъ которыхъ одни ставятся предъ корен-

ными словами, а другіе послѣ нихъ. Но такъ какъ эти слоги обыкновенно считаются отдѣльными словами, то говорятъ довольно основательно, что въ китайскомъ языкѣ нѣтъ измѣненій словъ. Такъ, чтобы показать, что слово употреблено во множественномъ числѣ, его повторяютъ нѣсколько разъ, или чаще прибавляютъ къ нему слова, которыя значатъ *много*, *все* или *толпа*. Итакъ китайцы говорятъ подобно дѣтямъ: *собакъ много*. Особенное слово выражаетъ прошедшее и т. д.

Поэтому китайскій языкъ находится еще совершенно въ первоначальномъ состояніи, также какъ индо-китайскіе. Думали, что всѣ эти языки также отличны отъ всѣхъ другихъ въ отношеніи запаса словъ. Но это, кажется не совсѣмъ справедливо; Клапротъ приводитъ число китайскихъ словъ, которые въ томъ же значеніи встрѣчаются и въ другихъ азіатскихъ языкахъ, и притомъ, или совершенно въ томъ же смыслѣ, или весьма мало измѣненномъ. Нельзя думать, что это только случайность: для случайности ихъ слишкомъ много. Языки китайскій и индо-китайскіе отличаются отъ другихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что они остановились въ своемъ развитіи и потому до сихъ поръ еще остаются словоотдѣльными; въ высшей степени вѣроятно, что и другіе языки первоначально были такими-же.

Но почему же китайскій языкъ развитъ такъ мало, когда народъ, который говоритъ на немъ, уже въ древности былъ образованъ, и никакъ не можетъ быть названъ дикимъ? Я признаюсь, что нельзя ясно и основательно объяснить это странное обстоятельство. Но тѣмъ не менѣе я выскажу свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, только въ видѣ простаго предположенія. Мнѣ кажется, что языкъ не развился именно потому, что искуство письма сдѣлалось весьма рано извѣстнымъ.

Пробѣгая китайскую грамматику, составленную Абель-Ремюза, я замѣчаю, что для произведенія родительнаго падежа, въ древнемъ письменномъ языкѣ, прибавляется частица *чи*, а въ языкѣ мандаринскомъ частица *ти*. Для выраженія ее пи-

шется или рисуется особенный знакъ. Тоже есть и для другихъ падежей. Монахъ Іоакинфъ несогласенъ съ этимъ, говоря: что въ китайскомъ языкѣ нѣтъ падежей, ни особенныхъ звуковъ для означенія оныхъ, но въ качествѣ предлоговъ употребляемыя слова опредѣляютъ отношеніе однихъ предметовъ къ другимъ.—Но оба мнѣнія не такъ различны какъ кажется. Абель-Ремюза не сомнѣвается, что слогъ *чи* и другіе имѣли прежде или и теперь имѣютъ значеніе предлоговъ. Все таки я думаю, что если бы письменность не сдѣлалась извѣстною такъ рано, и если бы не было такъ много людей умѣющихъ писать, то эти частицы давно уже потеряли бы свою самостоятельность и превратились бы въ прибавки или ихъ бы стали употреблять въ видѣ измѣненій главнаго слова. Даже въ русскомъ языкѣ одно изъ склоненій можно принимать, какъ имѣющее придаточныя частицы: стоитъ только написать: *сын-а*, *сын-у*, и всякій увидитъ сейчасъ, что *у* есть настоящій предлогъ, хотя какъ предлогъ онъ и управляетъ другимъ падежемъ. Слѣдующій примѣръ покажетъ еще яснѣе что я хочу сказать. Конечно всѣ наши читатели знаютъ французское слово vivement; но это слово есть ничто иное, какъ viva mente (съ живымъ духомъ), соединеніе двухъ латинскихъ словъ viva и mente. Пока латинскій языкъ былъ господствующимъ въ Галліи, всѣ образованные люди говорили viva mente. Но послѣ вторженія варваровъ, письменность сохранилась только въ монастыряхъ и тамъ продолжали писать viva mente; напротивъ, народъ, образовавшійся изъ смѣшенія новыхъ племенъ съ прежними жителями, большею частію не умѣлъ писать; въ живомъ языкѣ онъ слилъ оба слова, нѣсколько измѣнивъ ихъ и т. о. явилось слово *vivement*. Когда въ послѣдствіи, образовавшійся такимъ образомъ народный языкъ сталъ входить въ употребленіе какъ языкъ письменный, тогда необходимо стали писать vivement, потому что знали происхожденія этого слова; а безъ этого знанія могли бы писать *viveman*. Но письменная система, съ давнихъ временъ употребляемая въ Китаѣ, не имѣетъ знаковъ для

ыраженія звуковъ, а только для выраженія понятій; по этому писменность еще болѣе должна была удерживать языкъ въ первоначальномъ состояніи. Положимъ, что въ то время, когда русскій языкъ только что образовался, говорили: *я строющій былъ*, какъ и теперь еще говорятъ, употребляя прилагательныя: *я боленъ былъ*. Если бы письмо постоянно напоминало эту первоначальную форму мышленія, то слова *я строющій былъ*, никогда бы не слились и не составили—*я строилъ*. Но Китайцы именно такъ и говорятъ. И все таки ихъ языкъ претерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія: въ старинномъ языкѣ или слогѣ находится менѣе частицъ, означающихъ напр. падежи и т. п., чѣмъ въ новомъ.

Мы прибавили, основываясь на изслѣдованіяхъ Абель-Ремюза, нѣсколько словъ о китайскомъ языкѣ, съ цѣлію — сдѣлать еще яснѣе то, что мы сказали на стр. 518, о сліяніи прибавочныхъ частицъ съ коренными словами. Преимущественно же сдѣлали мы это для того, чтобы показать, что слово-отдѣльные языки въ сущности тѣ же, какъ и другіе, а если отличны отъ послѣднихъ, то только потому, что были остановлены въ своемъ развитіи. Ихъ можно считать языками, находящимися еще въ состояніи дѣтства. Слѣдовательно несправедливо считать Китайцевъ, основываясь только на ихъ языкѣ, существенно отличными отъ другихъ восточно-азіатскихъ народовъ, хотя и теперь обыкновенно такъ думаютъ.

Еще другая особенность Китайцевъ стоитъ того, чтобы мы о ней упомянули: они съ чрезвычайнымъ упорствомъ придерживаются того, что освящено давностью и къ чему они уже однажды привыкли. Дѣйствительно, Китайцы, которые открыли компасъ, порохъ, бумагу и книгопечаніе, какъ кажется уже въ отдаленной древности, и теперь такъ глубоко уважаютъ свое прошедшее, что всякое новое открытіе у нихъ непризнается. Главною причиною этого было вѣроятно то, что они долгое время не имѣли и не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ другими образованными народами. Дѣйствительно, Китайцы имѣли сно-

шенія только съ кочующими народами, живущими на сѣверъ отъ имперіи. Эти самые народы часто завоевывали Китай. Не только единичный человѣкъ, но и цѣлый народъ можетъ сдѣлаться одностороннимъ, если онъ не сообщается съ другими думающими и чувствующими народами. Качества, свойственныя такому народу, получаютъ уродливое развитіе. Китаецъ вообще весьма понятливъ и умъ его имѣетъ практическое направленіе. Это направленіе, конечно весьма полезное для народа еще находящагося во младенчествѣ, въ послѣдствіи дѣлается карикатурнымъ. Умъ ихъ постоянно занятъ обманами и лицемѣріемъ; постоянное стремленіе къ непосредственной пользѣ не позволяетъ развиться въ нихъ любви къ высокому. Этому способствовало еще давнишнее употребленіе письма и притомъ письма выражающаго понятія. Стоитъ только подумать, что мальчикъ, учась читать, необходимо долженъ слѣдовать за ходомъ мысли изобрѣтателя письменъ, и тогда будетъ понятно, что онъ долженъ пріучиться думать также, какъ думалъ изобрѣтатель.

VI. *Группа. Народы западные.*

(Народы совершенствующіеся).

Къ послѣдней группѣ относимъ мы обитателей юго-западной Азіи, Европы и сѣверной Африки, исключая Финновъ и Турокъ, которые также живутъ въ этихъ странахъ. Такимъ образомъ эта группа почти совершенно соотвѣтствуетъ Блуменбаховой Кавказской породѣ; но называть эту группу Кавказской въ наше время, было бы довольно не основательно, потому что мы не знаемъ ни одного большаго народа, который бы сошелъ съ Кавказа. Исторія скорѣе доказываетъ намъ, что народы переселялись преимущественно съ востока на западъ. Сравненіе языковъ также дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что всѣ болѣе образованные народы Европы пришли изъ Азіи: не на Кавказѣ, а въ Индіи и Персіи находимъ мы тѣ языки, отъ которыхъ, по видимому, происходятъ почти всѣ европейскіе,—

это санскритъ и зендъ. Положимъ, что они не суть первоначальные источники всѣхъ этихъ языковъ, а только самыя древнія вѣтви другаго первоначальнаго языка, нынѣ уже исчезнувшаго; все-таки нѣтъ никакихъ основаній считать Кавказъ отечествомъ этого первоначальнаго языка. Другое большое племя — симитическое, къ которому принадлежатъ Евреи, также весьма древне, но еще менѣе можетъ быть считаемо происшедшимъ на Кавказѣ, потому что здѣсь нѣтъ ни одного народа, который бы говорилъ симитическимъ языкомъ, хотя нѣсколько къ югу отъ Кавказа, уже въ древности жили симитическіе народы. Напротивъ того, языки, которыми говорятъ кавказскіе народы, имѣютъ только весьма отдаленное сходство съ санскритскими; многіе изъ нихъ даже нельзя и сравнивать съ языками двухъ названныхъ семействъ. Можетъ быть въ послѣдствіи такое сходство и будетъ доказано, но въ настоящее время, скорѣе можно предполагать, что, при обыкновенномъ направленіи переселеній съ востока на западъ, самые разнородные племена, тѣснимые новыми пришельцами, поселялись на Кавказѣ. О нѣкоторыхъ немногихъ народахъ извѣстно, что они пришли съ Кавказа, но они только прошли черезъ Кавказъ, а происхожденіе ихъ, какъ извѣстно положительно, далѣе на югъ; таковы Скиѳы, Сарматы и др. Мы назвали западную группу, народами *совершенствующимися*; и причины побудившія насъ къ этому, мы покажемъ въ концѣ нашей статьи.

Симитическіе языки представляютъ много особенностей; почти всѣ коренные слова, состоятъ изъ трехъ согласныхъ, между которыми заключаются гласныя, такъ что всѣ эти слова состоятъ изъ двухъ слоговъ. И это уже весьма странно, потому что почти во всѣхъ другихъ языкахъ слова или односложны, или, по бо́льшей части, происходятъ отъ односложныхъ корней, къ которымъ приставлены прибавочныя частицы т. ч. образовались слова многосложныя. Но еще страннѣе то, что въ симитическихъ языкахъ, преимущественно согласныя составляютъ неизмѣнную

часть каждаго слова; только онѣ опредѣляютъ понятіе выражаемое словами, а грамматическія формы производятся преимущественно измѣненіемъ гласныхъ. Такъ, только измѣненіе среднихъ гласныхъ въ глаголѣ показываетъ, употребляется-ли онъ въ дѣйствительномъ, или страдательномъ залогѣ, выражаетъ ли онъ настоящее дѣйствіе, или только возможное. Это измѣненіе гласныхъ встрѣчается во всѣхъ грамматическихъ формахъ, хотя недостаетъ также и другихъ измѣненій, равно какъ и прибавочныхъ частицъ, которыя ставятся при концѣ слова, или при его началѣ. По этому, въ каждомъ коренномъ словѣ, согласныя составляютъ самую существенную часть; только онѣ выражаютъ неизмѣнное понятіе, а гласныя обозначаютъ только различныя отношенія, которыя въ санскритскихъ языкахъ выражаются посредствомъ измѣненія окончаній. Это свойство симитическихъ языковъ извѣстно уже весьма давно и отсюда произошло въ нихъ обыкновеніе писать только согласныя. Въ самомъ дѣлѣ, народамъ этого семейства уже издавна извѣстно буквенное письмо, которое безъ сомнѣнія даже и изобрѣтено ими. Греки ясно называютъ Финикіянъ изобрѣтателями письма, а Финикіяне были народъ симитическій. Но какъ сначала писали только вырѣзывая буквы на камнѣ, металлѣ и на другихъ твердыхъ тѣлахъ, что естественно требовало много времени, то вѣроятно стали выпускать изъ средины гласныя буквы, какъ элементы измѣняющіеся.

Въ симитическомъ семействѣ народовъ на основаніи ихъ языковъ отличаются слѣдующія вѣтви:

1) *Сѣверная;* народы относящіеся сюда населяютъ Сирію и Месопотамію (древнюю Халдею) и къ сѣверу граничатъ съ Персами и Армянами.

2) *Средняя,* которая занимаетъ средину между предъидущею вѣтвью и слѣдующею; къ этой вѣтви принадлежали древніе *Финикійцы* и, разсѣянные теперь по всему свѣту, *Евреи.*

3) *Южная* или *Арабская вѣтвь.* Народы говорящіе

арабскимъ языкомъ распространены и на сѣверномъ берегу Африки; здѣсь Арабы называются *Маврали*, если они ведутъ жизнь осѣдлую, какъ напр. въ городахъ, или *Бедуинали*, если они кочуютъ. Языкъ *Мальтійцевъ* представляетъ смѣсь арабскаго съ европейскими.

4) *Абиссинская вѣтвь.* Жители Абиссиніи сродны съ Арабами по своему языку и по своему тѣлесному устройству.

5) *Вѣтвь Берберовъ.* Она населяетъ часть сѣверной Африки, и занимаемое ею пространство земли простирается вообще до границы періодическихъ дождей (до долины Нигера). *Берберы* значительно отличаются отъ Арабовъ, по своему языку, но не смотря на то ихъ должно относить къ симитическому семейству. На самомъ Нилѣ, гдѣ сообщенія весьма удобны, народы такъ перемѣшались между собою, что трудно опредѣлить границу отдѣляющую Негровъ отъ народовъ симитическихъ.

Всѣ симитическіе народы стоятъ весьма высоко какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Носъ у нихъ бо́льшею частью большой, весьма часто горбатый, подбородокъ очень выдающійся; борода часто длиннѣе посрединѣ нежели по бокамъ, такъ что имѣетъ заостренную форму. На фиг. 3. Таб. 40. представлена весьма характеристическая физіономія одного *Еврея торговца*. Спина у него согнута, шея стянута, что объясняется униженнымъ положеніемъ этого народа; однако оно свойственно не всѣмъ симитическимъ народамъ, напротивъ, вольный Арабъ держится весьма гордо. Знаменитый докторъ Ларрей, думаетъ что черепъ Арабовъ, со всѣхъ сторонъ округленный, представляетъ высшую степень совершенства человѣческой формы, что мозгъ у нихъ представляетъ болѣе извилинъ чѣмъ у другихъ племенъ, и что эти извилины раздѣлены болѣе глубокими желобками. Мнѣніе Г. Ларрея о мозгѣ я считаю весьма недоказаннымъ; что же касается до черепа, то онъ кажется мнѣ короче, но выше, чѣмъ у бо́льшей части индо-германскихъ народовъ;

лобъ бываетъ часто наклоненъ (какъ это видно и на нашемъ портретѣ) кзади, даже болѣе чѣмъ можно бы ожидать. Причина этого заключается частью въ томъ, что лобныя пазухи сильно развиты, а частію въ томъ, что темя, къ которому плоскость лба всегда наклонена, весьма высоко. Уже на египетскихъ памятникахъ, въ изображеніяхъ жидовъ, можно замѣтить эту форму лобной кости; можно видѣть что у нихъ лобъ подымается не вдругъ, но постепенно.

Умственныя способности Симитовъ рѣзко выражаются въ тѣхъ странахъ на востокѣ, гдѣ они смѣшаны съ Турками. Симиты живѣе Турокъ и скорѣе ихъ выучиваются всему. Но еще болѣе въ исторіи міра Симиты занимаютъ важное мѣсто, по своему умственному развитію. У Евреевъ мы находимъ самыхъ древнихъ писателей и поэтовъ, а *Финикійцы* распространили свои торговыя предпріятія по берегамъ Средиземнаго моря. Многосторонніе Греки сдѣлались просвѣтителями міра; но когда погибъ цвѣтъ греческой образованности, Александрійскіе Евреи, потерявшіе свое отечество, опять являются играющими важную роль въ усовершенствованіи наукъ. Въ средніе вѣка Арабы много содѣйствовали развитію человѣчества. Въ первое время это были только завоеватели, движимые религіознымъ фанатизмомъ, но, овладѣвъ какой нибудь страной, они скоро обращались къ наукамъ, искуствамъ и ремесламъ, и вообще къ утонченной любви къ высокому, которою они превосходили почти всѣхъ народовъ того времени. Что они скоро потеряли свое историческое значеніе, это можно объяснить вреднымъ вліяніемъ исламизма. Страннымъ можетъ показаться, что Арабы возбуждали новую жизнь въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Испаніи, Персіи и Египтѣ, они являлись завоевателями; напротивъ, въ самой Аравіи они не улучшили своей умственной жизни, и не достигли высокой степени общественнаго развитія. Можетъ быть причиною этого, свойства страны. Отчасти я съ этимъ согласенъ, потому что сѣверная Аравія представляетъ почти непрерывную пусты-

ню; но за то южная есть страна весьма счастливая въ климатическомъ отношеніи. Чѣмъ объяснить, что здѣсь не явился центръ обширнаго царства? Основаніе этого заключается по нашему мнѣнію, въ умственномъ развитіи народовъ; а Арабовъ мы всего короче и лучше характеризуемъ, когда скажемъ, что они, по своему характеру, совершенно противуположны Китайцамъ: фантазія Араба такъ богата, что онъ наслаждается въ мірѣ сказокъ и мало обращаетъ вниманія на удобства дѣйствительной жизни. Почерпая изъ религіознаго фанатизма презрѣніе къ смерти, онъ дѣлается непобѣдимымъ; онъ предпочитаетъ степную жизнь, городской, потому что послѣдняя требуетъ, чтобы онъ призналъ надъ собою власть законовъ. Даже будучи рожденъ горожаниномъ, онъ скорѣе сдѣлается кочующимъ купцомъ, спекуляторомъ, нежели мастеровымъ-домосѣдомъ; этимъ объясняется, почему Аравія никогда не была покорена, тогда какъ Китай весьма часто подвергался вторженіямъ варваровъ. Но когда Арабы, которыхъ религіозный фанатизмъ сдѣлалъ непобѣдимыми, завоевали менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе все пространство земли отъ Таго до Ганга, тогда завоеванныя ими страны сдѣлались самостоятельными государствами, потому что завоеватели не имѣли своего собственнаго государства. Въ чужихъ странахъ, какъ повелители, они вводили просвѣщеніе, а у себя дома не двигались впередъ въ отношеніи общественной жизни, какъ кажется потому, что никто не хотѣлъ подвергнуть себя ограниченіямъ, безъ которыхъ не можетъ существовать благоустроенное государство и настоящая, образованность.

Вся исторія новаго времени принадлежитъ *второму* семейству западной группы, т. е. народамъ которыхъ языки такъ сродны съ *санскритскимъ*, что или всѣ они произошли отъ него, или образовались вмѣстѣ съ нимъ изъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ языка. Народы говорящіе языками санскритскаго корня распространены по всей Европѣ и по Азіи до Гималая и Ганга: а потому этихъ

народовъ называютъ Индо-Германцами или лучше *Индо-Европейцами.* Обитатели-же южной Индіи говорятъ языками непринадлежащими къ санскритскому корню.

Чтобы дать общее понятіе о всѣхъ относящихся сюда народахъ, я представляю здѣсь взглядъ знаменитаго Потта, изложенный имъ въ 1840 году. Этотъ взглядъ можно разсматривать какъ конечный выводъ всѣхъ трудовъ по части лингвистики; впрочемъ къ результатамъ Потта, я съ своей стороны сдѣлаю нѣкоторыя дополненія, которыя сообщили мнѣ по своей обязательности Г-да Броссе и Шегренъ.

Языки, которые сродны съ санскритскими, имѣютъ не только односложные корни, но грамматика ихъ имѣетъ полныя измѣненія окончаній. Богатѣйшія измѣненія окончаній представляютъ языки, которые долго не смѣшивались съ другими. Напротивъ, языкъ, который произошелъ отъ смѣшенія разныхъ народовъ, какъ напр. французскій и англійскій, много теряетъ измѣненія на концѣ словъ; въ такихъ языкахъ для означенія падежей употребляютъ измѣняющіе члены (какъ во французскомъ *le, la, du, de* и пр., въ англійскомъ *the, of the* и проч.)

Языки индо-европейскаго племени раздѣляются на нѣсколько семействъ, изъ которыхъ однѣ распространены въ Европѣ, а другія въ Азіи.

Къ азіатскимъ семействамъ принадлежатъ слѣдующія:

1. *Индійское;* сюда принадлежитъ давно уже истребившійся и знаменитый богатствомъ грамматическихъ формъ языкъ *Санскритскій.* По видимому онъ имѣлъ писателей уже за тысячу лѣтъ до Рождества Христова. Какъ разговорный языкъ онъ вышелъ изъ употребленія уже за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, и сохранился только въ браминской религіи, какъ языкъ священный. Непосредственно отъ санскритскаго произошелъ языкъ *Пали,* который также уже вышелъ изъ употребленія, какъ языкъ разговорный и остался только въ буддійской религіи, въ видѣ языка священнаго. Точно также непосредственно отъ санскритскаго произошли языки: *Кави,*

языкъ древнихъ поэтовъ острова Явы; *Пакритъ*, старинный, теперь уже изчезнувшій, народный языкъ, и множество другихъ народныхъ языковъ и теперь еще существующихъ въ Индіи, каковы *Индостанскій*, *Бенгальскій*, *Маратскій*, *Цыганскій* и др. Вообще языки народовъ населяющихъ Индостанъ принадлежатъ къ санскритскому корню; исключеніе составляютъ только жители южной оконечности этого полуострова, потому-что происхожденіе этихъ языковъ, какъ мы уже прежде замѣтили, намъ совершенно неизвѣстно.

2) *Персидское* или *Иранское* семейство. Иранъ древнее имя страны лежащей между Персидскимъ заливомъ и Оксомъ. Древній, давно уже исчезнувшій, священный языкъ употреблявшійся въ этой странѣ, языкъ *Зендъ*, можно считать происшедшимъ отъ одного корня съ санскритскимъ и родоначальникомъ языка *Парси*, или древняго Персидскаго. Отъ послѣдняго произошли, въ теченіи времени, языки новый Персидскій и другой, который по своей древности занимаетъ средину между языками Парси и новымъ персидскимъ. Языкъ сѣверныхъ Таджиковъ, которые населяютъ города Бухарскаго ханства и сосѣдственныхъ земель, представляетъ измѣненіе Персидскаго. Страны въ которыхъ живутъ Таджики находятся подъ властію Узбековъ, впрочемъ и въ Россіи есть нѣсколько колоній таджикскихъ. Другіе языки, происшедшіе отъ языка зендъ, суть: языкъ *Афгановъ (Пушту)*, занимающихъ пространство земли между Персіей и Индіей, и языкъ полудикихъ кочующихъ *Курдовъ*, населяющихъ гористыя части сѣверной Персіи и въ пограничныхъ частяхъ азіатской Турціи. Еще болѣе, чѣмъ эти, отличается отъ языка зендъ, языкъ *Армянъ*, которыхъ отечество есть возвышенная плоскость къ югу отъ Кавказа. Армяне совершенно отличны отъ дикихъ необузданныхъ Курдовъ; какъ ловкіе и смышленные торговцы они встрѣчаются въ бо́льшей части Азіи и Европы. Г-нъ Броссе, знатокъ армянскаго языка, несомнѣ-

вается, что между ими и Персами есть сродство, хотя нѣсколько отдаленное.

Въ настоящее время нельзя еще рѣшить принадлежатъ ли къ иранскому семейству и *Осетинцы*, которые занимаютъ сѣверныя пологости горъ въ средней части кавказскаго хребта. Осетинцы сами себя называютъ *Иронъ*; поэтому думаютъ, что они составляютъ древнюю колонію изгнанныхъ Мидянъ. Г-нъ Шегренъ основательно изучалъ осетинскій языкъ и не сомнѣвается въ томъ, что онъ принадлежитъ къ санскритскому корню. Но относится ли этотъ языкъ къ иранскому семейству? Г-нъ Шегренъ удерживается еще отъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

3) Здѣсь мы должны прибавить одно семейство языковъ и народовъ, выпущенное Поттомъ: — семейство *Грузинское*. Основываясь на изслѣдованіяхъ Г-на Броссе, отличнаго знатока всѣхъ этихъ языковъ, несомнѣнно, что это семейство принадлежитъ къ санскритскому корню.

Собственно грузинскимъ языкомъ говорятъ жители провинцій Картали и Кахетіи и восточной части Имеретіи; въ Мингреліи, Гуріи и западной Имеретіи, туземцы говорятъ испорченнымъ нарѣчіемъ этого же языка. Языкъ *Лазовъ*, которые живутъ бо́льшею частью внѣ Россійскихъ владѣній, до самаго Арзерума, еще болѣе удаляется отъ чистаго грузинскаго. Напротивъ, *Суаны* и *Тушинцы*, по мнѣнію Г-на Броссе, не принадлежатъ къ грузинскому семейству, къ которому относятъ ихъ иностранные писатели.

Къ европейскому семейству индо-европейскаго корня относятся:

4. *Древніе Греки и Римляне*. Новѣйшіе историки и филологи держатся того мнѣнія, что въ Европу, въ доисторическія времена переселился одинъ народъ, который, съ одной стороны перешелъ черезъ Балканы въ Грецію и Македонію, а съ другой чрезъ Альпы въ Италію, и такимъ образомъ постепенно раздѣлился на два народа, го-

ворящіе различными языками. Нѣкоторые ученые предлагали назвать этотъ предполагаемый первоначальный народъ, Пелазгами. Нынѣшніе Греки, населяющіе собственно Грецію, до такой степени смѣшали свою кровь со славянскою, что теперь возникъ сильный споръ должно ли называть ихъ Греками, или Славянами. Напротивъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, уже съ давнихъ поръ извѣстны были греческія колоніи;—но Крымъ столько разъ былъ завоеванъ, что теперь вовсе нельзя узнать, съ какимъ народомъ слились потомки этихъ Грековъ. Въ самыя древнія времена, объ которыхъ мы только можемъ имѣть свѣдѣнія, Италія была уже заселена народами, совершенно отличными отъ Латиновъ; таковы *Иберы* (на большихъ островахъ), *Этруски, Лигуры* и позже *Галлы* (въ верхней Италіи). Всѣ эти народы мало по малу потеряли свой прежній характеръ и сдѣлались Римлянами. Послѣ Пуническихъ воинъ, Римляне распространили свое владычество на Испанію, Галлію, южную часть Германіи, Паннонію (Венгрію), Дакію (Валлахію и Молдавію) и т. д. Всѣ эти страны, во время такъ называемаго переселенія народовъ, были завоеваны германскими племенами; такимъ образомъ явились новые языки. Тѣ изъ этихъ языковъ, въ которыхъ латинскій остался преобладающимъ называются *Романскими*: таковы, *Италіанскій, Испанскій, Португальскій, Французскій* (которымъ замѣненъ теперь Провансальскій) и *Валлахскій*.

5. *Кельтское* семейство. Кельтовъ самостоятельныхъ мы теперь находимъ только на самыхъ западныхъ оконечностяхъ Европы: въ французской провинціи Бретани, въ англійской Валисъ, въ сѣверной Шотландіи и въ бо̀льшей части Ирландіи. Въ древности народы этого семейства занимали бо̀льшую часть Европы; Галлія, Британія, часть Испаніи, сѣверной Италіи, южной Германіи, и, какъ кажется, Паннонія (Венгрія) были населены Кельтами, въ то время, когда Римское государство только еще развивалось. Даже частью и въ малой Азіи жили Кельты (ихъ называли

также Галатами), которые пришли изъ Европы, гдѣ разорили Грецію. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что, судя по нѣкоторымъ остаткамъ ихъ языка, эти народы въ самомъ дѣлѣ принадлежали къ кельтскому семейству. Однако слово *Κελτόι*, у греческихъ писателей вовсе не такъ опредѣленно, какъ можно бы легко подумать. Такъ какъ теперь только на западныхъ оконечностяхъ Европы мы находимъ Кельтовъ, которые сохранили свою самостоятельность: то можетъ показаться невѣроятнымъ, что Кельты принадлежатъ къ индо-европейскому племени. Это уже давно казалось сомнительнымъ. И когда многіе ученые уже выразили это мнѣніе, ученый Поттъ сначала былъ его противникомъ, но въ послѣдствіи призналъ его справедливымъ.

При такихъ авторитетахъ мнѣ не принадлежитъ никакое разсужденіе о сравненіи языковъ. Но я не могу не замѣтить, что, основываясь частью на географическихъ данныхъ, давно то думалъ, что первыми обитателями Европы были Кельты. Однако уже сравненіе числительныхъ именъ должно ослабить вѣроятность этого мнѣнія; нельзя не видѣть что кельтскія названія чиселъ сходны, даже болѣе чѣмъ напр. грузинскія, съ такими же названіями, въ наиболѣе распространенныхъ индо-европейскихъ языкахъ. Къ тому же и черепъ у древнихъ Кельтовъ чистой крови, имѣетъ разительное сходство съ чисто германскимъ; и тотъ и другой значительно вытянуты въ длину и имѣютъ большой личной уголъ.

6. *Германское семейство* языковъ и народовъ распадается какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи Исторіи на двѣ главныя группы: Нѣмецкую и Скандинавскую. Къ Нѣмецкой группѣ филологи относятъ слѣдующіе языки: 1) *Гот скій* нынѣ уже изчезнувшій; до нашего времени сохранился только Готѳскій переводъ Библіи сдѣланный въ IV вѣкѣ 2) *Нѣмецкій*. Онъ раздѣляется на 2 нарѣчія Верхне-Нѣмецкое и Нижне-Нѣмецкое: первое сдѣлалось теперь преобладающимъ писменнымъ язы-

комъ. Отъ нижне-нѣмецкаго произошли языки 3) *Голландскій* и 4) *Фламанскій*; 5) *Фризскій*, въ сѣверо-западномъ краѣ Германіи, постепенно вышедшій изъ употребленія; 6) *Англо-Сакскій*, который образовался въ Англіи, изъ смѣшенія языковъ трехъ народовъ — Англовъ, Саксовъ и Датчанъ. Этотъ языкъ также относится сюда, потому что изъ датскаго въ него вошли очень не многіе элементы. Изъ этого языка, отъ примѣси многаго изъ французскаго языка произошелъ 7) *Нынѣшній Англійскій* языкъ. Онъ образовался послѣ завоеванія Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ, когда французскій языкъ проникъ во всѣ отрасли правленія; потому что дворяне и духовные, пришедшіе съ Вильгельмомъ, почти всѣ говорили по французски. Къ скандинавской вѣтви принадлежатъ: 8) *Норенскій* или *древній сѣверный* языкъ какъ родоначальникъ языковъ этой вѣтви. Отъ него происходитъ: 9) *Нынѣшній Исландскій* языкъ, имѣющій еще много сходства съ тѣмъ, отъ котораго произошелъ. 10) *Датскій*; въ Норвегіи онъ замѣнилъ, прежде тамъ употреблявшійся, норенскій; и наконецъ 11) *Шведскій*.

7) *Литовскіе народы*. Многіе этнографы и лингвисты и въ томъ числѣ Поттъ относятъ ихъ къ славянскому семейству. Другіе дѣлаютъ изъ нихъ особенное семейство, которое болѣе подходитъ къ славянскому, нежели ко всѣмъ другимъ. Мы его опишемъ здѣсь, для того, чтобы имѣть возможность при описаніи славянскаго семейства придерживаться Шафарика, который отдѣляетъ отъ него Литовцевъ. Къ этому побуждаетъ насъ и то, что языкъ Литовцевъ значительно близокъ къ санскритскому, даже ближе нежели всѣ другіе европейскіе языки: это доказываютъ изслѣдованія знатоковъ санскритскаго языка. Впрочемъ въ литовскомъ языкѣ находятся многіе славянскіе элементы, и потому Шафарикъ думаетъ, что въ доисторическія времена Славяне и Литовцы составляли одно семейство. Къ небольшому литовскому семейству принадлежали: 1) древніе *Пруссаки*, которые частью погибли, а частью сли-

лись съ Германцами. Нынѣ изъ этого семейства осталось только 2 народа: 2) *Литовцы* и 3) *Летты*.

8. *Славянское семейство*. По нашей просьбѣ ученый Славянистъ Г. Профессоръ Срезневскій, принялъ на себя трудъ составить слѣдующее распредѣленіе племенъ этого семейства:

Славянское семейство, по отношенію къ языку и судьбамъ историческимъ, распадается на три главныя отрасли: *Славянъ восточныхъ* или *Русскихъ*, *Славянъ югозападныхъ* и *Славянъ сѣверозападныхъ*.

Славяне восточные или *Русскіе* составляютъ искони одинъ народъ, развѣтвившійся на четыре вѣтви: Великорусскую, Бѣлорусскую, Малорусскую и Червонорусскую. Кромѣ тѣхъ, которые составляютъ главную массу народонаселенія въ обширномъ царствѣ Русскомъ, есть еще Русскіе въ восточномъ краѣ царства Польскаго, въ восточной половинѣ Галиціи и въ сѣверовосточномъ краѣ Венгріи.

Славяне югозападные занимаютъ пространство на югъ отъ Дунайской равнины. Вѣтвь ихъ давно уже исчезнувшая, и обитавшая въ IX вѣкѣ и прежде на югѣ отъ границъ Болгарскаго царства, за Балканскими горами, оставила на память о себѣ языкъ такъ называемый *Старославянскій*, освященный въ церкви православной именемъ языка церковнаго. Другая вѣтвь этихъ Славянъ, смѣшавшаяся издревле съ народами чужеплеменными, населяетъ до сихъ поръ большую часть Балканскаго полуострова, сохраняя названіе *Болгаръ*: языкъ ихъ издревле потерялъ большую часть своихъ первобытныхъ формъ, лишась между прочимъ склоненій, неопредѣленнаго наклоненія, и правильной формы будущаго времени, и утвердивши за собою употребленіе членовъ. Третью вѣтвь составляютъ *Сербы*, обитающіе въ южныхъ частяхъ Венгріи, въ Славоніи и части Кроаціи въ Княжествѣ Сербскомъ, Черногорьи, Боснѣ, Ерцеговинѣ и южной части Долмаціи; всѣ они говорятъ однимъ нарѣчіемъ съ незначительными мѣстными видоизмѣненіями. Народная сло-

весность Сербовъ изумительно богата пѣснями, особенно эпическими, которыя отличаются и величиною (есть пѣсни по 1000 стиховъ и болѣе), и изяществомъ отдѣлки внѣшней и внутренней; литература Сербская книжная равнымъ образомъ представляетъ много памятниковъ замѣчательныхъ, составляя одну изъ богатѣйшихъ отраслей литературы западно-славянской. Болгары и Сербы замѣчательны тѣмъ что, кромѣ того, что раздѣлены въ отношеніи къ вѣрѣ на православныхъ и римско-католиковъ, заключаютъ съ средѣ своей неменѣе 800,000 магометанъ. Четвертую вѣтвь Славянъ юго-западныхъ составляютъ *Хорваты*, обитающіе на западныхъ границахъ Венгріи, въ Кроаціи, Истріи и сѣверной Далмаціи: по языку они находятся въ ближайшемъ сродствѣ съ Сербами, отличаясь отъ нихъ болѣе всего разнообразіемъ мѣстныхъ говоровъ. Пятая вѣтвь *Хорутане* или, какъ они сами себя называютъ, *Словенцы*, замѣчательна столькоже разнообразіемъ говоровъ, сколько и странными особенностями выговора, дѣлающими ихъ нарѣчіе во многихъ краяхъ почти совершенно непонятнымъ для другихъ Славянъ. Это нарѣчіе, господствуя въ Краинѣ, южной Каринтіи и Штиріи, употребляется еще въ югозападномъ краѣ Венгріи и въ горахъ Фріульскихъ у границъ Каринтіи и Краины.

Славяне сѣверозападные занимаютъ пространства на сѣверъ отъ равнины Дунайской. Одна изъ вѣтвей этой отрасли—*Словаки* — занимаетъ сѣверозападный край Венгріи и восточный край Моравіи, примыкаетъ на востокѣ къ народу Русскому на сѣверѣ къ Польскому, и по языку, раздѣляясь на много мѣстныхъ говоровъ, остается въ ближайшемъ сродствѣ съ народомъ Чешскимъ. Другая вѣтвь—*Чехи*—составляетъ господствующее народонаселеніе Богеміи и Моравіи. Нарѣчіе Чешское очень замѣчательно и по древности памятниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые относятся къ IX—X вѣку, и по богатствамъ ученолитературнаго развитія. Третья вѣтвь—*Сербы Лужиц-*

кіе—распространившаяся когда то по многимъ землямъ Саксонскимъ и западной части Силезіи—остается теперь только въ Лужицахъ (Lausitz) между Франкфуртомъ на Одрѣ, Дрезденомъ и Гёрлицемъ въ числѣ 150, 000 душъ: ихъ нарѣчіе очень замѣчательно по древности своихъ грамматическихъ формъ. Четвертую вѣтвь составляютъ *Поляки* живущіе кромѣ Царства Польскаго въ западной Галиціи, въ юговосточномъ краѣ Силезіи, въ восточной Познани, кое гдѣ въ Помераніи и Пруссіи, а равно и въ западныхъ краяхъ Россіи и въ восточной Галиціи смѣшанно въ господствующимъ народонаселеніемъ Русскимъ. По отношеніи къ языку ихъ можно раздѣлить на три части: собственно Поляки, занимающіе большую часть вышеозначеннаго пространства, *Слезаки* въ Силезіи и *Кашубы* въ Помераніи. Слезаки простирались прежде далеко на западъ почти по всей Силезіи, а Кашубы суть бѣдные остатки народа Поморскаго, занимавшаго большое пространство земли отъ Одра до края литовскаго. Пятая вѣтвь—*Славяне Балтійскіе,* извѣстные своимъ западнымъ сосѣдямъ подъ общимъ названіемъ *Вендовъ*—почти совершенно погибла: прежде они занимали все пространство на западъ отъ Поляковъ и на сѣверъ отъ Сербовъ, а теперь остается только въ нѣсколькихъ деревняхъ у Эльбы подлѣ Люнебурга, тамъ гдѣ прежде жили Поляки.

Профессоръ И. Срезневскій.

Какъ и когда индо-европейскіе народы пришли въ Европу, объ этомъ Исторія ничего не говоритъ. Отъ техъ временъ, когда еще не было извѣстно или по крайней мѣрѣ общеупотребительно искуство письма, до насъ естественно не могли дойти никакія извѣстія. Когда Греки узнали это искуство, они не имѣли никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ отдаленныхъ сѣверныхъ частяхъ Европы. Греки были первый изъ европейскихъ народовъ, который дошелъ до высокой степени образованности еще за 1200 до нашей Эры. Но во всякомъ случаѣ и Кельты весьма

давно вторглись въ Европу и получили государственное устройство гораздо ранѣе того времени, отъ котораго дошли до насъ первыя историческія о нихъ извѣстія. Изъ Цезаря намъ извѣстно только, что гальскіе Кельты прежде были гораздо сильнѣе и часто переходили за Рейнъ, чтобы воевать съ германскими народами; извѣстно также что въ древности гальскіе же Кельты, подъ предводительствомъ Бренна, завоевали Римъ. Но далѣе въ цесарево время отношенія совершенно перемѣнились: Германцы проникли за Рейнъ и заняли часть владѣній кельтскихъ народовъ. Изъ этого видно, что Германцы также уже издавна жили въ Европѣ и имѣли свое политическое устройство.

Но и германскіе народы были уже тѣснены съ востока: Исторія 2-го столѣтія до Р. Х. показываетъ что они не только вытѣснили Кельтовъ изъ ихъ отечества, но также нападали и на Римскую Имперію соединясь съ Кимврами (Кельтскимъ народомъ). Эти народы вытѣснившіе Германцевъ были вѣроятно народы славянскіе, можетъ быть вмѣстѣ съ Литовцами. Это весьма правдоподобно, потому что за нѣсколько столѣтій, по разсказу путешественника (Pytheas) на берегахъ Пруссіи жили германскіе народы, которыхъ впослѣдствіи тамъ уже не находили. Но весьма несправедливо было бы думать, что Славяне, которые дали первый толчекъ къ движенію народовъ, явились въ Европѣ только въ это время. Конечно нѣкоторыя славянскія племена могли прійти и тогда, но во всякомъ случаѣ, большія группы Славянъ жили въ Европѣ еще въ то время, отъ котораго до насъ дошли самыя первыя историческія извѣстія изъ сѣвера.

Однако, по нашему мнѣнію, можно съ увѣренностью думать, что индо-европейскія племена, вступивъ въ Европу, нашли уже здѣсь много народовъ другаго происхожденія. Мы уже прежде говорили о Васкахъ, которыхъ языкъ долженъ происходить отъ другаго корня. Ихъ вообще считаютъ остатками древнихъ Иберовъ, которые поселились въ западной Европѣ. Кельты проникли также и въ Испанію, гдѣ пре-

имущественно жили Иберы и, соединясь съ ними, составили смѣшанный народъ Келт-иберовъ. Албанцы также представляютъ остатокъ древнихъ обитателей; тоже можно сказать и о *Черкесахъ* въ языкѣ которыхъ еще никто не могъ найти сходства съ европейскими; и о *Лизгинахъ*, которые, въ свою очередь, составляютъ смѣсь другихъ племенъ образовавъ новый народъ; тоже и о *Суанахъ*. Всѣ подобные остатки прежнихъ народовъ сохранились только въ гористыхъ странахъ. Можно ли думать, по этому, что равнины были менѣе населенны? Конечно нѣтъ! Слѣдовательно жившіе на нихъ народы или совсѣмъ истреблены, или смѣшались съ пришельцами?

Послѣднее кажется намъ всего вѣроятнѣе. Судя по черепамъ и различнымъ предметамъ, находимымъ въ древнихъ гробницахъ, должно думать, что народы первоначальнаго времени стояли весьма низко по своей образованности, или были весьма мало развиты. По этому вѣроятно, что тогда и народонаселеніе Европы было весьма немногочисленно, потому что сравненіе съ другими странами показываетъ намъ, что чѣмъ менѣе образованы люди, тѣмъ меньшее ихъ число можетъ жить на одномъ пространствѣ, особенно если страна лежитъ подъ среднею географическою широтою. И такъ на основаніи двухъ фактовъ (незначительное народонаселеніе и малое его образованіе) мы можемъ заключить, что языки этихъ народовъ должны были изчезнуть предъ языкомъ санскритскимъ, хотя въ него вошли многія, взятыя изъ нихъ слова. Иначе какъ объяснить изобиліе коренныхъ словъ въ различныхъ европейскихъ языкахъ и разнообразіе названій, означающихъ главнѣйшія жизненныя потребности?

Такимъ образомъ теперешніе европейскіе народы суть не чистые потомки одного родоначальнаго корня, но болѣе или менѣе смѣшаны съ кровью другихъ родоначальныхъ націй. Этимъ путемъ можно объяснить и различіе въ строеніи тѣла, чего нельзя, кажется вывести изъ одного вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Но, спросятъ

насъ, имѣли ли мы право считать языкъ главнѣйшимъ признакомъ, по которому можно судить отъ какаго племени произошелъ народъ, если народы, говорящіе санскритскимъ языкомъ, происхожденія смѣшаннаго? Я думаю, что *да*, потому что языкъ указываетъ на духовное происхожденіе народовъ одного отъ другаго, а вліяніе этого происхожденія гораздо продолжительнѣе, чѣмъ вліяніе тѣлеснаго. Смѣшанный народъ, получая отъ другихъ племенъ ихъ языкъ, въ тоже время принимаетъ ихъ понятія, обычаи, и, гдѣ свойства страны позволяютъ — то образъ жизни. Мулаты, происходящіе отъ смѣси Европейцевъ и Негровъ, по своему тѣлесному устройству, занимаютъ средину между первыми и послѣдними; но они болѣе походятъ на Европейцевъ по своему умственному развитію и образу жизни, если языкъ на которомъ они учатся говорить — одинъ изъ европейскихъ; напротивъ, они живутъ и какъ Негры, если при своемъ воспитаніи приучились говорить по негритянски. И послѣдующія поколѣнія всегда будутъ болѣе походить на тѣхъ народовъ, которыхъ языкомъ говорятъ. Но если сталкиваются языки, то грамматики ихъ не сливаются, а вытѣсняютъ одна другую; такимъ образомъ весьма понятно, что многіе языки могли совершенно уничтожиться, а потому можетъ казаться что и народы, которые на немъ говорили, изчезли, безъ всякихъ слѣдовъ, хотя въ дѣйствительности они продолжаютъ жить въ другихъ народахъ, говорящихъ другимъ языкомъ и слѣдовательно имѣющихъ другой образъ мыслей.

Такъ какъ кореннаго языка, отъ котораго произошли всѣ индо-европейскіе нельзя искать въ Европѣ, то трудно удержаться отъ попытки еще точнѣе опредѣлить его отечество. Колыбель всѣхъ западныхъ народовъ искали въ Азіи; Поттъ, въ своемъ часто упоминаемомъ нами сочиненіи, говоритъ что это была страна около истоковъ Сира или Аму (Окса), можетъ древняя Бактрія, или нынѣшнія ханства Хокандъ и Балхъ. Я не скрою, что мнѣ кажется несовсѣмъ справед-

ливо принимать столь малую страну, за колыбель такого многочисленнаго племени; не надо забывать, что мы, даже и съ помощью предположеній, не можемъ проникнуть въ самую отдаленную отъ насъ глубину первоначальнаго времени. При томъ и Поттъ не можетъ привести въ подтвержденіе своей догадки ничего, кромѣ одного персидскаго преданія, будто-бы народъ съ языкомъ Зендъ пришелъ съ сѣвера.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, придутъ можетъ къ другому убѣжденію по этому вопросу. Уже прежде не разъ пытались доказать общность происхожденія нынѣ столь различныхъ симитическихъ и санскритскихъ языковъ. Такъ напр. замѣтили, что если отнять отъ симитическаго кореннаго двусложнаго слова одинъ слогъ, то другой нерѣдко можно найти и въ санскритскихъ языкахъ, какъ коренное слово имѣющее сходное значеніе. Хотя это замѣчаніе сдѣлано отличнѣйшими лингвистами, но большая часть другихъ сомнѣвается въ немъ. Впрочемъ въ настоящее время, когда начали точнѣе изучать языкъ древнихъ Египтянъ по сохранившимся надписямъ, памятникамъ и сверткамъ папируса, это мнѣніе измѣнилось. Теперь уже весьма основательные лингвисты (Лепсіусъ, К. Мюллеръ, Бунзенъ) пришли къ тому мнѣнію, что древне-египетскій языкъ, особенно по своимъ кореннымъ словамъ, имѣетъ сродство какъ съ санскритскими такъ и съ симитическими семействами языковъ, но, что онъ однако-же не произошелъ изъ смѣшенія этихъ двухъ семействъ. Они скорѣе принимаютъ что въ глубокой древности два названныя семейства не такъ были отличны одно отъ другаго какъ теперь, отъ чего и древній египетскій языкъ (отъ котораго происходитъ нынѣшній Коптскій) былъ сходенъ съ обѣими по своимъ корнямъ. Но изъ этого однако же вовсе не должно заключать, что оба эти семейства произошли непосредственно отъ древне-египетскаго языка. Важно уже и то, что самые древніе языки своими грамматическими формами, не принадлежали ни къ одно-

му изъ этихъ двухъ семействъ, но составляли средину между ними; по этому можно думать что они сдѣлались различными только въ послѣдствіи. Это мнѣніе такъ ново, что его еще не всѣ приняли, но если будетъ доказана его справедливость, то это согласитъ между собою результаты и выводы Исторіи съ результатами изслѣдованій лингвистовъ. Тогда можно будетъ сказать, что индо-европейскіе и симитическіе народы суть только 2 вѣтви первоначальнаго, древняго племени, жившаго около юго-восточнаго угла Средиземнаго моря; изъ первой вѣтви одна часть подвинулась на западъ, тогда какъ другая переселилась далѣе къ востоку (индусы). Многія противорѣчія между выводами историческихъ и лингвистическихъ изслѣдованій, были бы тогда уничтожены. Такъ Шафарикъ принимаетъ, что Сарматы не были Славянами, потому что одинъ изъ греческихъ писателей говоритъ положительно, что Сарматы пришли изъ Миріи VII вѣкѣ до Р. Х. Но Мидія съ Персіей, съ одной страны, малая Азія съ другой, суть именно вѣроятнѣйшія страны переходовъ въ переселеніи пришедшихъ въ Европу индо-европейскихъ народовъ. А Зендъ съ такимъ же правомъ, какъ и Санскритъ можно считать корнемъ ихъ языковъ. И конечно что раздѣленіе первоначальнаго языка на 2 большія вѣтви, санскритскую и симитическую, могло произойти въ Вавилонскомъ государствѣ.

Чтобы опредѣлить духовную особенность, которою характиризуется эта группа народовъ, стоитъ только бросить взглядъ на ихъ исторія. Мы найдемъ, что почти все то, что споспѣшествовало высшему образованію человѣческаго общества, развито было этой группой, что степени образованія, до которыхъ достигли другіе народы, совершенно исчезаютъ предъ многосторонностью ея образованія. Группы Негритосовъ, Океанійцевъ и Негровъ не оставили намъ рѣшительно ни письменныхъ, и никакихъ либо другихъ памятниковъ своего прошедшаго; слѣдовательно они не имѣютъ Исторіи. Американская группа, до

открытія Америки, конечно имѣла устроенныя государства, въ которыхъ процвѣтали различныя искусства, она оставила по себѣ большія памятники зодчества,—однако, до прибытія Европейцевъ, они достигли только до изобразительнаго письма. Восточно-азіатская группа въ Китаѣ и Японіи безъ сомнѣнія пошла далѣе. Неоспоримо, что въ Китаѣ было раннее развитіе: оно дошло до употребленія знаковъ изображающихъ понятія, но за тѣмъ насталъ продолжительный застой. Эта восточная цивилизація до того была отдѣлена отъ западной, что *послѣдняя* не могла воспользоваться ни однимъ успѣхомъ, который сдѣлала первая, за исключеніемъ можетъ быть изобрѣтенія компаса. Когда венеціанецъ Марко-Поло прибылъ въ XIII столѣтіи въ Китай, то нашелъ тамъ компасъ въ общемъ употребленіи. Скоро послѣ смерти этаго знаменитаго путешественника, начали и въ Европѣ употреблять магнитную стрѣлку для опредѣленія пути на морѣ. По этому я считаю вѣроятнымъ, что въ Европѣ научились употреблять магнитную стрѣлку изъ разсказовъ Марко-Поло. Всѣ остальныя открытія въ искусствахъ и наукахъ западная группа должна была сдѣлать сама; она должна была пройти чрезъ всѣ ступени, отъ грубой дикости до высшихъ проявленій цивилизаціи, которыя до сихъ поръ извѣстны, при чемъ нѣкоторыя страны отошли назадъ, въ состояніе варварства. Безъ знакомства съ нею ни одна другая группа, какъ кажется, не могла придумать письменныхъ знаковъ для выраженія звуковъ голоса, по крайней мѣрѣ не придумали письма въ которомъ бы слоги распадались на буквы(*). А она сдѣлала это открытіе нѣсколько разъ, какъ видно изъ невозможности считать измѣне-

(*) Китайцы остановились на полу-дорогѣ; они дѣйствительно употребляютъ свои письмена-понятія, по звукамъ, для выраженія слоговъ, потому что иначе они ни какъ не могли бы писать собственныхъ именъ. Японцы употребляютъ нѣсколько родовъ слоговыхъ письменъ, образовавъ ихъ изъ китайскихъ знаковъ.

ніями одной и той же письменной системы различныя клинообразныя письмена, индійскія, симитическія и египетскія буквенное письмо, которое тамъ также существовала съ изобразительнымъ и символическимъ письмомъ, наконецъ древнія сѣверныя руническія письмена. Только эта группа породила истинную науку, только она развила истинное исскуство. Зодчество, рисованіе и даже поэзія другихъ группъ остановились на гораздо низшей степени. Не только истинное Откровеніе распространено исключительно этой группой: изъ нея же проистекли наиболѣе распространенныя религіи многобожія, каковы браманизмъ и буддизмъ, равно и ученія Зороастра. За исключеніемъ однихъ древнихъ Перуанцевъ, всѣ другіе группы достигли только недостойнаго фетишизма или шаманства.

Какъ государства, существующія съ давняго времени, другія группы могутъ выставить предъ нами только Китай и Японію, но и тѣ устояли бы съ трудомъ, если бы положеніе ихъ не было до такой степени изолировано На этомъ же основаніи одинъ ученый, который преимущественно занимался изученіемъ исторіи образованіе въ человѣчествѣ, назвалъ эту группу *совершенствующеюся*, а другія — *недоподвижными*.

Исторія народовъ, во всемъ своемъ объемѣ, сколько мы знаемъ ее, не только показываетъ намъ въ этой группѣ стремленіе идти впередъ и постоянное подчиненіе ей всѣхъ другихъ группъ, но и различную способность къ развитію въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ ея: краткій очеркъ сдѣлаетъ намъ это совершенно яснымъ. Восточная Азія имѣла, правда, тоже свой ходъ развитія, но онъ остался совершенно отчужденымъ отъ западнаго и остановился неподвижно.

Въ самой глубокой древности, до которой уже не въ состояніи проникнуть основательное историческое изысканіе, находимъ мы первые слѣды образованія у Египтянъ. Эту древность доказываютъ не только Св. Писаніе, но и памятники зодчества въ этой странѣ. Отсюда разливается образованность на симитическія и индо-европей-

скія племена. Отъ первыхъ происходитъ народъ, получившій Откровеніе Еднаго Истиннаго Бога и, въ долгомъ отчужденіи отъ другихъ народовъ, вся жизнь его проникается Божественной идеей. Совершенно иначе чѣмъ Евреи, другой симитическій народъ, преданный много-божію,—Финикіяне, своими далекими торговыми путешествіями бросаетъ въ Европу и другіе берега Средиземнаго моря первыя сѣмена образованности. Въ тоже время въ далекой Индіи процвѣтаетъ поэзія, въ Вавилонѣ — торговая и богатая искусствомъ промышленность, въ Персіи — поклоненіе свѣту (приближеніе къ едино-божію), соединенное съ могучимъ развитіемъ государственнаго организма. Эти царства разрушаютъ недолговременное царство Іудейское и разныя государства Малой-Азіи и тѣмъ самымъ разсѣеваютъ жителей уже образованыхъ странъ.

Въ Греціи, богатой берегами и островами, останавливается перелетная образованность со всѣхъ сторонъ и разцвѣтаетъ въ новой формѣ, пока наконецъ греческое войско Александра низвергаетъ самостоятельность азіатскихъ государствъ и Египта, далеко распространяя греческое образованіе по Азіи и Африкѣ. Тогда замѣчаетъ ослабленіе въ жизненной силѣ греческихъ государствъ. Между тѣмъ въ Италіи образовалось родственное Грекамъ по племени Государство, въ которомъ если и менѣе жизненности ума, то тѣмъ болѣе развита жизненность государственная, и Римъ расширяетъ свое могущество до границъ Финикійскаго царства, до границъ Карѳагенской республики, наибольшей изъ финикійскихъ колоній. Битва на жизнь и смерть начинаетъ между ними, и побѣдоносному Риму подчиняются потомъ всѣ государства, которыя до тѣхъ поръ играли роль во всемірной Исторіи. Съ этого времени рѣшено повсюдное господство племенъ индо-европейскихъ надъ симитическимъ: оно сосредоточивается въ среднѣ южной Европы и тамъ же находитъ спасеніе греческая образованность. Таково главное содержаніе древней Исторіи. Все, что показалось на этомъ поприще изъ другихъ народныхъ группъ,

какъ напр. Скиѳы, которые родственны по всей вѣроятности Монголамъ или по крайней мѣрѣ Татарамъ, все исчезаетъ, не оставляя даже слѣдовъ.

Божественное Откровеніе, данное Еврейскому народу, тихо распространяется по всей Римской Имперіи, въ то время, когда небольшая Іудея исчезаетъ изъ списка Государствъ и Римская Имперія не можетъ противустать этому незамѣтному вліянію. Скоро потомъ нападаютъ на раздвоившуюся Имперію сѣверные германскіе народы, еще варвары по образованію. Эти варвары низвергаютъ западную часть ея, но находя тамъ Христіанство и цивилизацію, подчиняютъ тому и другому. Тогда Христіанство, основавъ столицы въ Римѣ и Константинополѣ, проникаетъ на сѣверъ, имѣя постоянной спутницей цивилизацію, потому что ни гдѣ не появляется оно отдѣльно отъ искусства писать. Еще разъ вторгается въ западную Европу побѣдителемъ симитическій народъ (Аравитяне), но, послѣ продолжительной борьбы, христіанскіе народы выгоняютъ его. Между тѣмъ востокъ наводняютъ монгольскія и татарскія орды; однако, чрезъ нѣсколько столѣтій, и они должны уступить. Наконецъ въ юговосточную Европу проникаетъ побѣдителемъ другой турецкій народъ, Османлы и низвергаетъ Византійскій престолъ.

Новая исторія не знаетъ такихъ битвъ. Съ самаго начала ея въ Европу изъ другой части свѣта не вторгался ни одинъ народъ. Именно тѣмъ и начинается новая Исторія что послѣдніе побѣдители изъ Азіи (Османы) не проникаютъ уже въ Европу, а, напротивъ, европейскіе народы начинаютъ безпрырывно разливаться по другимъ частямъ свѣта, съ одной стороны, изъ восточнаго края чрезъ Сибирь до Америки, а съ другой, еще прежде, изъ западнаго края по Америкѣ и чрезъ Африку по Индіи, наконецъ по Новой Голландіи и всѣмъ островамъ Южнаго моря. Европейскіе народы владычествуютъ теперь на всѣхъ моряхъ, поселяются на всѣхъ берегахъ, проникаютъ въ средину

частей свѣта и повсюду разносятъ Христіанство и сѣмена евпропейской образованности. Народы другихъ группъ переходятъ въ Европейцевъ или исчезаютъ, если не могутъ слиться съ ними въ этомъ состояніи образованности. Америка, съ открытія которой началась новая Исторія, имѣетъ уже болѣе жителей европейскаго происхожденія нежели потомковъ древнихъ туземцовъ. Велико также число мулатовъ и не большіе острова Южнаго океана безъ сомнѣнія въ теченіи столѣтія сдѣлаютъ вполнѣ европейскими. Въ сущности это распространеніе Европейцевъ по всему міру составляетъ кажется главное содержаніе новой Исторіи: какаго бы рода ни были междуусобныя политическія войны, они очень часто имѣютъ слѣдствіемъ большее или меньшее переселеніе Европейцевъ въ другія части свѣта.

Я часто упоминалъ здѣсь только о Европейцахъ, хотя нашимъ исходнымъ пунктомъ была вся Западная группа. И такъ осталось только замѣтить, что съ окончаніемъ Среднихъ Вѣковъ симитическіе поколѣніе какъ въ прежнее время потеряло свое владычество, такъ теперь утратило историческую важность предъ Европейцами: оно исполнило свое назначеніе, бывъ сначала хранителемъ религіозныхъ даровъ человѣчества, а въ Средніе Вѣка — избавивъ отъ гибели часть греческихъ твореній. Но только въ сравненіи съ этимъ поколѣніемъ окончило оно свою роль, потому что въ Африкѣ Симиты играли ее еще въ теченіи всей Новой Исторіи. Съ сѣвера и съ востока далеко проникли Аравитяне въ страны Негровъ и, чрезъ посредство религіи, привели ихъ къ общественному развитію. Всѣ большія государства, которыя мы находимъ теперь въ сѣверной половинѣ Африки, произошли первоначально подъ вліяніемъ Аравитянъ. Они приготовляютъ поле къ дальнѣйшему развитію.

Но и отдѣльныя семейства великаго индо-европейскаго племени далеко удержали за собою не одинаковое историческое значеніе или одинаковую политическую важность. Семейства индѣйское и персидское дав-

но потеряли независимость, и даже въ самой Европѣ значеніе различныхъ семействъ очень различно. Три высокіе горные хребта, образующіе почти непрерывную линію: Перинеи, Альпы и Балканы раздѣляютъ Европу на два отдѣленія: на меньшее — Южное и большее — Сѣверное. Въ то время, которое мы называемъ Древнимъ, южная часть была первенствующею по образованности и политическому могуществу. Въ Средніе Вѣка тянулась борьба между сѣверной и южной Европой; въ новѣйшее время сѣверная часть рѣшительно первенствуетъ, особенно съ того времени, какъ ослабилось могущество Испаніи. Въ настоящее время только три семейства индо-европейскихъ народовъ управляютъ судьбою человечества; это семейство Романское, Германское и Славянское, а въ каждомъ изъ нихъ, преобладающихъ народовъ только одинъ или два.

Конецъ.

Фиг. 5. — Деревня Рудница спереди въ $\frac{1}{4}$ настоящей ве-

Племена.

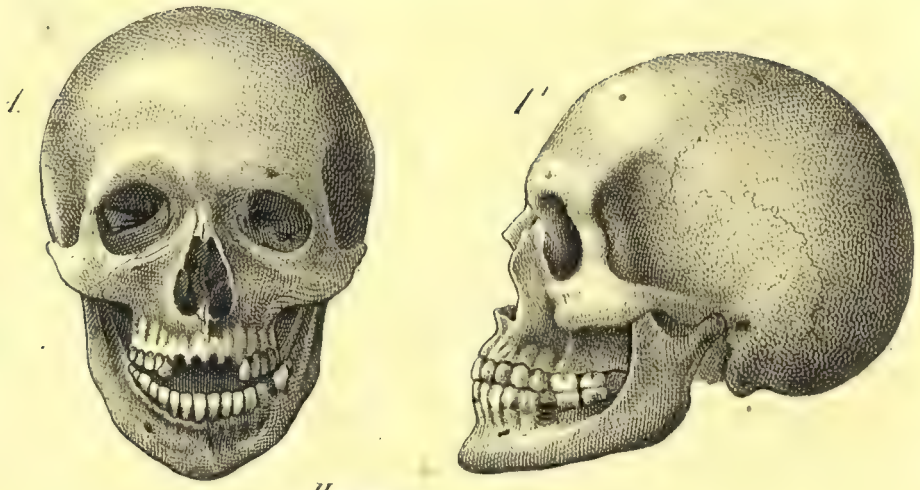
Фиг. 1. — Черепъ Чеченца спереди въ $\frac{1}{4}$ настоящей величины. — 1′ Онъ же съ боку.

Фиг. 2. — Черепъ изъ племени Альфуру (Alfoer), обитателей Новой Гвинеи, спереди въ $\frac{1}{4}$ настоящей величины. —2′ Онъ же съ боку.

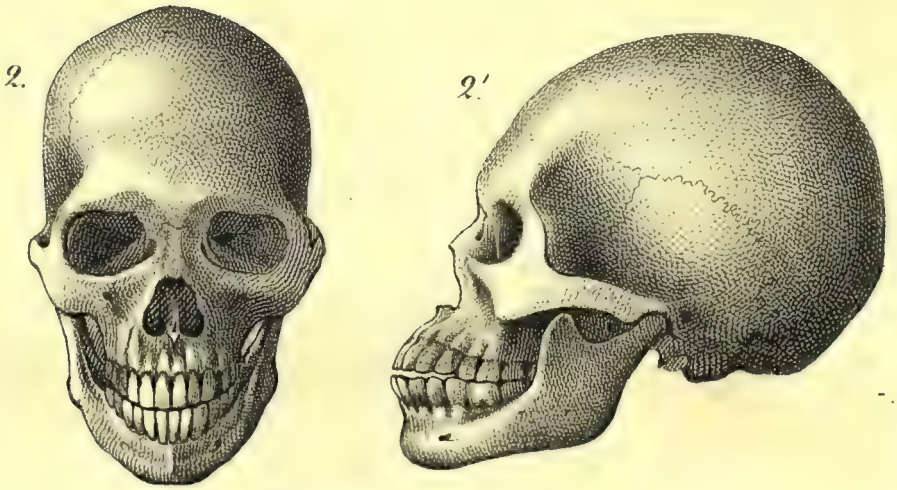
Фиг. 3. — Черепъ Бурята спереди въ $\frac{1}{4}$ настоящей величины.

Фиг. 3′. — Онъ же съ боку.

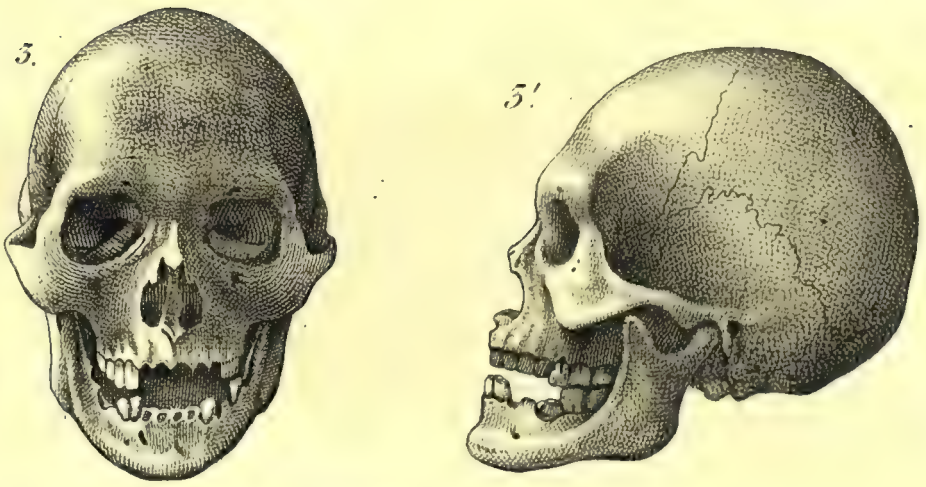
Съ экземпляровъ, хранящихся въ анатомическомъ музеѣ Академіи Наукъ.



Чеченецъ.



Альфуру.

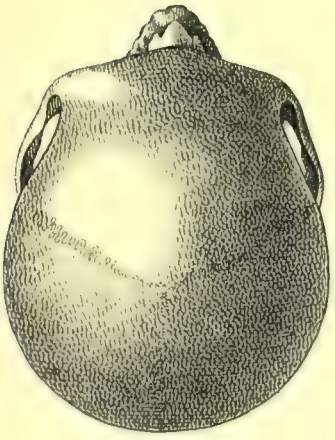


Бурятъ.

ПЛЕМЕНА.

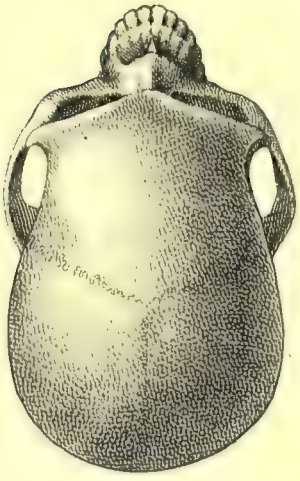
Рис. И. Бернштейн. Грав. Р. Юргенс

1



Чеченецъ.

2.

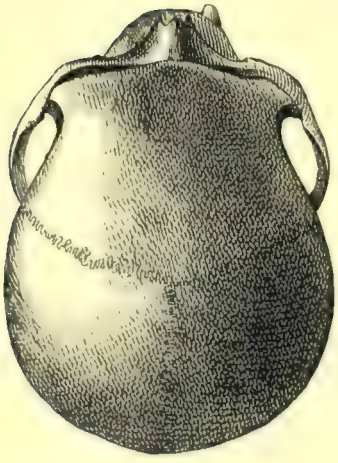


Альфуру.

3.

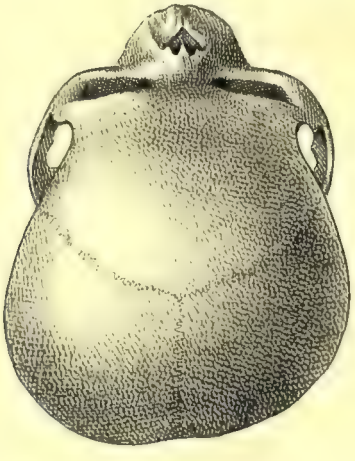
Бурятъ

4.



Бурятъ.

5.



Индѣецъ.

ПЛЕМЕНА.

Рис. П. Бѣлоглѣвъ

Лит. Юрицъ

Племена.

Черепа сверху.

Фиг. 1, 2 и 3. — Тѣже черепа, которые изображены на табл. 28; 1 Чеченца, 2 Альфуру и 3 Бурята.

Фиг. 4. — Черепъ другаго Бурята, замѣчательный своею шириною.

Фиг. 5. — Черепъ Индійца изъ Калифорніи.

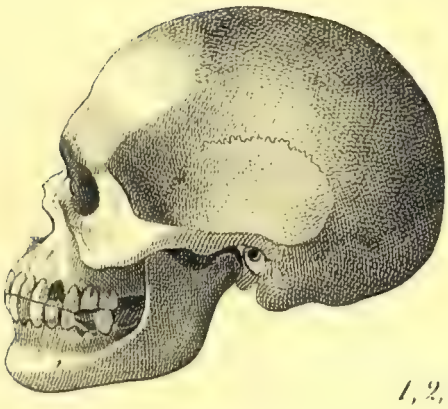
Съ экземпляровъ, хранящихся въ анатомическомъ музеѣ Академіи Наукъ.

Фиг. 1. — Левый абориген Бубата,

табл. 28; 1 Ленивец, 2 Агафил

Фиг. 4, 5 и 6. — Трое [illegible] изображения на

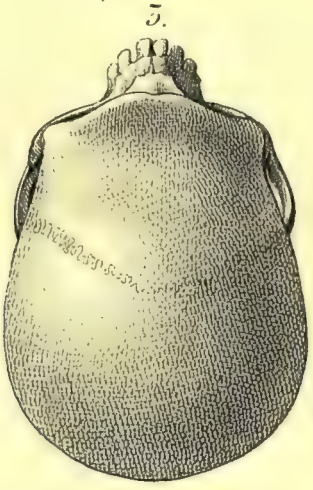
1.



2.

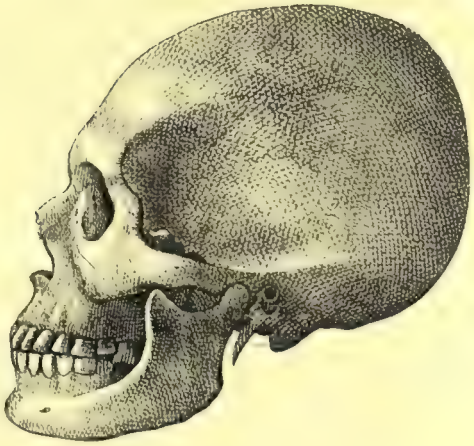
1, 2, 3, Великороссійск:

3.



4.

5



3, 4, Малороссійскіе, Харьковск: Губерн:

ПЛЕМЕНА.

Рис. И. Бернштейнъ

Племена.

Фиг. 1. — Черепъ Великороссіянина, съ боку; въ $\frac{1}{4}$ настоящей величины.

Фиг. 2. — Онъ же спереди.

Фиг 3. — Онъ же сверху.

Фиг. 4. — Черепъ Малоросса, Харьковской губ., спереди.

Фиг. 5. — Онъ же съ боку.

Съ экземпляровъ анатомическаго музея Акад. Наукъ.

Фиг. 1 и 2. — Фланец-нож Кухонь.

Племена.

Черепа

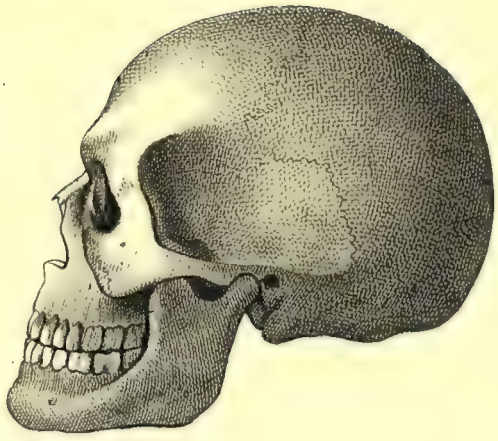
Фиг. 1 и 2. — *Финна*, изъ Куопіо.

Фиг. 3 и 4. — *Калоша*, изъ Ситхи.

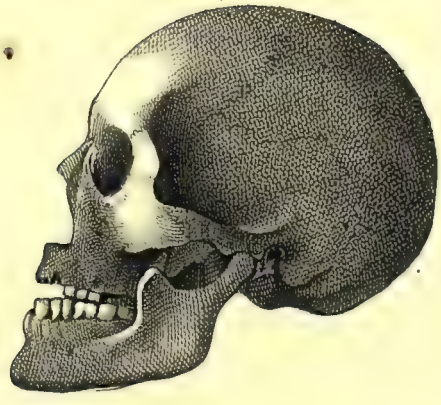
Съ экземпляровъ анатомическаго музея Академіи Наукъ.

1.

2.



3.



4.

ПЛЕМЕНА.

Рис. И. Бермелевъ

Грав. Р. Юринъ

1.

2.

1. ЧУХНА (ЭСТОНЕЦЪ) 2, ЛАТЫШЬ.

Племена.

Фиг. 1. — *Чухна*, Эстонецъ.

Портретъ Якова Мальсупа, 57 лѣтъ.

Фиг. 2. — *Латышъ.*

Портретъ Андрея Баллота.

Оба изъ Лифляндской губ. уѣзда города Валха съ мызы Земерсгофъ, барона Вольфа.

Изъ портфелей Г. академика Бэра.

1.

2.

1. ЗЫРЯНИНЪ. 2. МОРДВА.

Племена.

Фиг. 1. — *Зырянинъ.*

Фиг. 2. — *Мордва.*

Портретъ Трофима Данилова, изъ Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда; 38 лѣтъ.

Оба на службѣ въ Чернорабочемъ Экипажѣ.

Изъ портфелей Г. академика Бэра.

1–2, САМОЙДЪ. 3. ЭСКИМОСЪ.

Племена.

Фиг. 1. — *Самоѣдъ*, изъ племени Тиманъ—Самоѣдовъ. Портретъ Верейко Хамьяна, снятый въ Петербургѣ. Изъ неизданнаго сочиненія Г. Академика Меддендорфа.

Фиг. 2. — Профиль его же.

Фиг. 3. — Эскимосъ, съ береговъ Пролива Коцебу.— Изъ вояжа Коцебу.

1-2. ТУНГУЗЪ, 3. ТУНГУЗКА.

Племена.

Фиг. 1. — *Тунгузъ* (Савелій Боягеръ).

Фиг. 2 — Профиль его же.

Фиг. 7. — *Тунгузска* изъ племени Чапогиръ.

Изъ неизданнаго описанія Путешествія Г. Академика Миддендорфа.

Племена.

Фиг. 1—3 *Тунгузы.*

Фиг. 1 Портретъ Прокопія Курбатова, съ Нижней Тунгузки.

Фиг. 2. Портретъ Ивана, изъ Курейки.

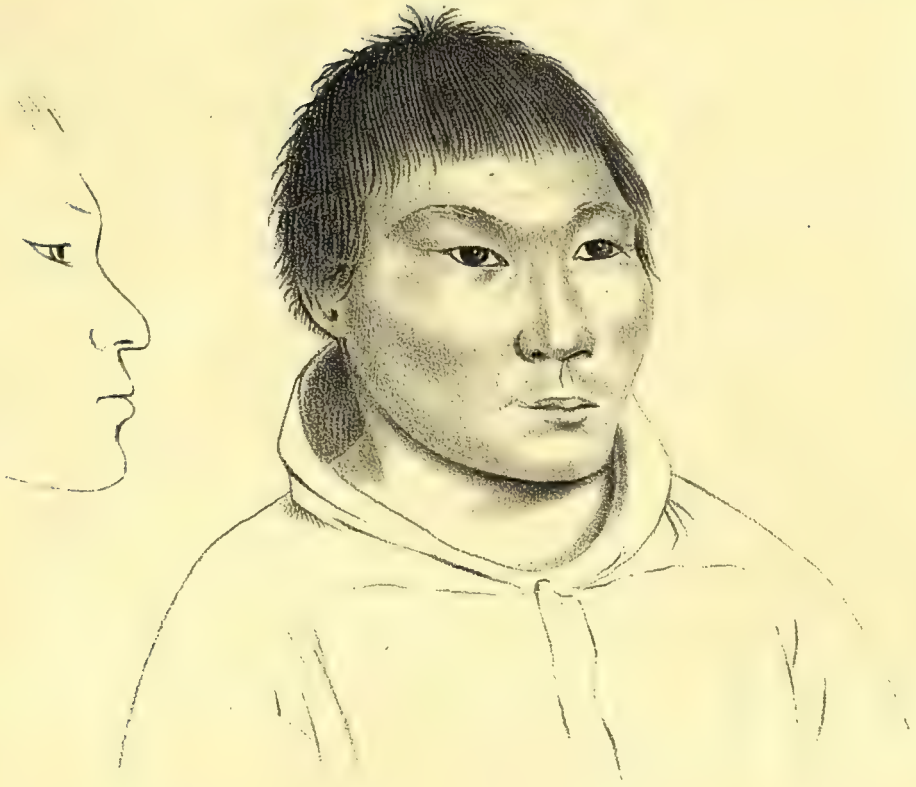
Фиг. 3. Профиль его же.

Изъ неизданнаго сочиненія Г. Академика Миддендорфа.

1-3. ТУНГУЗЫ.

1.

2.



3.

1-2. ЮРАКЪ 3-4. ОСТЯКЪ.

Племена.

Фиг. 1—2. Портретъ и профиль Юрака.

Фиг. 3—4. Портретъ и профиль Остяка (Сымъ)

Изъ неизданнаго сочиненія Г. Академика Миддендорфа.

СЕМЕЙСТВО КОЛОШЕЙ.

Племена.

Семейство колошей, изъ Ситхи, въ національныхъ костюмахъ, кромѣ мальчйка, которому была подарена военная одежа.

Изъ Портфеля Д. С. С. Постельса.

1-2. ЧЕРКЕССЪ. 3. РУССКІЙ.

Племена.

Фиг. 1 Портретъ Князя Рустана Цибетельскаго.

Фиг. 2. Профиль его же.

Изъ Портфелей Г. Академика Бэра.

Фиг. 3. Портретъ кучера, родомъ изъ Московской Губерніи.

2.

4.

3.

1.

ПЛЕМЕНА.

Племена.

Фиг. 1. *Новоголандецъ.* Портретъ *Уру-Мара,* вòйна изъ поколѣнія Gwea-Gul.

— 2. *Негръ* изъ Конго.

Оба изъ Cuvier Règne Animal par Milne-Edwards.

— 3. *Федоръ Ивановичъ Калмыкъ.* Копія съ оригинала рисованнаго имъ самимъ.

— 4. *Еврей* торговецъ изъ Волынской губерніи, съ натуры.

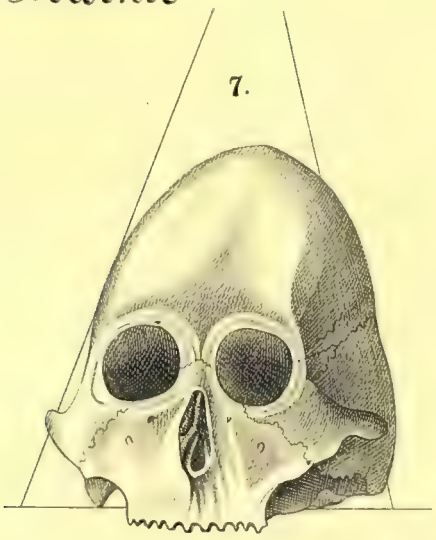
Племена.

Фиг. 1. Черепъ изъ весьма древней гробницы Московской губерніи съ боку;
— 2. онъ же сверху.
— 3. Черепъ Оренбургскаго Татарина съ боку;
— 4. онъ же спереди.
— 5. Черепъ изъ древней гробницы въ Скандинавіи; уменьшенъ по Нильсону.
— 6. Черепъ Калмыка сверху.
— 7. Пирамидальный черепъ Эскимоса, замѣчательный необыкновенно заостренною формою (см. стр. 591) По Причарду.

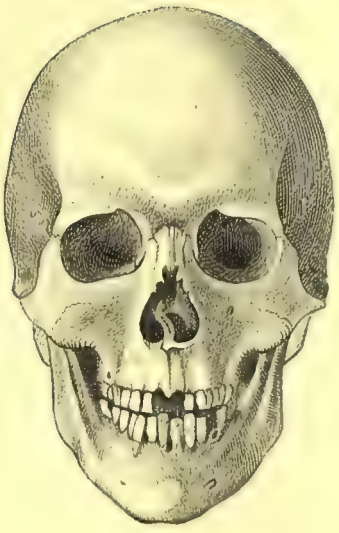
Всѣ въ $\frac{1}{4}$ настоящей величины.

Фиг. 1, 2, 3, 4 и 6 съ экземпляровъ анатомическаго Музея Академіи Наукъ.

7.



4.

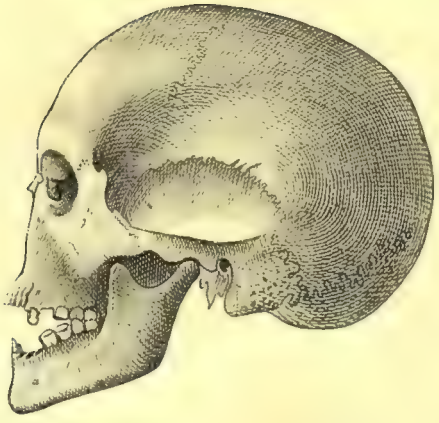


2.

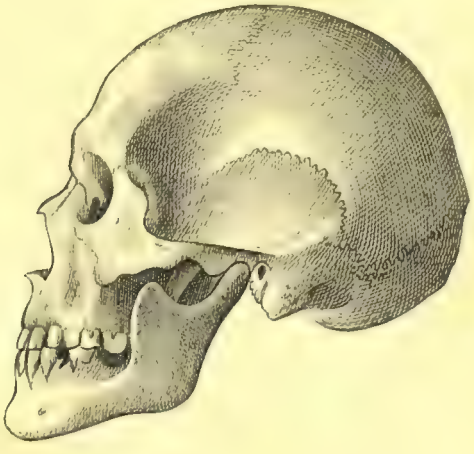
5.

6.

1.



3.



ПЛЕМЕНА.

Рис. И. Бермелловъ Грав. Д. Голмаевскій.

2.

1.

3

4

ПЛЕМЕНА.

Племена.

Фиг. 1. *Съверо-американецъ*, изъ охотничьихъ народовъ; по Кетлину (Catlin).

— 2. *Киргизъ*.
Съ оригинала доставленнаго Полковникомъ Гельмерсеномъ.

— 3. *Айносъ*.
По Тилезіусу, въ путешествіи Крузенштерна.

— 4. Русскій ямщикъ.
По Митрейтеру.

Изъ портфелей Г. Академика Бэра.

Племена.

Портретъ г. Профессора С. Петербургскаго Университета Казем — Бека, Персіанина.

Изъ портфелей Г. Академика Бэра.

ПЛЕМЕНА.

Племена.

Фиг. 1. Портретъ нынѣшняго китайскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, изъ Манджурскаго поколѣнія.

Съ китайскаго оригинала принадлежащаго Полковнику Ковалевскому.

Изъ портфелей Г. Академика Бэра.

Научн. Б-ка
РСФСР
193

ПЛЕМЕНА.